Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (53)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2019

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 1 (53). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 131 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 1 (53)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2019

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 1 (53). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2019. – 131 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov - D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Мизиковский И.Е. Структурирование объекта учета затрат и калькулирования себестоимости продукции полиграфических предприятий 7
Миролюбова Т.В., Оборин М.С. Формирование регионального туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом как фактор развития региональной экономики 14
Перова В.И., Папко А.В. Нейросетевой анализ динамики инвестиционной деятельности регионов Российской Федерации 24

Социологические науки

Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Современные теории изучения ценностно-смысловой сферы 33
Ивашиненко Н.Н., Теодорович М.Л., Патокина Н.Н. Вовлечение населения в процессы регулирования конкуренции 41
Аверин Ю.П., Сушко В.А. Особенности социализации подростков в Советском Союзе и современной России: сравнительный анализ 49
Ахмадинуров Р.М., Испулова С.Н. Социальное пространство монопрофильного города: специфика, проблемы 60
Осянин А.Н. Национальная идентичность российского общества: социологический аспект 65
Панкратова Е.В. Методики оценки качества семейной жизни в зарубежной социологии 73
Леонова И.С. Организационная культура и трудоустройство людей с инвалидностью в зарубежных исследованиях 78
Кутявина Е.Е., Ивашечкина Д.Е. Место религии в системе ценностей студентов 87
Ушакова Я.В., Морзавченкова Е.В. Мотивация выбора направления подготовки и отношение студентов к учебному процессу 94
Петрушков М.Г. Анализ ситуации в сфере социальной защиты и поддержки лиц с ограниченными возможностями в Республике Таджикистан: современное состояние и перспективы 102

Педагогические науки

Куликова Е.В. Использование проектно-ориентированных методов при обучении студентов иностранному языку 116
Малинин В.А. Формирование предпринимательских способностей у обучающихся в системе «школа – вуз» 125

CONTENTS

Economic sciences

Mizikovsky I.E. Structuring the object of cost accounting and calculation of production costs in printing companies.....7
Mirolyubova T.V., Oborin M.S. Formation of the regional tourist cluster with a health and fitness component as a factor of the regional economy development.....14
Perova V.I., Papko A.V. Neural network analysis of investment activity dynamics of the Russian Federation regions.....24

Sociological sciences

Rostovskaya T.K., Kaliyev T.B. Modern theories of studying the axiological sphere.....33
Ivashinenko N.N., Teodorovich M.L., Patokina N.N. Possibilities for involving the population in the regulation of market competition.....41
Averin Yu.P., Sushko V.A. Some peculiarities of adolescents' socialization in the Soviet Union and in modern Russia: a comparative analysis.....49
Akhmadinurov R.M., Ispulova S.N. Social space of a single-industry city: specific features and problems.....60
Osyanin A.N. National identity of the Russian society: a sociological aspect.....65
Pankratova E.V. Methods for assessing the quality of family life in foreign sociology.....73
Leonova I.S. Organizational culture and employment of people with disabilities in foreign research.....78
Kutyavina E.E., Ivashechkina D.E. Religion in students' value system.....87
Ushakova Ya.V., Morzavchenkova E.V. Motivation of the choice of the area of study and students' attitude to the educational process.....94
Petrushkov M.G. Analysis of the situation in the area of social protection and support to persons with disabilities in the Republic of Tajikistan: the current sate and prospects.....102

Pedagogical sciences

Kulikova E.V. The use of project-oriented methods in teaching students a foreign language.....116
Malinin V.A. Development of school students' entrepreneurial abilities in the system «school – university».....125

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 657

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА УЧЕТА ЗАТРАТ И КАЛЬКУЛИРОВАНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ ПРОДУКЦИИ ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2019 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.11.2018
Статья принята к публикации 15.01.2019

Целью статьи является повышение качества учетно-калькуляционного пространства предприятия полиграфической промышленности. В ходе исследований использованы теоретические и эмпирические методы, с помощью которых были получены результаты: сформулировано определение объекта учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг), структурирован набор критериев объективизации носителей затрат в пространство учетно-калькуляционных объектов предприятий полиграфической промышленности, доказана необходимость разукрупнения применяемого объекта учета затрат и калькулирования себестоимости продукции полиграфического предприятия. Системное совершенствование терминологического пространства, способствующее совершенствованию применяемого инструментария экономических расчетов, позволяет в значительной степени улучшить результаты учетно-калькуляционной работы в отраслевых бухгалтерских практиках.

Ключевые слова: затраты, объект учета, калькулирование, себестоимость, полиграфическое предприятие, объективизация, пространство учетно-калькуляционных объектов.

Введение

Не требует доказательств тот факт, что работа типографий, полиграфических комбинатов, издательско-полиграфических комплексов, а также организаций, имеющих в своей структуре обособленные полиграфические подразделения, имеет не только коммерческое, но и очень важное социально-культурное значение. Выпускаемая ими продукция разнообразна и разнопланова – издание печатной продукции: газет, книг, периодических изданий, деловых бланков, поздравительных открыток, коммерческой печатной продукции, обоев, бумажных игрушек, елочных украшений и т.п. Предприятия данной отрасли оказывают производственные услуги, в том числе по резке бумаги, регенерации формных пластин, к их вспомогательной деятельности относится переплетное дело, изготовление печатных форм и обработка изображений.

Широкое распространение и высокая общественная значимость полиграфической продукции наряду со значительной конкуренцией в этой отрасли требует значительных усилий по управлению затратами, в том числе реализации важнейших стратегий повышения конкурентоспособности, предполагающих экономию ресурсов, применяемых в обычных видах деятельности хозяйствующих субъектов. Реализация этих стратегий невозможна без максимально точных расчетов удельной себестоимости продукции полиграфических предприятий, основанных на использовании передовых методологий учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг, товаров). Необходимо отметить, что учетно-калькуляционные методологии должны быть не только «техническим» инструментом индикации состояния затрат, но и неотъемлемым элементом системы перманентных текущего и перспективного экономического планирования организации.

Вполне очевидно, что учетно-калькуляционный инструментарий является многофункциональным комплексом средств по обработке сложно организованного, многоуровневого учетно-информационного пространства затрат предприятия на обычную деятельность. Несущие элементы конструкции последнего – объекты учета затрат и калькулирования себестоимости (ОУЗКС) продукции полиграфического предприятия, имманентным свойством которых является группировка затрат в их разрезах, технически оформляемая в виде записей в соответствующих регистрах бухгалтерского учета. Необходимо отметить, что даже в условиях

комплексной автоматизации бухгалтерии и внедрения автоматических систем обработки данных процесс преобразования сведений о затратах остается рутинным, трудоемким и дорогостоящим; достижение точности и своевременности формирования отчетных данных о потреблении ресурсов, обеспечение максимальной достоверности информационной базы и, следовательно, результатов учетно-калькуляционной работы – трудными.

Структурирование ОУЗКС невозможно без комплексного анализа сущности этой экономической категории. Исследования, проведенные автором на ряде предприятий полиграфической промышленности нижегородского промышленного кластера, показали, что, к сожалению, в учетной политике предприятий, в соответствующих тематике локальных стандартах нет четко оформленного раскрытия сложного и очень важного для бухгалтерии и управления предприятием в целом понятия ОУЗКС. Нет и «прописанных» критериев объективизации носителей затрат в пространство учетно-калькуляционных объектов предприятий полиграфической промышленности, что тоже является существенным пробелом нормативно-регулирующей системы учета полиграфических предприятий.

Другой выявленной автором проблемой в ходе исследования учетно-калькуляционного пространства предприятий полиграфической индустрии нижегородского промышленного кластера явилось использование в качестве ОУЗКС не только продукции (работ, услуг), но и текущих производственных активов (производственных запасов), а также мест (центров) возникновения затрат. Это, по мнению автора, является следствием отсутствия четкой формализации понятия ОУЗКС и набора критериев объективизации носителя затрат в учетно-калькуляционное пространство предприятия. Зачастую нет и регламентов корректирования состава ОУКЗС, что, так же как и перечисленные выше проблемы, в значительной степени осложняет учетно-калькуляционный процесс, отрицательно влияет на его результаты.

Вышеперечисленные проблемы учетно-калькуляционного пространства полиграфических предприятий нижегородского промышленного кластера обусловливают цель: повышение качества учетно-калькуляционного пространства предприятия полиграфической промышленности – и задачи исследования: формулирование понятия ОУЗКС, формирование критериев объективизации носителей затрат в учетно-калькуляционное пространство предприятия полиграфической промышленности, разделение объектов учета затрат и калькулирования себестоимости, стоимостной оценки текущих производственных активов, сметного планирования (бюджетирования) затрат.

Анализ существующей теоретико-методологической базы данной проблематики, проведенный автором статьи, показал неоднозначность мнений профессиональных исследователей, главным образом в формулировании однозначного и убедительного определения понятия ОУЗКС. Е.В. Бехтерева в [1] в качестве ОУЗКС рассматривает виды, носители и места возникновения затрат. Сходного мнения придерживается Л.А. Жарикова, отмечая в [2], что «под объектами учета затрат принято понимать места возникновения расходов, т.е. отдельные цехи, производства, участки и так далее, в разрезе которых должны группироваться затраты по изготовлению продукции». На наш взгляд, носитель затрат – это любой объект, на который можно отнести затраты, причем их величина и экономическая обоснованность отнесения вторичны. Иными словами, носителем затрат может рассматриваться любое имущество предприятия от канцелярской скрепки до зданий, сооружений, земельных участков и т.п., виды и места возникновения затрат также относятся к имуществу и, соответственно, объективируются в учетно-калькуляционное пространство.

Профессиональные суждения многих исследователей сходятся на позиционировании в качестве ОУКЗС продуктов труда. О.Е. Николаева, Т.В. Шишкова в [3] придерживаются именно этой точки зрения, отождествляя ОУЗКС и калькуляционную единицу. В.Э. Керимов и Р.Л. Сухов также относят к ОУЗКС продукцию, работы, услуги [4]. Парадигма объективизации продуктов труда в качестве ОУЗКС нашла свое отражение во многих отраслевых методических рекомендациях и инструкциях по планированию, учету затрат и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг, товаров). Так, в Приказе Минсельхоза РФ от 14.12.2004 № 537 «Об утверждении Методических рекомендаций по учету затрат на производство и калькулированию себестоимости масложировой продукции» в качестве объектов затрат позиционируются виды сельскохозяйственной продукции [5].

Методические рекомендации по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на предприятиях издательской деятельности (согласовано МПТР РФ 25.11.2002) [6] рассматривают ОУЗКС в качестве «учетной единицы продукции (работ, услуг)». В Приказе Мининформсвязи РФ от 21.03.2006 № 33 (ред. от 25.01.2007)

«Об утверждении Методических рекомендаций по ведению операторами связи раздельного учета доходов и расходов по осуществляемым видам деятельности, оказываемым услугам связи и используемым для оказания этих услуг частям сети электросвязи» [7] сказано, что в качестве ОУЗКС рассматриваются «виды деятельности по оказанию услуг, выполнению работ и продаже товаров».

Согласно Методическим рекомендациям (инструкции) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса (Извлечения) (утв. Минпромнаукой РФ 26.12.2002) [8] в лесопромышленном комплексе ОУЗКС являются «все виды продукции с единицами измерения, предусмотренными в плане производства в натуральном выражении в планируемом году». В письме Минфина РФ от 23.05.1994 № 66 «О Методических рекомендациях по составу и учету затрат, включаемых в себестоимость проектной и изыскательской продукции (работ, услуг) для строительства, и формированию финансовых результатов» [9] сказано, что ОУЗКС является отдельный заказ, открываемый на каждый объект (вид работ) в соответствии с заключенным договором.

Сходной позиции придерживается ряд авторов трудов по учету затрат и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг). Основу их парадигмы составляют отраслевые особенности структурирования продуктов труда, типа производства и производственного цикла, ее придерживаются известные ученые-бухгалтеры Е.И. Костюкова и Ю.А. Бабаев: Е.И. Костюкова и Р.И. Галилова в [10] в качестве ОУЗКС позиционируют передел, Ю.А. Бабаев в [11] понимает проблему несколько шире и утверждает, что в качестве ОУЗКС могут быть использованы заказ; передел; процесс.

Некой «объединяющей» позиции ученых, предполагающих в качестве ОУЗКС продукты труда, с мнением исследователей о том, что ОУЗКС – это места возникновения затрат, а также с суждениями сторонников «привязки» ОУЗКС к отраслевым особенностям производства придерживается Г.М. Пышкина. На сайте Владивостокского государственного университета экономики и сервиса она публикует мнение о том, что в качестве ОУЗКС могут применяться места возникновения затрат, продукция (работы, услуги). При этом Г.М. Пышкина отмечает, что ОУЗКС «являются места возникновения затрат, виды и группы однородных продуктов, предприятия, производства, цехи, участки, бригады, агрегаты, стадии, переделы, заказы, полуфабрикаты, готовые изделия, бригадо-комплектные группы однородных продуктов и т.п.» [12].

Есть еще одна точка зрения, предполагающая в качестве ОУКЗС методы учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг). Этой концепции придерживаются М.А. Вахрушина, С.А. Рассказова-Николаева, М.И. Сидорова в [13]. Они отмечают, что ОУЗКС являются «попроцессный, попередельный, позаказный методы, а также метод учета затрат (калькулирования) по функциям». Точно такое же мнение высказывает Л.И. Егорова в [14]. Она подчеркивает, что «по объектам учета затрат выделяют попроцессный, попередельный и позаказный методы калькулирования». Наряду с этим в бухгалтерской науке имеет место парадигма, основанная на мнении, что объект учета затрат – это всего лишь признак группировки затрат. Т.П. Карпова отмечает во многих работах, в том числе в учебнике по управленческому учету для вузов [15], что объект учета – «это признак, согласно которому осуществляется группировка производственных затрат для целей управления». Надо отметить, что она отделяет объект калькулирования от объекта учета и пишет, что «объект калькулирования – это вид продукции, полуфабрикатов, частичных продуктов разной степени готовности, работ и услуг определенной потребительной стоимости».

Сторонники парадигмы, основанной на мнении Т.П. Карповой, опубликовали ее в учебных материалах Читинского института – филиала Байкальского государственного университета [16], Санкт-Петербургского торгово-экономического университета [17], на сайтах «Центр управления финансами» [18] и «Студенческая библиотека онлайн» [19]. Надо отметить, что две последние парадигмы ни в коей мере не соответствуют ст. 5 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О бухгалтерском учете» [20], но, как научные гипотезы, безусловно, заслуживают рассмотрения. Необходимо отметить, что в Методических рекомендациях по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на полиграфических предприятиях (согласовано МПТР России 25.11.2002) в качестве ОУЗКС рекомендуется единица продукции (работ, услуг) [21]. Результаты проведенного автором анализа теоретико-методологической базы данной проблематики представлены в табл. 1.

Проведенные автором исследования на ряде предприятий полиграфической отрасли нижегородского промышленного кластера показали, что во внутренних регламентах (положениях, стандартах, инструкциях, распоряжениях и прочих разъясняющих и дополняющих документах) отсутствуют определение понятия и

Таблица 1

Анализ теоретико-методологической базы понятия «объект учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг)»

Сущность концепции	Авторы, источники
Виды, носители и места возникновения затрат	Е.В. Бехтерева, Л.А. Жарикова
Продукты труда, стадии технологического процесса	О.Е. Николаева, Т.В. Шишкова, В.Э. Керимов, Р.Л. Сухов, Е.И. Костюкова, Ю.А. Бабаев, Р.И. Галилова; Приказ Минсельхоза РФ от 14.12.2004 № 537 «Об утверждении Методических рекомендаций по учету затрат на производство и калькулированию себестоимости масложировой продукции»; Методические рекомендации по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на предприятиях издательской деятельности (согласовано МПТР РФ 25.11.2002); Приказ Мининформсвязи РФ от 21.03.2006 № 33 (ред. от 25.01.2007) «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению операторами связи раздельного учета доходов и расходов по осуществляемым видам деятельности, оказываемым услугам связи и используемым для оказания этих услуг частям сети электросвязи»; Методические рекомендациям (инструкции) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса (Извлечения) (утв. Минпромнаукой РФ 26.12.2002); Письмо Минфина РФ от 23.05.1994 № 66 «О Методических рекомендациях по составу и учету затрат, включаемых в себестоимость проектной и изыскательской продукции (работ, услуг) для строительства, и формированию финансовых результатов»; Методические рекомендации по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на полиграфических предприятиях (согласовано МПТР России 25.11.2002)
Места возникновения затрат, виды и группы однородных продуктов: предприятия, производство, цехи, участки, бригады, агрегаты, стадии, переделы, заказы, полуфабрикаты, готовые изделия, бригадо-комплектные группы однородных продуктов и т.п.	Г.М. Пышкина
Методы учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг)	М.А. Вахрушина, С.А. Рассказова-Николаева, М.И. Сидорова, Л.И. Егорова
Признак группировки затрат	Т.П. Карпова; учебные материалы, опубликованные на сайтах Читинского института – филиала Байкальского государственного университета, Санкт-Петербургского торгово-экономического университета; «Центр управления финансами», «Студенческая библиотека онлайн»

порядок выбора объекта учета. Приведенные в таблице 1 результаты анализа теоретико-методологической базы формулирования одного из важнейших понятий учетно-калькуляционного пространства – ОУЗКС позволяют автору прийти к выводу о том, что не имеется единого подхода к его пониманию, что, безусловно, осложняет его применение на практике. Думается, что причиной тому является отсутствие согласованной и научно обоснованной позиции по формированию набора структурирования ОУЗКС, прежде всего четко сформулированных требований объективизации носителей затрат в пространство учетно-калькуляционных объектов предприятий полиграфической промышленности, обоснования уровня его агрегирования. Не требует доказательств необходимость позиционирования данного факта в качестве отдельной научной проблемы бухгалтерского учета хозяйственной деятельности не только предприятий указанной отрасли, но и бухгалтерского учета хозяйствующих субъектов экономики в целом.

Теоретико-методологические подходы

В ходе проведенного исследования автором использованы теоретические методы обобщения и сравнения данных, формализации (структурированного описания) характеристик объекта исследования (SWOT-анализ), а также эмпирические методы наблюдения и описания

Таблица 2

SWOT-анализ результатов использования заказа на изготовление полиграфической продукции в качестве объекта учета затрат и калькулирования себестоимости в условиях серийного производства

Среда	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренняя	*Преимущества*: низкая трудоемкость, упрощение ведения учета, повышение уровня автоматизации	*«Ослабляющие» свойства*: отсутствие данных об удельной себестоимости продукции, снижение точности расчета себестоимости заказа, снижение качества управленческих решений по ценообразованию и экономии затрат
Внешняя	*Дополнительные возможности*: снижение времени обслуживания клиентов	*Факторы, которые могут осложнить достижение стратегической цели*: ослабление конкурентных позиций предприятия

предметной области. Полученные статистические сведения показали, что на большинстве полиграфических предприятий (порядка 95% исследуемых организаций) нижегородского промышленного кластера в качестве ОУЗКС используется заказ, как правило, интегрирующий достаточно широкую номенклатуру производимой продукции. Автором установлено, что на себестоимость заказа списываются производимые затраты без распределения их стоимости в разрезе наименований (видов) продуктов труда, предусмотренных его выполнением. Следует отметить, что само списание происходит на основании фактического расходования ресурсов, документируемого в ходе производства и реализации полиграфической продукции, зачастую без использования норм потребления ресурсов. Отсутствие на многих предприятиях информационной базы нормированных затрат создает условия для крайне негативной ситуации, предполагающей наличие необоснованного расходования оборотных средств.

Автор полагает, что использование в полиграфической отрасли заказа в качестве ОУЗКС не позволяет рассчитывать удельную себестоимость продукции, тем самым в значительной степени снижает качество учетно-калькуляционной работы, заметно снижает точность вычислений, значительно «сужает» информационное поле принятия управленческих решений по ценообразованию и экономии затрат, что, в конечном счете, ослабляет конкурентные позиции предприятия. Необходимо отметить, что рассматриваемый подход, в основе которого лежит неоправданное «укрупнение» ОУЗКС, к сожалению, характерен для многих других отраслей. Безусловно, существует немало условий, в которых использование заказа (процесса, передела) уместно и, более того, необходимо (например, производство мебели, выполнение отделочных работ или других форм бытового обслуживания, выработка энергии). Тем не менее, по мнению автора, в каждой конкретной производственно-хозяйственной ситуации требуется тщательное технико-экономическое обоснование объективизации носителя затрат в пространство ОУЗКС.

Причинами широкой распространенности рассматриваемого методологического подхода являются относительно низкая трудоемкость и существенное упрощение ведения учета затрат и калькулирования себестоимости продуктов труда, практически гарантированный успех автоматизации этого процесса. Анализ исследуемых материалов показал, что, действительно, трудоемкость варианта построения учетно-калькуляционной работы, предусматривающего в качестве ОУЗКС заказ, в несколько раз ниже по сравнению с вариантом, предполагающим в этом качестве экземпляр, погонный (квадратный) сантиметр или иную калькуляционную единицу печатной продукции. В таблице 2 представлены положительные и отрицательные стороны выбора в качестве ОУЗКС заказа на изготовление полиграфической продукции в условиях серийного производства.

Заключение

По мнению автора, в качестве ОУЗКС следует рассматривать законченный результат обычных видов деятельности, имеющий потребительскую стоимость, т.е. продукт труда. По данным таблицы 1 видно, что большинство исследователей придерживаются такой или сходной позиции, она многократно постулирована в приведенном в этой же таблице нормативно-правовом обеспечении учетно-калькуляционной работы многих отраслей экономики. В ходе исследования автором установлено, что в качестве ОУЗКС используются места возникновения (центры) затрат и отдельные виды текущих производственных активов (запасов незавершенного производства, готовой продукции на складах; товары отгруженные, но не оплаченные потребителем). Очевидна необходимость «вывода» указанных носителей затрат из набора ОУЗКС, что позволит упорядочить и системно разграничить методологии стоимостной оценки текущих производственных активов, учета за-

трат и калькулирования себестоимости продукции и бюджетирования (сметного планирования) деятельности мест (центров) затрат.

Из проведенного автором SWOT-анализа результатов использования заказа на изготовление полиграфической продукции в качестве ОУЗКС в условиях серийного производства следует, что формирование удельной себестоимости продукции на исследуемых предприятиях не ведется. Этот факт делает невозможным гибкое и эффективное планирование производственной программы и, по сути, сводит «на нет» столь необходимое в производственном учете нормирование производственных ресурсов.

Неоправданное агрегирование ОУЗКС, причем носящее системный характер, не позволяет в достаточной степени использовать новые, прогрессивные приемы и способы учетно-калькуляционной работы, повысить точность расчетов и своевременность их выполнения.

Пользуясь рекомендациями, изложенными в [21], автор предлагает использовать на исследуемых полиграфических предприятиях в качестве ОУЗКС при выпуске книжно-журнальной, изобразительной и прочей продукции один экземпляр; при выполнении переплетно-брошюровочных работ – 1000 экземпляров. Необходимо отметить, что это относится к общим, «рамочным» рекомендациям и выбор того или иного носителя, безусловно, зависит от специфики выпускаемой продукции хозяйствующего субъекта.

Объективизация носителей затрат в пространство учетно-калькуляционных объектов предприятий полиграфической промышленности должна осуществляться на основе следующих критериев:

• технико-экономическая обоснованность включения данного носителя в состав ОУЗКС;

• возможность формирования удельной себестоимости продукции (работ, услуг);

• возможность группирования и строгого нормирования затрат относительно выбранного объекта;

• отражение в учетной политике и нормативно-регулирующих документах предприятия;

• неизменность на протяжении длительного календарного периода.

Терминологическая идентификация ОУЗКС в сочетании со строгим разделением объектов стоимостной оценки текущих производственных активов, учета затрат и калькулирования себестоимости продукции и бюджетирования (сметного планирования) деятельности мест (центров) затрат, при их безусловном концептуальном сходстве и применении, по существу, в одном информационном поле, позволит не только четко определить состав приемов и способов, присущих каждому из них, но и качественно улучшить их применение в бухгалтерских практиках полиграфических предприятий и хозяйствующих субъектов в других отраслях. «Разукрупнение» ОУЗКС также способствует существенному повышению качества приемов и способов учетно-калькуляционной работы, их ориентированность на максимально точный расчет себестоимости продуктов труда сделает возможным формирование удельной себестоимости продукции полиграфической индустрии.

Адекватное отраслевым особенностям, научно обоснованное понимание сущности ОУЗКС в немалой степени обеспечивает налаживание перманентного и эффективного производственного менеджмента, в том числе номенклатурного планирования, обеспечивает существенное повышение качества результатов учетно-калькуляционной работы и бухгалтерского учета в целом. Успешный выбор ОУЗКС способствует повышению информативности данных о затрачиваемых материальных, трудовых, финансовых, информационных, интеллектуальных и иных ресурсах формирования себестоимости продукции, оказывающих существенное влияние на повышение точности формирования финансового результата хозяйственной деятельности.

Результаты исследований, представленных автором, полностью соответствуют поставленной цели повышения качества учетно-калькуляционного пространства предприятия полиграфической промышленности, способствуют эффективности бухгалтерского учета и корпоративного управления организациями данной отрасли, являются ценным подспорьем дальнейших исследований в области улучшения учетно-калькуляционной работы бухгалтерской службы предприятия, упорядочения экономических расчетов на основе оптимальной структуры предметной области.

Список литературы

1. Бехтерева Е.В. Себестоимость: рациональный и эффективный учёт расходов. 5-е изд., перераб. М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. 148 с. (Серия «Практическая бухгалтерия»).

2. Жарикова Л.А. Управленческий учет: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. 136 с.

3. Управленческий учет: официальная терминология CIMA. Словарь терминов / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД «ФБК-ПРЕСС», 2004. 200 с.

4. Керимов В.Э., Сухов Р.Л. Учет затрат и калькулирование себестоимости услуг в туристических фирмах // Бухгалтерский вестник. 1999. № 11. С. 44–49.

5. Приказ Минсельхоза РФ от 14.12.2004 № 537 «Об утверждении Методических рекомендаций по учету затрат на производство и калькулированию себестоимости масложировой продукции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98331/ (дата обращения: 03.12.2017).

6. Методические рекомендации по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на предприятиях издательской деятельности (согласовано МПТР РФ 25.11.2002). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98759/33a675a36171635bc258e050437ed0fc1da5a546/ (дата обращения: 03.12.2017).

7. Приказ Мининформсвязи РФ от 21.03.2006 № 33 (ред. от 25.01.2007) «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению операторами связи раздельного учета доходов и расходов по осуществляемым видам деятельности, оказываемым услугам связи и используемым для оказания этих услуг частям сети электросвязи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61371 (дата обращения: 03.12.2017).

8. «Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса» (Извлечения) (утв. Минпромнаукой РФ 26.12.2002). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105793 (дата обращения: 03.12.2017).

9. Письмо Минфина РФ от 23.05.1994 № 66 «О Методических рекомендациях по составу и учету затрат, включаемых в себестоимость проектной и изыскательской продукции (работ, услуг) для строительства, и формированию финансовых результатов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4153/765e15c65b04370200eeedb0701dd718178bbb96/ (дата обращения: 03.12.2017).

10. Костюкова Е.И., Галилова Р.И. Организационно-методическое обеспечение управленческого учета затрат и калькулирования себестоимости продукции в рыбоводческих организациях. Монография [Электронный ресурс]. Ставрополь: АГРУС, 2013. 156 с.

11. Учет затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции (работ, услуг): Учеб.-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Бабаева. М.: Вузовский учебник, 2007. 160 с.

12. Электронный ресурс «©1999–2005 Владивостокский государственный университет экономики и сервиса». URL: https://abc.vvsu.ru/Books/l_kalkul_u/page0005.asp (дата обращения: 01.12.2017).

13. Вахрушина М.А., Рассказова-Николаева С.А., Сидорова М.И. Управленческий учет-1. Учебное пособие по программе подготовки и аттестации профессиональных бухгалтеров. Базовый курс. М.: Издательский дом «БИНФА», 2011. 141 с.

14. Егорова Л.И. Бухгалтерский (управленческий) учет: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 111 с.

15. Карпова Т.П. Управленческий учет: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 351 с. (Серия «Профессиональный учебник: Бухгалтерский учет»).

16. Электронный ресурс Studfiles. URL: https://studfiles.net/preview/4121861/ (дата обращения: 03.12.2017).

17. Электронный ресурс Studfiles. URL: https://studfiles.net/preview/3203951/ (дата обращения: 02.12.2017).

18. Электронный ресурс «© 2009–2017. «Центр управления финансами». URL: http://center-yf.ru/data/Buhgalteru/obekty-ucheta-zatrat.php (дата обращения: 01.12.2017).

19. Электронный ресурс «2013 – 2017 «Студенческая библиотека онлайн». URL: http://studbooks.net/916582/buhgalterskiy_uchet_i_audit/obekty_ucheta_zatrat_obekty_kalkulirovaniya_otvechayuschie_tselyam_upravleniya_sebestoimosti (дата обращения: 03.12.2017).

20. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О бухгалтерском учете». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 04.12.2017).

21. Методические рекомендации по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на полиграфических предприятиях (согласовано МПТР России 25.11.2002). URL: http://www.consultant.ru/document/cons _doc_LAW_98696/ (дата обращения: 04.12.2017).

STRUCTURING THE OBJECT OF COST ACCOUNTING AND CALCULATION OF PRODUCTION COSTS IN PRINTING COMPANIES

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of this article is to improve the quality of accounting and calculation in the printing industry. In our research, we used theoretical and empirical methods to achieve the following results: the definition has been formulated of the object of cost accounting and calculation of production (work, services) costs, a set of criteria has been structured to objectively assess the cost object in the accounting and calculation space of printing industry enterprises, the need has been proved to disaggregate the applied object of cost accounting and calculation of production costs of a printing company. Systematic improvement of the terminological space that contributes to the improvement of the tools used for economic calculations will substantially improve the results of the accounting calculation in industry accounting practices.

Keywords: object, accounting, cost calculation, production cost, printing company, objectification, space of accounting and calculation objects.

УДК 348

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА С ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2019 г.

Т.В. Миролюбова, М.С. Оборин

Миролюбова Татьяна Васильевна, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета; председатель комитета по промышленности, экономической политике и налогам Законодательного Собрания Пермского края
mirolubov@list.ru
Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета;
профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова;
профессор кафедры управления и технологий в туризме и сервисе Сочинского государственного университета
recreachin@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2019
Статья принята к публикации 15.02.2019

В сложившихся социально-экономических условиях осуществляется поиск эффективных форм пространственной организации экономики. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о положительном эффекте кластерного подхода в различных видах деятельности. Туристические кластеры обеспечивают рост взаимосвязанных секторов экономики, влияя на рост занятости и доходов населения, обеспечивая приток платежеспособного спроса. С точки зрения устранения сезонности в развитии туризма представляется целесообразным создание туристических кластеров с лечебно-оздоровительным компонентом. Компании, входящие в туристический кластер с лечебно-оздоровительным компонентом, действуют в рамках единой цепочки создания стоимости, при этом конечной целью всех туристских услуг является «впечатление». В связи с этим актуализируются исследования, связанные с моделированием эффекта, оказываемого на экономику региона в результате функционирования туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом. Основной признак функционирования туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом – это наличие на его территории специфических рекреационных ресурсов в качестве конкурентных преимуществ. Корреляционно-регрессионный анализ позволяет установить, что развитие туристического кластера региона в наибольшей степени определяется такими факторами, как «количество турфирм, действующих в регионе» и «протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием». Немаловажным является фактор «количество специализированных средств размещения (дома и базы отдыха, пансионаты, санаторно-курортные организации и т.д.)». Именно эти факторы оказывают наибольшее влияние на развитие региональной экономики с позиций вклада туризма.

Ключевые слова: региональная экономика, туристический кластер, конкурентные преимущества, санаторно-курортный комплекс, лечебно-оздоровительные услуги, сетевой подход.

Введение

В современном мире все более утверждается кластерный подход к пространственной организации экономики. При этом региональные кластеры отмечаются во всех секторах экономики – и в первичном, и во вторичном, и в третичном. В развитых странах третичный сектор экономики – сфера услуг – является в настоящее время преобладающим, причем в этом секторе одним из лидирующих сегментов выступает туризм. Исходя из этого, особую актуальность приобретает исследование формирования туристических кластеров в российских регионах. Вместе с тем в научной литературе преимущественно встречается упоминание промышленных кластеров, в то время как кластеры сферы услуг, и в частности туристические кластеры, изучены недостаточно.

Понятие кластера рассматривалось такими отечественными и зарубежными учеными, как М. Портер, К. Кетелс, О. Солвел, Г. Линдквист, Е. Бергман, Е. Фезер, Г.И. Грекова, О.А. Фихтнер, В.Я. Захаров, Л.С. Марков, В.П. Третьяк, Т.В. Цихан и др. [1–8].

В туристско-рекреационной сфере кластерный подход впервые применили зарубежные

ученые, его эволюция связана с реализацией прикладных задач обеспечения конкурентоспособности и снижения издержек, что не противоречит другим областям экономической деятельности: 1) услуги на базе развитой инфраструктуры и сотрудничества [9]; 2) группа туристских аттракций на ограниченной географической территории, взаимодействующая на основе высокоразвитой инфраструктуры, управления, конкурентных преимуществ [10]; 3) группа компаний и институтов, выпускающих туристский продукт на основе стратегических отношений, обеспечивающих конкурентные преимущества услуг [7].

Таким образом, зарубежные и отечественные ученые подчеркивали необходимость кластерного подхода к развитию туризма в регионе. В случае наличия в регионе лечебных природных ресурсов туристический кластер будет включать в себя лечебно-оздоровительный компонент.

Можно сделать вывод, что лечебно-оздоровительный компонент туристического кластера – это система коммерческих и некоммерческих экономических агентов, сосредоточенных на территории, обладающей курортно-рекреационным потенциалом, образованная с целью формирования большего ассортимента услуг, повышения их качества, уменьшения затрат и получения большей выгоды [11; 12].

Качественным этапом развития туристических кластеров с лечебно-оздоровительным компонентом является внедрение элементов сетевого взаимодействия. Важной задачей является управление и координация участников сети: развитие межфирменных взаимоотношений как особая организационная способность; компетенции экономических агентов и вопросы организации совместной деятельности.

Методология

Наше исследование имеет следующие цели:

– выявить специфику туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом;

– установить его конкурентные преимущества;

– сформировать процесс достижения комплекса преимуществ субъектами туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом;

– провести корреляционно-регрессионный анализ и установить факторы, влияющие на эффективность туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом в региональной экономике.

Представляется, что специфика туристического кластера во многом связана со спецификой предоставляемых услуг, являющихся неосязаемыми и невидимыми благами. Компании, входящие в туристический кластер с лечебно-оздоровительным компонентом, действуют в рамках единой цепочки создания стоимости, при этом конечной целью всех туристских услуг является «впечатление».

Кроме того, важнейшим специфическим свойством туристического кластера является его маршрутная территориальная организация[1]. Туристический маршрут и соответствующий ему туристский поток связывают туристические объекты региона, превращая их из конкурирующих во взаимодействующие элементы системы туристического кластера. Благодаря туристскому потоку, движущемуся по элементам цепочки создания стоимости, формируется туристический кластер. В туристической сфере, как ни в какой иной, значительную роль играет то, насколько грамотно организована цепочка создания стоимости. Поэтому именно кластерная организация является единственно возможным и самым эффективным способом генерации прибыли в индустрии туризма.

Условием развития туризма в регионе является наличие объектов (аттракторов), притягивающих туристов в регион. Это могут быть как природные объекты различных видов (море, реки, горы, лечебно-оздоровительные ресурсы), так и исторические, развлекательные, познавательные и др. объекты. Использование кластерного подхода в туристской сфере наиболее оптимально обеспечивает развитие туризма, поскольку вместо конкуренции между различными видами туризма появляется взаимодействие и взаимодополнение: турист, приехавший в регион с лечебно-оздоровительной целью, покупает и туры по историческим или природным объектам.

Результаты и обсуждение

Туристические услуги как продукт характеризуются сезонностью, и если регион развивает, например, только событийный (фестивали, спортивные мероприятия и проч.), активный (горные лыжи, сплавы по рекам и проч.) или пляжный туризм, то в этом случае появляется период времени, в который нет притока туристов. Если же в регионе, помимо названных видов, развивается лечебно-оздоровительный туризм, то компонент сезонности исключается, поскольку появляется возможность предоставления туристических услуг в течение всего года.

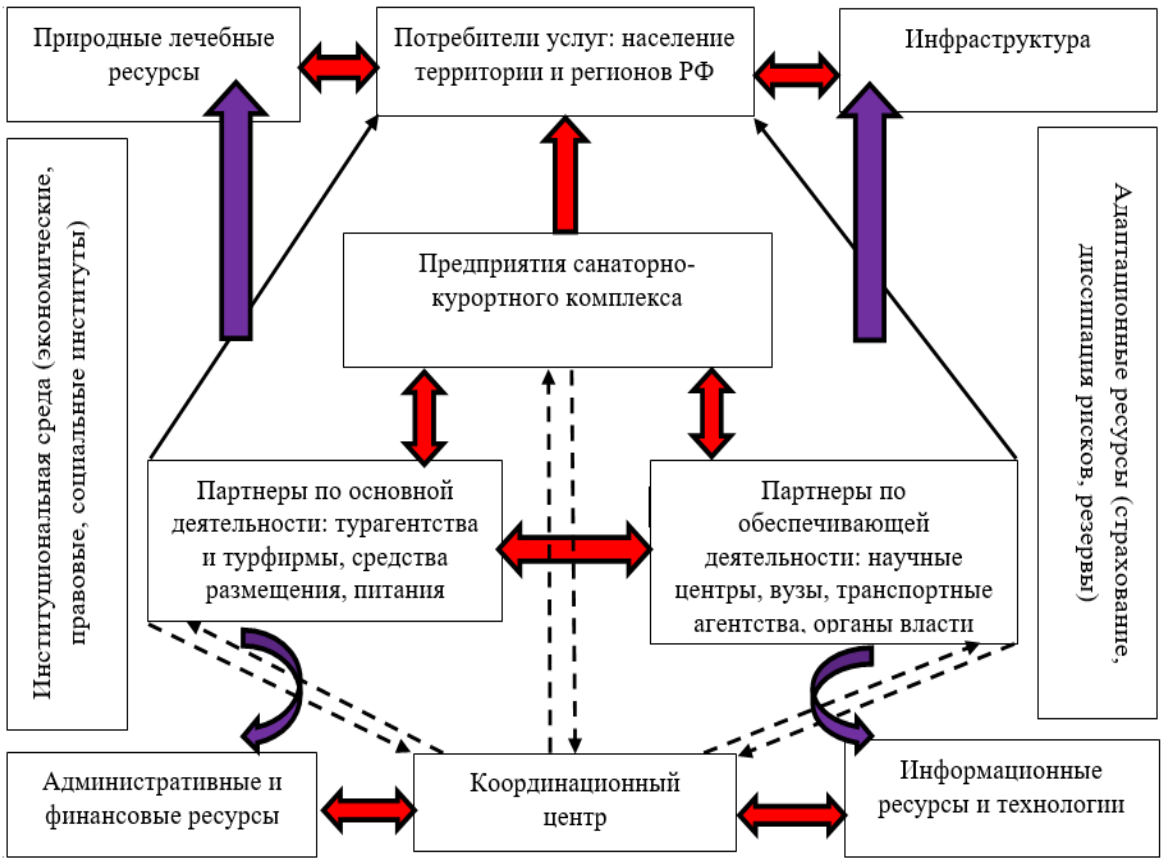

Рис. 1. Структура туристического кластера региона с лечебно-оздоровительным компонентом (составлено авторами по [13–15])

В силу указанных обстоятельств наиболее целесообразным представляется формирование в регионе туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом.

Цепочка создания стоимости в туристическом кластере с лечебно-оздоровительным компонентом состоит из таких элементов:

- планирование поездки;
- транспортные услуги;
- лечение и оздоровление;
- проживание;
- питание;
- туристские мероприятия.

При этом целью туристических услуг, оказываемых на всех этапах цепочки создания стоимости, является «впечатление» – неосязаемое понятие. На впечатление об отдыхе влияет каждая составляющая цепочки создания стоимости туристического кластера. Следовательно, внутри туристического кластера особенно важным является взаимодействие всех без исключения провайдеров услуг. При этом спецификой кластера является сам характер услуги, как неосязаемого и невидимого блага.

Исходя из представленных выше рассуждений, дадим понятие туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом.

Под туристическим кластером с лечебно-оздоровительным компонентом понимается группа географически локализованных взаимосвязанных компаний – поставщиков специализированных туристических услуг, включая лечебно-оздоровительные, инфраструктуры, образовательных центров, органов государственной власти и других организаций, взаимодополняющих друг друга и ориентированных на удовлетворение общественных потребностей в туризме и рекреации.

Структура туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом представлена на рис. 1.

В предложенной нами структуре туристического кластера региона с лечебно-оздоровительным компонентом в ядро кластера включаются предприятия санаторно-курортного комплекса и партнеры по основной деятельности – турагентства и турфирмы, коллективные средства размещения. Во второй ярус кластера – компании из связанных видов деятельности –

Таблица 1

Основные экономические показатели лечебно-оздоровительных услуг в России*

Показатель	2005	2010	2015	2017
Объем платных услуг населению, млн руб.	36082	60460	110513	120009
Доля лечебно-оздоровительных услуг, %	1.6	1.2	1.4	1.4
Индексы физического объема платных услуг в области здравоохранения и отдыха	105.6	94.3	107.4	97.9
Стоимость 1 дня пребывания в санатории, руб.	822.07	1561.61	2521.46	2689.09

*Составлено по данным [16].

входят предприятия общественного питания, транспорт, развлекательные организации и проч. К третьему ярусу кластера относятся компании из обслуживающих видов деятельности – научные и образовательные организации, финансово-кредитные организации и проч.

Поскольку производство услуги одновременно означает ее потребление, то не может быть услуги, являющейся частью другой услуги (как промежуточная и конечная продукция), услуга всегда только целая, самостоятельная. Эта особенность услуг определяет специфику цепочки создания стоимости в туристическом кластере – каждое звено этой цепочки является отдельной услугой, но может дополняться другой услугой, в результате чего потребитель получает не одну услугу, а целый спектр услуг в одной сфере – туризм и рекреация.

В настоящее время многие регионы страны обладают необходимыми природно-климатическими и природными лечебными ресурсами для развития курортной медицины, поэтому лечебно-оздоровительные услуги пользуются устойчивым спросом (табл. 1).

Согласно данным Росстата, в России по состоянию на конец 2017 года функционировало 1749 санаторно-курортных организаций. Лидирующее место по количеству санаторно-курортных организаций занимают Приволжский, Центральный и Южный федеральные округа: 23%, 19% и 15%, что по количеству субъектов бизнеса составляет соответственно 399, 331 и 255 предприятий. По численности размещенных с большим перевесом лидирует Южный федеральный округ – 33.39% (2233 тыс. человек), ближайшим является Приволжский федеральный округ – 16.82% (1125 тыс. человек).

По количеству санаторно-курортных организаций в 2017 году ПФО занимает третье место (399 ед.), доля от общего количества СКО составляет 21.25%, а доля размещенных в них человек – 18.43% [12; 15].

Деятельность санаторно-курортной отрасли Пермского края может способствовать развитию лечебно-оздоровительного туризма, улучшать качество здоровья населения, формировать здоровый образ жизни, увеличить занятость населения, создавать новые рабочие места, способствовать росту доходов регионального бюджета и т.д. Санаторно-курортный комплекс Пермского края имеет все возможности для стабильного роста и дальнейшего развития, что может позволить обеспечить лечебно-оздоровительному туризму лидирующие позиции среди других видов туризма в Пермском крае.

На территории Пермского края расположены разнообразные природные лечебные ресурсы, их можно подразделить на следующие группы: бальнеологические ресурсы (минеральные воды и лечебные грязи), климатические ресурсы и ландшафтные условия местности. В настоящее время на территории Пермского края обнаружено 31 месторождение минеральных вод различного минерального состава, разной кислотности и соответственно применения, кроме того, эксплуатируется Суксунское месторождение лечебных грязей. Кроме минеральных природно-лечебных ресурсов, территория края богата ландшафтно-климатическими районами, благоприятными для организации различных видов лечебного и рекреационного туризма.

Эффекты от развития лечебно-оздоровительного туризма в Пермском крае обусловлены, с одной стороны, наличием уникальных природных лечебных ресурсов, а с другой – длительностью пребывания туристов, так как во многих случаях санаторно-курортная путевка рассчитана на срок 21 день, поэтому все расходы отдыхающих в этот период осуществляются на территории региона и идут на оплату товаров и услуг в регионе, что способствует росту региональной экономики.

Основной признак функционирования туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом – это наличие на его территории специфических рекреационных ресурсов в качестве конкурентных преимуществ. Эти ресурсы основываются на уникальности бальнеологических, климатических ресурсов или ландшафтных условий территории. Конкурентные преимущества по своей природе являются концентрированным проявлением превосходства над территорией конкурентов в экономической, организационной, технической, экологической и

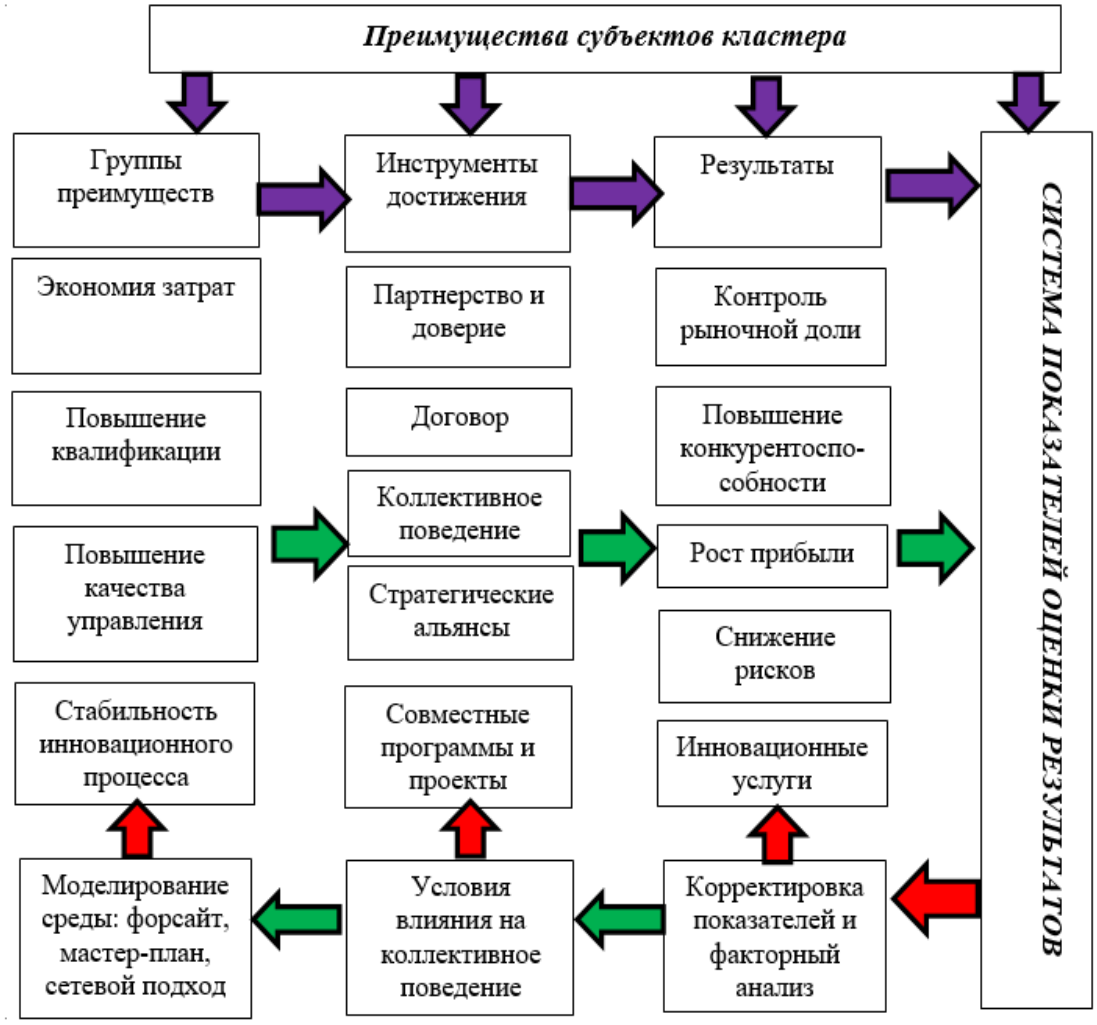

Рис. 2. Процесс достижения комплекса преимуществ субъектами туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом (составлено авторами по [13–15])

других отраслях функционирования кластера. В то же время конкурентные преимущества не равны потенциальным возможностям. Их главное отличие от возможностей – это фиксируемые очевидные и реальные предпочтения потребителей [17–20].

Природа конкурентных преимуществ определяется сопоставительным (относительным), но не абсолютным характером вследствие того, что она может быть проанализирована только через сравнение определенных показателей и свойств, которые оказывают влияние на эффективность результата деятельности туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом. Достижение комплекса преимуществ возможно при соблюдении нескольких базовых факторов: наличие заинтересованности участников в осуществлении совместных действий; распределение специализации; координация коллективного поведения, имеющего влияние на общие результаты; моделирование организационно-экономических условий для реализации совместных действий. Чем выше уровень использования таких конкурентных преимуществ, тем более эффективным является качество территориального менеджмента в системе совокупности субъектов [21].

Поведение субъектов туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом основывается на конкурентных отношениях между определенными территориями. Управление предприятиями рекреационной направленности, которые входят в состав туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом, требует рассматривать компании с точки зрения совокупности элементов, взаимосвязанных между собой. Это подразумевает определение комплекса преимуществ, которые достигаются общими действиями и координацией поведения, влияющего на совместные результаты (рис. 2).

Основными характеристиками конкурентных преимуществ туристического кластера с

лечебно-оздоровительным компонентом являются следующие:

1) относительность – невозможность обладать универсальными свойствами для каждой территории. Продукт (услуга), который привязан к конкретным условиям и причинам, обеспечивающим ему преимущество на одном географическом рынке, не сможет обладать этим преимуществом на другом, и наоборот;

2) подверженность неоднозначному влиянию некоторых разнородных факторов – конкурентное преимущество возникает вследствие комплексных усилий всех субъектов кластера, которые подвергаются влиянию неконтролируемых внешних факторов. Некоторые факторы могут как увеличивать, так и уменьшать степень важности конкурентного преимущества [1].

Рассмотрим факторы, влияющие на эффективность туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом Пермского края. Выдвинем следующую гипотезу: туристский поток в регион зависит от следующих факторов: 1) количество турфирм, действующих в регионе (X1); 2) протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием (X2); 3) число турпакетов, реализованных населению (X3); 4) количество специализированных средств размещения (дома и базы отдыха, пансионаты, санаторно-курортные организации и т.д.) (X4); 5) количество гостиниц и аналогичных средств размещения (X5). Проведем корреляционно-регрессионный анализ на основе исходных данных (табл. 2).

Построим матрицу парных коэффициентов корреляции (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, между факторами Y и X1, X2, X3, X4 существует линейная связь, это означает, что с ростом значений этих факторов туристский поток в Пермский край увеличивается. Исходя из того, что наибольшие значения коэффициентов корреляции получены по X1 и X2, развитие туристического кластера региона в наибольшей степени определяется такими факторами, как «количество турфирм, действующих в регионе» и «протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием». Следовательно, для увеличения туристского потока в Пермском крае необходимо создание условий для увеличения количества действующих в регионе турфирм, а также строительство новых качественных автомобильных дорог с твердым покрытием.

В контексте настоящего исследования нас интересует показатель X4 «количество специализированных средств размещения (дома и базы отдыха, пансионаты, санаторно-курортные организации и т.д.)», поскольку именно он включен нами в ядро туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом. Полученный в результате расчетов коэффициент корреляции подтверждает нашу гипотезу о необходимости включения лечебно-оздоровительного компонента в состав туристического кластера – зависимость значимая.

Построим уравнение множественной регрессии в линейном виде:

$$Y = -139397.611 + 74.848X1 + 10.804X2 + 1.827X3 + 384.422X4 + 1463.359X5.$$

Опишем экономический смысл полученной модели.

С возрастанием числа туристических фирм в Пермском крае на единицу туристский поток в Пермский край увеличится на 75 человек (при неизменных значениях других факторов).

С увеличением протяженности дорог на 1 тысячу км туристский поток в Пермский край увеличится на 10 человек (при фиксированных значениях всех остальных факторов).

С увеличением числа туристических пакетов, реализованных населению, на единицу, туристский поток в Пермский край увеличится на 1.8 человека (при фиксированных значениях всех остальных факторов).

С увеличением количества специализированных средств размещения на единицу туристский поток в Пермский край увеличится на 384 человека (при фиксированных значениях всех остальных факторов).

С увеличением количества гостиниц и аналогичных средств размещения на единицу туристский поток в Пермский край увеличится на 1463 человека (при фиксированных значениях всех остальных факторов).

Как видно из нашего анализа, проблема неудовлетворительного состояния дорожной сети, обеспечивающей транспортную доступность объектов туристических маршрутов, для туристического кластера Пермского края является одной из значимых. Множество природных, культурных и лечебно-оздоровительных объектов, которые могли бы стать целями туристских поездок, находятся вне досягаемости из-за отсутствия дорожно-транспортных магистралей или их низкого качества.

Следовательно, для полноценного развития туристических кластеров в России требуется, в первую очередь, развитие транспортной инфраструктуры, что приведет к увеличению туристических маршрутов и появлению новых туристских продуктов. Кроме того, важнейшим фактором развития региональных туристических кластеров с лечебно-оздоровительным компонентом является увеличение числа санаторно-курортных организаций.

Таблица 2

Исходные данные для корреляционно-регрессионного анализа туристического кластера Пермского края*

Год	Туристский поток, чел., Y	Кол-во турфирм, ед., X1	Протяженность автодорог с твердым покрытием, тыс. км, X2	Число турпакетов, реализованных населению, X3	Количество специализированных средств размещения, X4	Количество гостиниц и аналогичных средств размещения, X5
2001	352759	21	12307	57382	75	141
2002	351509	27	14656	58367	79	146
2003	345954	43	15957	40768	87	142
2004	332124	57	16134	42403	93	137
2005	409568	88	16219	55181	91	164
2006	427220	91	16658	45651	87	165
2007	484682	91	17017	63268	81	187
2008	441059	87	18523	35404	76	173
2009	477496	95	18384	38451	70	213
2010	472187	158	17970	42824	88	231
2011	577104	234	17138	45507	98	271
2012	589265	371	18897.8	48100	116	275
2013	609458	356	19914.4	66121	99	262
2014	549563	332	20550.4	55862	96	269
2015	642159	191	20883.5	48503	129	348
2016	662478	335	21518.5	71956	103	356
2017	652754	369	21720.1	70263	115	362

*http://www.gks.ru/

Таблица 3

Матрица парных коэффициентов корреляции

	Y	X1	X2	X3	X4	X5
Y	1	0.718214	0.748592	0.702082	–0.66598	0.232158
X1	0.718214	1	0.93512	0.715291	–0.87125	0.698496
X2	0.748592	0.93512	1	0.818535	–0.83061	0.701231
X3	0.702082	0.715291	0.818535	1	–0.70338	0.215890
X4	–0.66598	–0.87125	–0.83061	–0.70338	1	–0.45502
X5	0.232158	0.698496	0.701231	0.215890	–0.45502	1

Эффективными методами планирования кластерной организации территорий с туристско-рекреационной специализацией являются мастер-план и контурное пакетирование. Мастер-план представляет собой системный процесс стратегического планирования развития территории с туристско-рекреационной спецификой, который организуется органами власти при активном использовании ресурсов ключевых групп: субъектов кластера, населения. Главные характеристики, которыми обладает стандартный стратегический мастер-план, это определение целей и задач по долгосрочным (более 15 лет) направлениям; формирование базы ценностей и принципов, которые устанавливаются путем анализа социально-экономических, научно-технологических и других факторов, способствующих выявлению рисков и перспектив развития; мониторинг экономической, политической, социальной и других сфер деятельности туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом; формирование механизмов и методов реализации планов, оценки и анализа текущих результатов.

Мастер-план как один из элементов управления коллективным поведением субъектов ту-

ристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом является координационным инструментом коммуникационной политики на рынке услуг, которая основывается на факторах управления на базе конкурентных преимуществ.

Внутренняя и внешняя коммуникационная политика является элементом обратной связи между экономическими агентами и потребителями, органами власти. Можно определить ее как систему взаимосвязанных и взаимодействующих каналов связи, которые способствуют формированию программ по подбору и обучению персонала рекреационной отрасли, общему образованию организационной культуры, а также мотивации и контролю по работе с текущими и потенциальными потребителями и между бизнес-партнерами на всех коммуникационных уровнях. Система коммуникационной политики представлена совокупностью организационных структур, которые инициируют и осуществляют продвижение туристических продуктов и услуг, включая лечебно-оздорови-тельные, развитие инновационных технологий в сфере обслуживания клиентов и удовлетворения их потребностей, рекламу туристических продуктов и услуг, включая лечебно-оздорови-тельные, проведение имиджевой политики и создание каналов связи с общественностью.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что исходным условием успешного формирования и развития туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом является ориентация на потребителя этих услуг – туриста. При этом следует сегментировать потребителей в зависимости от видов туризма. Так, у лечебно-оздоровительного туризма одни потребители, у активного туризма (сплавы и проч.) – другие. В то же время можно отметить, что в некоторых видах туризма потребители общие, что создает возможность создания комплементарного туристического продукта. Так, лечебно-оздоровительный туризм может дополняться познавательным и событийным видами туризма. В туристической сфере значительную роль играет то, насколько грамотно организована цепочка создания стоимости. И именно кластерный подход к развитию туризма в регионе позволяет перейти от функционирования обособленных друг от друга предприятий и организаций, имеющих отношение к туризму, к формированию их связанной совокупности на основе единой цепочки создания стоимости, конечной целью которой выступает «впечатление». Формирование туристического кластера с лечебно-оздоровительным компонентом сглаживает сезонность в развитии туризма и способствует повышению устойчивости региональной экономики.

Примечание

1. Зырянов А.И., Мышлявцева С.Э. Туристские кластеры Пермского края. Пермь, 2010.

Список литературы

1. Грядов С.И., Ковалева И.В. Агропромышленный кластер: проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2009. № 2. С. 59, 67.

2. Захаров В.Я. Промышленные кластеры и экономический рост // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 12. С. 19–20.

3. Марков Л.С. Управление эффективностью функционирования региональных высокотехнологичных кластеров // Регион: экономика и социология. 2007. № 2. С. 85–94.

4. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. 608 с.

5. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (с изменениями на 7 февраля 2018 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902295121

6. Яковлева-Чернышова А.Ю. Особенности кластерного взаимодействия в санаторно-курортной сфере // Управление и экономика в XXI веке. 2014. № 5. С. 98–107.

7. Solvel O., Lindqvist G., Ketels Ch. The Cluster Initiatives Greenbook. 2006.

8. Bergman E., Feser E. Industrial and Regional Cluster: Concepts and Comparative Applications. Virginia: WVU Regional Research Institute, 1999.

9. Rodrigues A.B. Turismo rural: praticas e perspectivas. Sao Paulo: Contexto, 2003.

10. Monfort M., V. M. Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola Doctoral Dissertation, Universidad de Valência, Espanha, 2000.

11. Оборин М.С. Природно-ресурсный потенциал региона как основа развития лечебно-оздоровительного туризма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 1. С. 17–30.

12. Оборин М.С., Клейман А.А. Сравнительный анализ и перспективы развития и совершенствования санаторно-курортного комплекса в регионах России на основе кластерного подхода // Вестник Национальной академии туризма. 2018. № 1 (45). С. 19–24.

13. Лавренко А.С. Кластеризация в задачах ассортиментного планирования в торговых сетях // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 8. С. 115–123.

14. Миролюбова Т.В. Исследование региональных кластеров: вопросы методологии и практики // Экономическое возрождение России. 2013. № 2 (36). С. 129–142.

15. Оборин М.С., Шерешева М.Ю. Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. 2017. № 4(68). С. 24–31.

16. Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. М.: Росстат, 2017. 170 с.

17. Пустохина И.В. Проектирование логистических кластеров в рамках глобальных логистических цепей поставок // Вестник Университета (ГУУ). 2015. № 4. С. 123–129.

18. Реутова Ю.Н. Теоретические аспекты оценки рекреационного и инвестиционного потенциалов санаторно-курортного комплекса // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 1. С. 105–112.

19. Реутова Ю.Н. Формирование стратегии развития региональных туристско-рекреационных комплексов с использованием кластерного подхода // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 4. Ч. 3. С. 114–123.

20. Третьяк В.П. Кластеры предприятий: пути создания и эффективность функционирования. М.: Август Борг, 2006. 132 с.

21. Грекова Г.И., Фихтнер О.А. Кластер как форма сетевого взаимодействия предпринимательских структур и инструмент управления региональным развитием // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 74. Т. 1. С. 63–74.

22. Александрова А.Ю. Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 51–61.

23. Василенко В.А., Василенко А.В. Особенности формирования и развития курортных кластеров дестинаций в Крыму // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 1. Т. 10. С. 26–32.

24. Кузнецов С.В. Механизмы координации при сетевом и межсетевом взаимодействии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 35–38.

25. Левченко Т.П. и др. Кластерный подход к устойчивому развитию туристских дестинаций // Вестник СГУТиКД. 2012. № 2 (20). С. 67–72.

26. Миролюбова Т.В., Ворончихина Е.Н. Определение ключевых направлений региональной экономической политики на основе эконометрического моделирования и прогнозирования регионального экономического роста // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2015. № 4(27). С. 80–91.

27. Остапенко Е.А. Использование кластерного анализа для сегментации конкурентной среды санаторно-курортных организаций рекреационного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 7. С. 59–67.

28. Тишина В.Н. Особенности сетевых взаимодействий экономических субъектов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2011. № 11. С. 95–102.

29. Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. 2003. № 5. С. 74–81.

30. Beni M. Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira, Editora Aleph, São Paulo. 2003.

FORMATION OF THE REGIONAL TOURIST CLUSTER WITH A HEALTH AND FITNESS COMPONENT AS A FACTOR OF THE REGIONAL ECONOMY DEVELOPMENT

T.V. Mirolyubova, [1] ***M.S. Oborin***[2]

[1]Perm State National Research University
[2]Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics
Perm State National Research University
Pryanishnikov Perm State Agro-Technological University
Sochi State University

In the current socio-economic conditions, the search for effective forms of spatial organization of the economy acquires great importance. Domestic and foreign experience shows the positive effect of the cluster approach in various areas. Tourism clusters provide growth in interrelated sectors of the economy by contributing to the growth of the population's employment and income, and by ensuring the effective demand. From the point of view of eliminating seasonal factors in the development of tourism, it would seem appropriate to create tourist clusters with a health and fitness component. Companies that are part of the tourism cluster with a health and fitness component operate within a single value chain, where the ultimate goal of all tourist services is «impression». In this regard, studies related to the modeling of the effect on the region's economy produced by the functioning tourism cluster with the health and fitness component become particularly relevant. The main prerequisite for the functioning of the tourism cluster with a health and fitness component is the availability of specific recreational resources as a competitive advantage of this cluster's territory. By using correlation and regression analysis, we have established that the development of a tourist cluster in the region is mostly determined by such factors as «the number of travel agencies operating in the region» and «the length of paved roads». Another important factor

is «the number of specialized accommodation facilities (recreation centers, retreat centers, health resorts, etc.)». These factors have the greatest impact on the regional economy in terms of the contribution of tourism to its development.

Keywords: regional economy, tourist cluster, competitive advantages, resort complex, health and fitness services, network approach.

УДК 330.322:519.86

НЕЙРОСЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2019 г.

В.И. Перова, А.В. Папко

Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н., доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru
Папко Анастасия Владимировна, магистрант Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
papko_nastya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.12.2018
Статья принята к публикации 17.01.2019

Исследованы динамика и особенности показателей инвестиционной деятельности регионов Российской Федерации в интересах обеспечения экономического роста страны, социально-экономического развития территорий и повышения благосостояния населения. Динамика активности регионов РФ в области инвестиций за 2011–2016 гг. анализируется на основе методологии нейросетевого моделирования с использованием 13 показателей, характеризующих инвестиционную деятельность регионов и определяющих перспективы их социально-экономического развития. В основу исследования положены данные Росстата об инвестициях по видам экономической деятельности в регионах страны. В качестве инструмента исследований в работе применены реализованные в аналитическом пакете Deductor самоорганизующиеся карты Кохонена – нейронные сети, обучаемые без учителя. Выявлен ряд особенностей динамики инвестиционной деятельности регионов Российской Федерации. По уровню источников поступления инвестиций в основной капитал и по направлениям их использования регионы России распределились на четыре группы (кластера). Получено, что в регионах РФ наблюдается неравномерный характер инвестиционной деятельности. Поэтому необходимо принятие комплексных мер, способствующих изменению структуры поступающих и распределяемых инвестиций во всех регионах страны, и особенно в тех, где показатели инвестиционной активности ниже, чем средние значения по стране.

Ключевые слова: динамика поступления и распределения инвестиций, регионы Российской Федерации, кластерный анализ, нейронные сети, Deductor.

Введение

Обеспечение устойчивого экономического роста Российской Федерации в целом, а также ее отдельных регионов является одной из основных задач реальной экономической политики [1]. Важную роль в развитии экономики каждого региона и России в целом играют инвестиции, которые обеспечивают процессы воспроизводства – как простого, так и расширенного. Привлечение основного вида инвестиций – капитальных вложений, которые являются одним из главных факторов создания основных фондов, реконструкции и расширения действующих предприятий и их технической модернизации, а также человеческого капитала, способствует развитию региональной экономики.

Особенно велико значение инвестиций в реальный сектор экономики для стабилизации его экономического роста и развития, что отражено в работах [2–11]. Достижение этого возможно прежде всего путем привлечения стратегических инвесторов. Одним из показателей развития реального сектора экономики является величина валового регионального продукта (ВРП).

Инвестиционный климат, который представляет собой набор правовых, политических, экономических и социальных факторов, характерных для данного региона, устанавливает возможность расширения масштаба деятельности предприятий, создания новых рабочих мест, а также активного участия в конкуренции [12–17]. Среди факторов, которые негативно влияют на инвестиционный климат, следует отметить следующие:

- утечка российского инвестиционного капитала за рубеж;
- неэффективное правоприменение;
- экономическая преступность;
- высокий уровень коррупции ведения бизнеса.

Эти проблемы решаются на государственном уровне. Для благоприятного инвестиционного климата и успешной реализации инвестиционных проектов необходимо создание условий с целью повышения активизации экономической деятельности в стране. На улучшение

инвестиционного климата могут влиять такие факторы:

- снятие квот в отношении найма высококвалифицированных зарубежных специалистов;
- оптимизация механизмов администрирования расходов на НИОКР;
- введение облегченного порядка таможенного оформления для предприятий, которые производят высокотехнологичные товары.

В современных условиях для поиска эффективного комплекса мер по привлечению инвестиций в регионы Российской Федерации возрастает значение научного анализа их инвестиционной деятельности и социально-экономического развития.

При анализе инвестиционной деятельности необходимо использовать перспективные технологии анализа данных, позволяющие выявить и учесть закономерности инвестиционной активности регионов. К ним относятся технологии интеллектуального анализа данных (Data Mining) [18], в том числе методы нейросетевого моделирования.

Методы нейросетевого моделирования свободны от модельных ограничений и зарекомендовали себя в качестве эффективного средства анализа многомерных статистических данных. Имеется множество искусственных нейронных сетей разных типов, которые различаются способами объединения нейронов между собой, а также организацией их взаимодействия. Нейросетевые технологии успешно применяются в финансово-экономических исследованиях, что показано в работах [19–22].

В данной работе инструментом для проведения исследований являются самоорганизующиеся карты (СОК) Кохонена, рассмотренные в работах [23–26]. Эти нейронные сети принципиально отличаются от других типов нейронных сетей. СОК Кохонена ориентированы на самостоятельное обучение, т.е. в процессе обучения им не требуется сообщать правильные ответы. Обучение таких нейронных сетей происходит с помощью различных алгоритмов: алгоритм, базирующийся на соревновательном обучении без учителя [27], алгоритм нейронного газа [28] и др. Эти алгоритмы обеспечивают проецирование многомерного пространства входных данных с сохранением топологии в элементы выходного слоя. Выходной слой нейронов, который называется слоем топологической карты, чаще всего имеет размерность 2. При этом векторы входных данных распределяются по нейронам топологической карты так, что точки многомерного пространства, находящиеся близко друг к другу, будут близко расположенными нейронами топологической карты. Поэтому СОК Кохонена – это эффективное средство кластеризации и визуального представления многомерных статистических данных, что отмечено в работах [25; 29; 30].

Нейросетевой анализ результатов динамики инвестиционной деятельности регионов Российской Федерации

В настоящей работе исследована динамика поступления инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности и динамика направлений использования инвестиций в регионах Российской Федерации за период с 2011 по 2016 г.

Следует отметить, что распределение инвестиций в основной капитал соответствует общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), исходя из назначения основных фондов – сферы экономической деятельности, где они будут функционировать.

Базой для проведения исследования являются показатели, представленные на сайте Федеральной службы государственной статистики [31], которые приведены нами к ценам 2016 г. с учетом инфляции [32]. Будем оперировать следующими показателями:

а) источники поступления инвестиций в основной капитал регионов РФ:

- X1 – собственные средства (%);
- X2 – муниципальные инвестиции (%);
- X3 – государственные инвестиции (%);
- X4 – частные инвестиции (%);
- X5 – смешанные российские инвестиции (%);
- X6 – валовый региональный продукт (ВРП) (десятки тыс. руб.);

б) направления использования инвестиций:

- X7 – производство и распределение электроэнергии, газа и воды (млн руб.);
- X8 – образование (млн руб.);
- X9 – сельское и лесное хозяйство (млн руб.);
- X10 – обрабатывающие производства (млн руб.);
- X11 – строительство (млн руб.);
- X12 – связь (млн руб.);
- X13 – здравоохранение (млн руб.).

I. Исследование динамики поступления инвестиций в основной капитал

Нейросетевое моделирование показало, что регионы РФ распределились по четырем кластерам. В кластеры № 1 и № 3 вошли регионы с показателями, значения которых на уровне средних показателей по России и ниже. Показатели поступления инвестиций в основной ка-

Таблица 1

Динамика количества регионов РФ в кластерах в 2011–2016 гг. в зависимости от источников поступления инвестиций

Номер кластера	Количество регионов					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	19	13	12	21	18	15
2	18	49	12	26	11	35
3	11	16	42	26	49	20
4	35	5	17	12	7	15

питал регионов, составивших кластеры № 2 и № 4, находятся выше средних значений показателей по Российской Федерации.

В табл. 1 представлена динамика количества регионов РФ в кластерах в зависимости от источников поступления инвестиций за рассматриваемый период времени.

Анализ данных, приведенных в табл. 1, показывает, что число регионов в кластерах в рассматриваемый период заметно варьируется. За рассматриваемый промежуток времени по полученным инвестициям 98 регионов находились в кластере № 1, 151 регион – в кластере № 2, 164 региона – в кластере № 3 и 91 регион – в кластере № 4. Это говорит о том, что в течение шести лет суммарное количество регионов России, распределившихся в кластеры № 1 и № 3, превышает суммарное число регионов, вошедших в кластеры № 2 и № 4.

Таблица 2 демонстрирует динамику средних значений показателей поступления инвестиций за 2011–2016 гг.

Наглядное представление динамики средних значений некоторых показателей поступления инвестиций в регионы России по кластерам в рассматриваемый период и соответствующих средних значений показателей по всем регионам РФ дают графики (рис. 1, 2).

Из рис. 1 следует, что наибольшее поступление государственных инвестиций было в 2016 г. в регионы, вошедшие в кластер № 1, а наименьшее – в 2015 г. в регионы кластера № 4. Значения данного показателя в регионах кластера № 1 превышают общие средние по РФ значения в течение всего иследуемого периода, за исключением 2011 года. В регионах кластера № 3 значения этого показателя превышают общие средние значения только в 2011 г. и 2012 г. Данный показатель в регионах, составивших кластер № 4, ниже средних значений по РФ за рассматриваемый период, кроме 2013 г. Общие средние по РФ значения поступлений государственных инвестиций за 2011–2016 гг. практически не изменяются.

Как видно из рис. 2, регионы кластера № 3 характеризуются наибольшими поступлениями частных инвестиций в 2015 г., а регионы кластера № 1 – наименьшим в 2016 г. Значения данного показателя в регионах кластера № 1 в 2011–2016 гг. ниже средних по России. В регионах кластера № 2 наблюдается нестабильная динамика поступления частных инвестиций. Поступление частных инвестиций в регионы кластера № 3 демонстрирует положительную динамику, превышая общие средние по РФ значения за весь исследуемый период, кроме 2011 г. Значения частных инвестиций в регионах кластера № 4 находятся на уровне, превышающем общие средние по РФ значения только в 2015 г.

II. Исследование динамики направлений использования инвестиций

Использование инвестиций отражает выбор приоритетных направлений экономической деятельности регионов России. В табл. 3 приведена динамика распределения регионов Российской Федерации по кластерам в зависимости от использования полученных инвестиций.

Из анализа данных в табл. 3 следует, что число регионов в кластерах № 1 и № 4 в исследуемый период заметно варьируется. В 2011–2016 гг. по полученным инвестициям 162 региона находились в кластере № 1, 48 регионов – в кластере № 2, 56 регионов – в кластере № 3 и 238 регионов в кластере № 4. Эти данные говорят о том, что в течение шести лет суммарное количество регионов России, распределившихся в кластер № 4 с низкими показателями, превышает суммарное число регионов, вошедших в кластер № 2 с высокими показателями, приблизительно в пять раз.

Статистика средних значений использования инвестиций в 2011–2016 гг. представлена в табл. 4.

Рисунки 3–6 отражают динамику некоторых направлений использования инвестиций за рассматриваемый период. Рисунок 3 характеризует динамику инвестиций, направленных на производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Рисунок 3 показывает, что наибольшее значение показателя инвестиций, направленных на

Таблица 2

Статистика средних значений показателей поступления инвестиций по кластерам за 2011–2016 гг.

Год	Кластеры	Средние значения					
		X1	X2	X3	X4	X5	X6
2011	1	27.86	6.10	17.18	54.36	10.19	294353.77
	2	32.14	1.66	13.13	53.53	13.57	966863.12
	3	26.09	1.86	42.44	41.76	8.22	387618.67
	4	46.54	3.54	12.83	63.96	8.51	475578.35
	Среднее по РФ	**36.43**	**3.50**	**17.82**	**56.56**	**9.95**	**528 979.58**
2012	1	24.15	2.83	36.62	36.42	10.15	400393.44
	2	44.24	3.33	14.57	56.81	9.38	649445.51
	3	32.16	7.40	20.23	53.46	6.41	326525.60
	4	28.38	3.58	12.92	34.36	43.06	578487.83
	Среднее по РФ	**37.81**	**4.05**	**19.01**	**51.62**	**10.96**	**543 913.18**
2013	1	29.68	8.20	23.76	53.16	4.56	344738.12
	2	54.23	4.69	10.22	48.41	20.07	1220411.61
	3	39.64	3.68	13.23	63.29	6.90	462012.57
	4	29.38	2.96	35.32	36.54	8.24	434966.31
	Среднее по РФ	**38.21**	**4.33**	**18.84**	**54.19**	**8.74**	**549 165.69**
2014	1	29.04	3.60	35.36	36.60	7.00	448838.37
	2	53.81	3.72	10.24	66.42	7.64	487747.87
	3	31.74	6.18	16.79	60.18	5.92	339899.02
	4	48.89	4.02	9.26	49.30	16.89	1356803.75
	Среднее по РФ	**40.24**	**4.48**	**18.31**	**54.73**	**8.26**	**555 600.82**
2015	1	35.22	3.26	43.16	32.59	6.41	360674.12
	2	39.57	9.24	22.81	45.37	5.25	628178.41
	3	47.96	3.22	11.56	67.38	5.87	390444.77
	4	59.46	2.33	5.86	58.80	21.67	2120885.28
	Среднее по РФ	**45.12**	**3.93**	**19.24**	**56.46**	**7.20**	**557 412.79**
2016	1	34	3.65	50.7	25.7	3.76	353964.65
	2	56.87	3.77	11.68	66.9	5.18	349931.22
	3	33.09	5.12	18.03	59.82	3.6	335355.68
	4	52.74	3.11	13.32	52.15	15.46	1230187.61
	Среднее по РФ	**46.51**	**3.95**	**20.35**	**55.36**	**6.37**	**502 552.82**

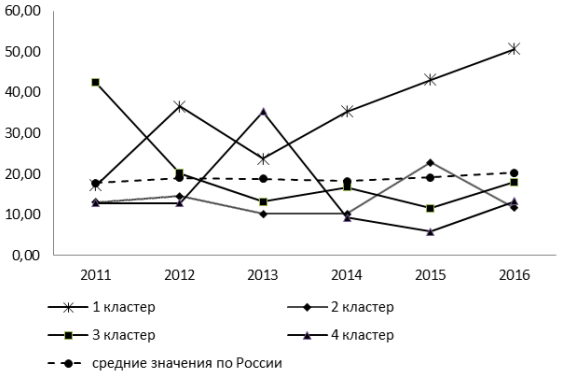

Рис. 1. Динамика поступлений государственных инвестиций в основной капитал в 2011–2016 гг. (в % от общего объема инвестиций)

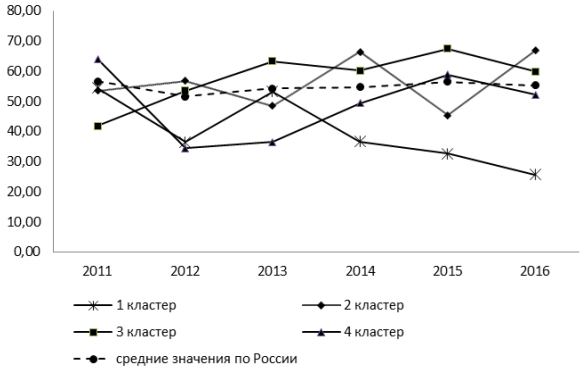

Рис. 2. Динамика поступлений частных инвестиций в основной капитал в 2011–2016 гг. (в % от общего объема инвестиций)

Таблица 3

Динамика количества регионов РФ в кластерах в 2011–2016 гг. в зависимости от направления использования инвестиций

Номер кластера	Количество регионов					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	50	23	10	13	10	56
2	10	4	8	12	3	11
3	8	9	9	6	15	9
4	15	47	56	54	57	9

Таблица 4

Статистика средних значений показателей направлений использования инвестиций по кластерам за 2011–2016 гг. (млн руб.)

Год	Кластеры	Средние значения						
		X7	X8	X9	X10	X11	X12	X13
2011	1	8211.04	1736.43	2356.70	7020.01	1880.68	2303.84	2090.89
	2	75696.46	11923.82	11858.29	90339.01	16985.29	21708.00	11161.24
	3	21688.38	3025.14	16874.61	18131.12	2117.56	6428.78	5543.38
	4	24055.81	6635.33	4747.23	39943.60	4049.45	7248.12	4339.95
	Среднее по РФ	**20504.35**	**3973.38**	**5332.81**	**24079.44**	**4115.29**	**5932.82**	**3922.93**
2012	1	18532.66	4446.81	7684.26	37363.77	2237.48	39467.02	3817.71
	2	115174.68	14986.04	2617.32	49938.16	28455.82	140538.78	19745.72
	3	56134.11	8252.71	15858.84	95832.92	4046.22	112548.94	6914.70
	4	8914.46	2266.08	2387.00	6677.42	2543.32	17315.31	1837.24
	Среднее по РФ	**21820.92**	**4132.54**	**5326.81**	**26933.18**	**3870.33**	**39718.75**	**3799.67**
2013	1	26328.69	3166.20	19218.39	35317.46	1260.08	2703.85	3108.06
	2	26842.66	6481.92	5194.20	42266.45	7766.46	6306.65	4913.77
	3	69782.67	12250.56	9471.39	113943.43	18515.91	23694.84	11758.61
	4	7901.97	2164.23	2496.08	12264.98	1797.44	1983.06	2126.85
	Среднее по РФ	**18657.62**	**3794.81**	**5527.23**	**28959.47**	**4120.87**	**4840.92**	**3558.09**
2014	1	28642.59	3333.69	14194.56	58587.56	4643.26	5211.92	3149.28
	2	26014.30	6422.15	4213.81	24272.76	5489.06	7374.05	4670.24
	3	74719.26	15949.82	10491.73	118414.43	16514.02	31349.95	11519.68
	4	6437.86	1799.89	2592.41	11485.51	1078.54	1930.45	1348.02
	Среднее по РФ	**17417.48**	**3685.84**	**5153.36**	**28042.53**	**3335.96**	**5277.50**	**2810.52**
2015	1	15584.10	4368.34	2710.28	50641.26	7633.45	5600.38	2549.19
	2	74850.16	21351.65	3863.26	82558.43	13278.66	50450.60	13294.17
	3	28849.08	5258.62	13592.00	62123.94	1568.11	5161.34	3507.78
	4	5442.03	1704.83	2559.82	10637.39	861.73	2282.34	1305.20
	Среднее по РФ	**13215.57**	**3338.74**	**4570.38**	**26967.98**	**2221.30**	**4880.82**	**2263.38**
2016	1	5395.83	1525.98	2521.76	12629.70	683.20	2184.21	1268.90
	2	35459.35	6245.15	6555.15	85845.18	57772.17	18492.97	6021.35
	3	17644.83	3326.14	19988.81	23088.79	1036.82	3589.31	2495.91
	4	6582.51	2582.02	1945.00	2239.34	6866.88	1726.72	1631.13
	Среднее по РФ	**10711.12**	**2439.16**	**4832.11**	**22111.92**	**2033.96**	**4395.09**	**2052.20**

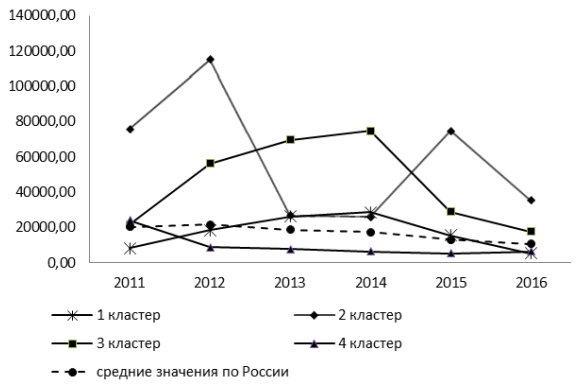

Рис. 3. Динамика инвестиций, направленных на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, в 2011–2016 гг. (млн руб.)

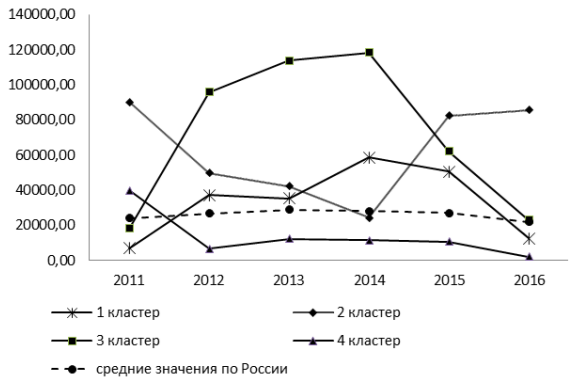

Рис. 4. Динамика инвестиций, направленных в обрабатывающие производства, в 2011–2016 гг. (млн руб.)

производство и распределение электроэнергии, газа и воды, приходится на регионы кластера № 2 в 2012 г., а наименьшее значение – на регионы кластера № 4 в 2015 г. Общие средние по РФ значения данного показателя имеют отрицательную динамику, причем в 2011 г. они в 2 раза больше, чем в 2016 г. В регионах, вошедших в кластеры № 1 и № 4, значения этого показателя находятся практически на уровне общего среднего показателя по России. Инвестиции, направленные на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, в регионах кластеров № 2 и № 3 превышают средние инвестиции по РФ во всем исследуемом периоде.

Динамика инвестиций, направленных в обрабатывающие производства в 2011–2016 гг., показана на рис. 4.

В рассматриваемом периоде инвестиции, направленные в обрабатывающие производства, достигают максимального значения в 2014 г. в регионах, составивших кластер № 3, а минимального – в 2016 г. в регионах кластера № 4. Инвестиции в регионы кластера № 1 находятся ниже уровня общих средних значений по РФ в 2011 г. и 2016 г., а в 2012–2015 гг. они превышают средние по России значения. В регионах, вошедших в кластер № 2, в течение исследуемого периода, за исключением 2014 г., этот показатель превышает уровень средних значений по РФ. Инвестиции в обрабатывающие производства регионов кластера № 3 в несколько раз превышают средние показатели по РФ. Обратная ситуация наблюдается в регионах кластера № 4. Средние значения по РФ данного показателя демонстрируют рост с 2011 г. до 2013 г., а затем спад с 2013 по 2016 г.

Динамика инвестиций, направленных на образование в рассматриваемом периоде, приведена на рис. 5.

Из анализа рис. 5 следует, что больше всего инвестиций направлено на образование в 2015 г. в регионах кластера № 2, а меньше – в 2016 г. в регионах кластера № 1. Данный показатель в регионах кластера № 2 значительно превышает средние значения по РФ, например в 2015 г. более чем в 6 раз. Инвестиции, направленные на образование, в регионах кластера № 1 находятся на уровне средних значений по России. В регионах кластера № 3 данный показатель находится на уровне средних по РФ значений в 2011 г. и 2016 г., а в середине исследуемого периода, т.е. в 2012–2015 гг., в несколько раз превышает средние значения по Российской Федерации. Показатель инвестиций, направленных на образование, в регионах кластера № 4 не превышает средних значений по РФ за весь исследуемый период, кроме 2011 г. Общие средние по РФ значения этого показателя достигают своего максимума в 2012 г., а затем наблюдается его уменьшение на протяжении всего рассматриваемого периода.

Динамика инвестиций, направленных на развитие связи, представлена на рис. 6.

Из рис. 6 видно, что в 2012 г. был стремительный рост инвестиций, направленных на связь, во всех регионах, особенно в регионах кластеров № 2 и № 3. Наименьшие инвестиции выделены на связь в регионах кластера № 1 в 2016 г. Регионы, вошедшие кластеры № 1 и № 4, имеют значения этих инвестиций на уровне средних по РФ, а регионы кластеров № 2 и № 3 – значительно выше средних по России значений. Средние по РФ значения инвестиций на развитие связи после 2014 г. демонстрируют слабую отрицательную динамику до 2016 г.

Заключение

Использование методов нейросетевого моделирования при анализе динамики инвестиционной деятельности регионов России позволило

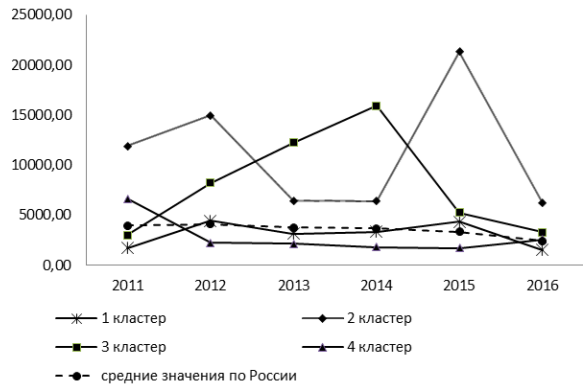

Рис. 5. Динамика инвестиций, направленных на образование, в 2011–2016 гг. (млн руб.)

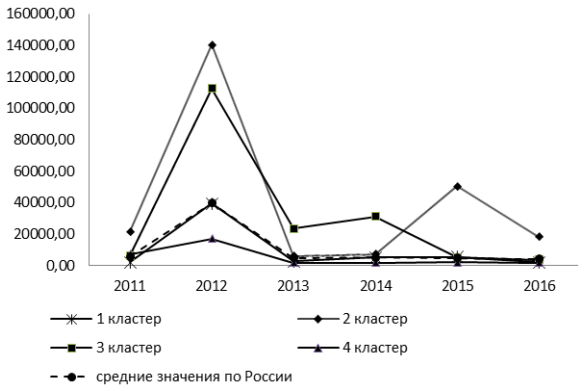

Рис. 6. Динамика инвестиций, направленных на связь, в 2011–2016 гг. (млн руб.)

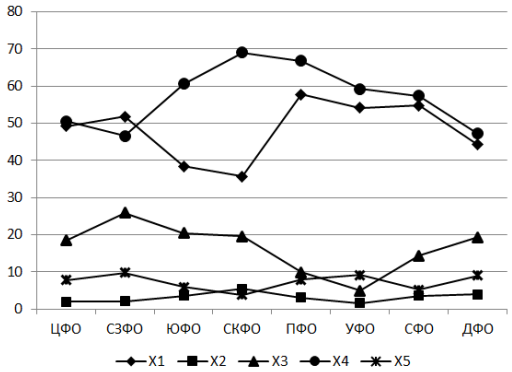

Рис. 7. Поступление инвестиций в федеральные округа за 2016 г. (%)

раскрыть ее неравномерный характер и обнаружить присутствие заметных различий в размерах кластеров и в тенденциях их изменения.

Говоря о структуре поступления инвестиций в регионы России в разрезе федеральных округов, отметим, что наибольшее поступление инвестиций в регионы РФ приходится на частные и собственные инвестиции, что, например, отражают графики за 2016 г., приведенные на рис.7. Данную тенденцию можно наблюдать в течение всего рассматриваемого периода [31].

При распределении поступивших инвестиций по исследуемым видам экономической деятельности за 2011–2016 гг. лидерами являются Центральный и Приволжский федеральные округа, в отличие от Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов, где вложения в рассматриваемые виды экономической деятельности значительно меньше.

Если говорить о структуре распределения инвестиций по видам экономической деятельности в регионах РФ за период с 2011 по 2016 г., то наибольший объем инвестиций поступает в производство и распределение электроэнергии, газа и воды. В настоящее время особенно важным является изменение структуры привлекаемых инвестиций в область высоких технологий [33].

Для этого необходимо принятие комплекса мер, среди которых отметим следующие:

- финансовое обеспечение региональных инвестиционных проектов со стороны государства и частных инвесторов с целью как модернизации и развития существующих основных фондов, так и создания новых высокотехнологичных предприятий;
- действия регионов по повышению инвестиционной привлекательности их территорий;
- обмен опытом инвестиционной деятельности между регионами и использование передового опыта регионов-лидеров;
- понижение административных барьеров в регионах.

В контексте проведенных в статье исследований большую заинтересованность представляет деятельность региональных властей по улучшению инвестиционного климата в регионах РФ. Оценку этим усилиям регионов дает Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах страны [34]. Регионы России должны проводить достаточно активную работу по созданию благоприятных условий ведения бизнеса. При этом повышаются требования к эффективности работы региональных управленческих команд, что приведет

к улучшению позиций этих регионов в рейтинге инвестиционного климата.

Полученные в работе результаты имеют практическую значимость для обоснованности принимаемых управленческих решений и повышения их качества, а также могут применяться для выявления регионов, которым необходимы специальные государственные мероприятия и поддержка.

Список литературы

1. Указ Президента от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http//www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200 (дата обращения: 03.09.2018).

2. Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Ласточкина Е.И. Нейросетевой анализ динамики инвестиций в основной капитал регионов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 7. С. 1327–1345.

3. KuznetsovYu.A., Perova V.I., Lastochkina E.I. Neural Network Analysis of the Fixed Capital Investment Trends in Regions of the Russian Federation // Дайджест-финансы. 2017. Vol. 22. № 3. P. 258–273.

4. Любушин Н.П., Назаров В.Г., Кишев С.А. Оценка эффективности инвестиций с учетом эффектов в смежных областях // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 6 (453). С. 4–13.

5. Ендовицкий Д.А. Инвестиционный анализ в реальном секторе экономики: Учебное пособие / Под ред. д.э.н., проф. Л.Т. Гиляровской. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. 2013 с.

6. Едронова В.Н., Маслакова Д.О. Комплексный сравнительный анализ субъектов Российской Федерации по финансированию инвестиций // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 10. С. 2359–2378.

7. Ван Рил А.К.Р., Трофимов О.В., Новикова Д.С. и др. Особенности отбора инвестиционных проектов с использованием матрицы оценки рисков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 62–70.

8. Плехова Ю.О., Ефимычев Ю.И., Волков А.В. Анализ источников и объемов инвестиций в отечественные инновационные предприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 239–243.

9. Соболев В.Ю. Оценка направлений инвестирования производственного предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2004. № 17. С. 29–35.

10. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Инвестиционные механизмы развития промышленного производства: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. 156 с.

11. Доничев О.А., Молчанова О.Г., Тожокин И.В. Оценка эффективности инвестиционных вложений в создание социально-экономического кластера в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 5 (380). С. 2–12.

12. Федорова Е.А., Титаренко А.В. Оптимизация инвестиционного портфеля методом неприятия потерь на примере российского фондового рынка // Экономика и математические методы. 2014. Т. 50. № 1. С. 80–90.

13. Щетинин Е.Ю. Модель динамики финансового рынка инвесторов с различными финансовыми стратегиями // Фундаментальные физико-математические проблемы и моделирование технико-технологических систем. Сборник научных трудов МГТУ СТАНКИН. 2002. № 5. С. 35–47.

14. Дерябина Я. Сравнительный анализ подходов к оценке инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов // Инвестиции в России. 2003. № 8. С. 9–20.

15. Хасанов И.В. Особенности формирования и реализации региональной инвестиционной политики в современной экономике: Монография. М.: Палеотип, 2011. 268 с.

16. Быстров О.Ф., Поздняков В.Я. и др. Управление инвестиционной деятельностью в регионах Российской Федерации: Монография / Ин-т управления и права. М.: ИНФРА–М, 2010. 358 с.

17. Фролова И.В. Инвестиционный потенциал региона: разработка системы оценок // Региональная экономика. 2009. № 16. С. 26–34.

18. Барсегян А.А., Куприянов М.С., Степаненко В.В. и др. Технологии анализа данных: Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP. СПб.: БХВ-Петербург, 2007. 384 с.

19. Бэстенс Д.-Э., ван ден Берг В.-М., Вуд Д. Нейронные сети и финансовые рынки. М.: ТВП, 1997. 236 с.

20. Ширяев В.И. Финансовые рынки. Нейронные сети, хаос и нелинейная динамика. М.: КД «Либроком», 2016. 232 с.

21. Растунков В.С., Петров А.К., Панов В.А. Нейронные сети. Statistica Neural Networks: Методология и технология современного анализа данных. М.: Горячая линия–Телеком, 2008. 392 с.

22. Медведев В.С., Потемкин В.Г. Нейронные сети. MATLAB 6. М.: ДИАЛОГ-МИФИ, 2002. 122 с.

23. Kohonen T. The Self-Organizing Map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1990. Vol. 78. № 9. P. 1464–1480.

24. Kohonen T., Oja E., Simula O., et al. Engineering Applications of the Self-Organizing Map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1996. Vol. 84. № 10. P. 1358–1384.

25. Дебок Г., Кохонен Т. Анализ финансовых данных с помощью самоорганизующихся карт. М.: АЛЬПИНА, 2001. 317 с.

26. Carboni O.A., Russu P. Assessing Regional Wellbeing in Italy: An Application of Malmquist–DEA and Self-Organizing Map Neural Clustering // Social Indicators Research. 2015. Vol. 122. № 3. P. 677–700.

27. KohonenT. Self-Organized Formation of Topologically Correct Feature Maps // Bio1. Cybern. 1982. Vol. 43. № 1. P. 59–69.

28. Martinetz T.M., Berkovich S.G., Schulten K.J. «Neural-Gas» Network for Vector Quantization and Its Application to Time-Series Prediction // IEEE Transactions on Neural Networks. 1993. Vol. 4. № 4. P. 558–569.

29. Перова В.И. Нейронные сети. Часть 2: Учебное пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 2012. 111 с.

30. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях. Часть 2. Нейронные сети, обучаемые без учителя: Учебное пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 2012. 135 с.

31. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 03.09.2018).

32. http://planetcalc.ru/250/ (дата обращения: 03.09.2018).

33. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Утверждена распоряжениями Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р и от 08.08.2009 № 1121-р). URL: http://www.conculnant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c719e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527 (дата обращения: 03.09.2018).

34. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. URL: https://asi.ru/investclimate/rating/ (дата обращения: 03.09.2018).

NEURAL NETWORK ANALYSIS OF INVESTMENT ACTIVITY DYNAMICS OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS

V.I. Perova, A.V. Papko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this paper, we investigate the dynamics and specific features of the indicators of investment activity of the Russian Federation regions for ensuring the country's economic growth, social and economic development of territories and increasing the population's welfare. The dynamics of the Russian regions' investment activity in 2011–2016 was studied by applying the methodology of neural network modeling using 13 indicators that characterize the investment activity of the regions and determine the prospects for their socio-economic development. The study is based on Rosstat data on investments across economic activities in the country's regions. Self–organizing Kohonen maps (a type of artificial neural networks that are trained using unsupervised learning), implemented in the analytical package Deductor, were used as a research tool. A number of specific features of investment activity dynamics of the Russian Federation regions are revealed. According to the level of sources of investment in fixed assets and the areas of their use, the regions of Russia were divided into four groups (clusters). It was found that investment activity is unevenly distributed in the regions of the Russian Federation. Therefore, it is necessary to take comprehensive measures for promoting changes in the structure of incoming and distributed investments in all regions of the country, especially in those regions where investment activity rates are below the national average.

Keywords: dynamics of investment receipts and distribution, regions of the Russian Federation, cluster analysis, neural networks, Deductor.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ

© 2019 г.

Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н., проф.; заместитель директора
Института социально-политических исследований РАН по научной работе,
заведующий кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью
Российского государственного социального университета, Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru
Калиев Талгат Бегимович, к.полит.н.; директор Научно-исследовательского центра «Молодежь»,
Астана, Казахстан
talgat.kaliyev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23.10.2018
Статья принята к публикации 15.01.2019

Вопросы, связанные с изучением ценностей общества, относящихся к определенному временному периоду, являются важнейшими индикаторами изучения интегративных качеств отдельного индивида. Система ценностей, их иерархия предполагает типологию ценностей общественного сознания и выступает универсальным критерием оценки нравственного развития общества в пространственно-временном континууме. В каждом культурно-историческом периоде понятие «ценностей» среди мыслителей и ученых трактовалось поразному, в зависимости от социально-экономического развития и жизненного цикла локальной территории.

Понятие «ценность» является ключевым в теории о ценностях, которая положила начало специальной области философской науки, изучающей вопросы, сопряженные с природой ценностей, их местом в реальном мире, структурой ценностного мира, взаимосвязью различных ценностей между собой, и их отражение в структуре личности.

Авторы, анализируя теоретические аспекты изучения ценностно-смысловой сферы, обращают внимание на такие современные аксиологические теории, как натуралистический психологизм, аксиологический трансцендентализм, персоналистический онтологизм, культурно-исторический релятивизм, социологизм. Ценности как философское понятие эволюционировало со временем, и в этом выражается многогранность социально-философского понимания ценностей, которые легли в основу социальных институтов в процессе общественного развития.

Углубление в ценностную проблематику позволяет развивать научные дискуссии и концептуальные предпосылки дальнейшего развития аксиологии как особого направления в социогуманитарных науках.

Ключевые слова: ценности, теория ценностей, ценностно-смысловая сфера, аксиология, современные аксиологические теории, натуралистический психологизм, аксиологический трансцендентализм, персоналистический онтологизм, культурно-исторический релятивизм, социологизм.

Введение

Термин «ценность», являющийся ключевым в философских науках и социально-общественных учениях, используется для обозначения общекультурно значимых явлений реальности.

Введенный в 1902 г. французским философом П. Лапи в научный словарь термин «аксиология» начал применяться с 1908 г. немецким ученым Э. Гартманом, что привело к формированию в буржуазной философии 1920–1950-х гг. XX в. самостоятельного направления – аксиологии, или теории ценностей (следует отметить труды таких немецких и американских философов, как М. Шелер, Н. Гартман, Р.Б. Перри, С. Пеппер) [1; 2].

Научный прорыв в развитии аксиологии приходится на начало XX в., когда вне зависимости от социальных и экономических предпочтений ценностное учение о человеке, обществе и культуре позволило взглянуть на них изнутри. Свое отношение к ценностям, их особенностям старались выразить каждое философское направление или область. Значительный вклад в теоретическую разработку проблемы ценностей внесли такие философы различных направлений, как Р.Б. Перри в своем неореализме, Т. Манро в натурализме, Д. Дьюи в прагматизме, Ст. Пеппер в контекстуализме, Ч. Огден и А. Ричардс в эмотивизме, Б. Рассел в неопозитивизме рассматривали сущность ценности в форме мировоззренческого и методологиче-

Рис. 1. Современные аксиологические теории

ского знания [3]. Вместе с тем были сформированы пять основных теоретических подходов, направленных на осмысление понятия «ценность» и определение природы ценностей (см. рис. 1).

1. Натуралистический психологизм

Натуралистический подход к изучению проблем ценностей можно наблюдать в домарксистской и современной буржуазной культуре. По мнению основателей натурализма, ценностью представляется все то, что способствует эффективному функционированию «человеческой природы», т.е. биопсихологических способностей человека, удовлетворению его интересов, развитию потенциальных задатков [4].

С точки зрения современных ученых, натуралистический подход, наряду с другими, оценивается в более позитивном ракурсе как убедительный и соответствующий «здравому смыслу».

Основоположниками теории ценностей, сформированной в рамках натуралистического психологизма, являются такие ученые, как А. Мейнонг, Р.Б. Перри, Дж. Дьюи и К.И. Льюис. Американский философ Ральф Бартон Перри, который также основал направление американского неореализма, является самым обсуждаемым теоретиком в сфере натуралистической аксиологии. Обращаясь к данному подходу аксиологии, сформированному в рамках неомарксистских теорий, мы видим необходимость представить взгляды одного из наиболее ярких его представителей – Р.Б. Перри. Его аксиологическая позиция была отмечена такими крупными учеными, как Г. Беккер, Р. Линтон, К. Клакхон, Т. Парсонс, С. Пеппер, определившими общую теорию ценностей Перри в качестве наиболее полного эмпирического исследования данного предмета до середины XX в. [4, с. 157].

Согласно аксиологическому взгляду Перри, возникновение науки о ценностях – аксиологии связано с разрушением старой аристократической шкалы ценностей, которая была в большей степени основана на авторитете и повседневных привычках. Общую теорию ценностей он представил в своей работе «Современные философские тенденции» и рассматривал ее как «ветвь знания, в которой этика, политика, юриспруденция, экономика, эстетика, философия и религия объединяются и находят свое место» [4]. В своих более поздних трудах, таких как «Общая теория ценностей» и «Сфера ценностей», он защищал идеалы американской демократии, выступая в защиту гражданских прав, индивидуальной свободы. В этой связи общая теория ценностей Перри имеет гуманистическую направленность, отводя общечеловеческие принципы на первое место и признавая человека как субъекта эволюции и наивысшую ценность. Следовательно, ценностно-составляющими в человеческой сущности, по мнению Перри, выступают его эмоционально-волевое, биологическое развитие, являющиеся определяющим для индивидуального и общественного бытия. В его концепции основным составляющим понятием ценности является «интерес» на уровне эмоционально-чувственной природы человека в контексте характеристики морально-аффектной жизни. Интерес в интерпретации Перри связан с характером и направлением конституирующего субъекта, способностью вызывать влечение или отвращение (disposition of favor or disfavor): «любой объект, каков бы он ни был, приобретает ценность, когда любой интерес, каков бы он ни был, распространяется на него» [1]. Таким образом, Перри свой подход к ценностям называет «биоцентрическим» или «психоцентрическим».

Интерес, с точки зрения Перри, может являться и единицей жизни, и системой, действующей согласованно для своего собственного биологического сохранения. Как он излагает, «мои интересы – это я сам в глубочайшем смысле», т.е. без определенного интереса к предмету или действию не может быть ценностей, если интерес не присутствует, то никакие жизненные изменения не могут иметь

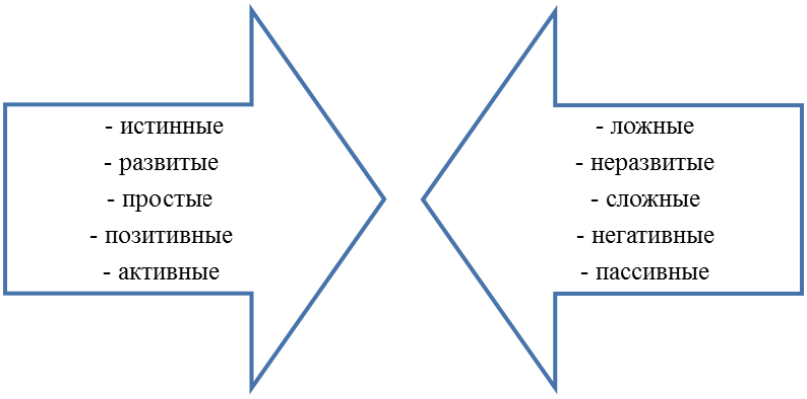

Рис. 2. Классификация ценностей по характеру интереса для субъекта

практического значения. Где нет потребностей, там и нет ни счастья, ни беспокойства, ни трагедии, ни комедии [4, с. 158].

В зависимости от характера интереса и качества ориентирующего знания Ральф Перри разработал классификацию ценностей, различая их по следующему образу (см. рис. 2).

Исходя из вышеуказанных характеров интереса, можно подчеркнуть, что в понятие «интерес» также входят и волевые и эмоциональные проявления индивида. В связи с этим характер интереса оказывается под влиянием психологического состояния человека и жизненного опыта, становясь причиной интеграции, мутации, дифференциации соответствующих им ценностей [4, с. 162]. Кроме того, в рамках формулировки «ценность-интерес» объектом интереса выступает его «направленность», объединяя в себе стимул и цель потребления «желаемого».

Предлагаемый концепт Перри произведен в духе прагматизма, и любой интерес субъекта направлен на «оправданность ожидания». Говоря простыми словами, ценность является ценностью до тех пор, пока сам человек не потеряет к ней субъективный интерес и не выявит ошибку в ходе обретения жизненного опыта или эмоционального выгорания.

В заключение можно сделать вывод, что «интерес-потребность» Перри есть предмет ценности, плохого или хорошего – безразлично, ибо всякая конструктивная классификация интересов по их значимости предполагает определенное представление о ценности. Однако, по рецензиям многих ученых во главе с С. Пеппером, указывается на диалектический диссонанс в натуралистическом подходе Перри. Они отмечают, что Перри игнорировал конкретно-исторический подход в установлении общечеловеческих ценностей, несущих гуманистический характер, объявляя любой интерес источником ценности [5]. С позиции его теории любой антиобщественный поступок, как, например, воровство или убийство, можно рассматривать как ценность, если он является «желаемым» и «совершенным» для заинтересованного субъекта.

2. Аксиологический трансцендентализм

Данный подход к определению природы ценности является наследником неокантианского учения о ценностях и сформирован на основе идей выдающихся представителей Фрайбургской школы – В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Основные категориальные аппараты этих ученых и направленность в исследовании сущности ценности исходят из теории Канта. Если логическая философия Канта практический разум превозносит над теоретическим и ограничивает его функцию лишь критическим исследованием, то неокантианцы стремились освободить «буржуазную аксиологию» Канта от позитивистской тенденции, которая призвана познать только реальность. Так как идеи кантовского учения были обращены к критическим формам познания, Виндельбанд совершает попытку ввести философию в трансцендентную сферу, осуществляющую свою власть над разумом индивидуума и его поведением [6]. Свое особое отношение к философии было выражено в следующем: не отрицая исторической подвижности термина «философия» и понимая под философией критическую науку об общеобразовательных ценностях, что и определяет предмет философии [6]. Следовательно, Виндельбанд предмет философии и понятие «ценность» ставит в зависимость друг от друга, пытаясь рассматривать философию только как учение о ценностях, в последующем противопоставляя ее всем другим наукам.

Виндельбанд в своих суждениях использует термин «оценка» для обозначения отношения к категории «ценности», истолковывая «оценку» как элемент «целеполагающего сознания»,

Рис. 3. Структура ценностей по Виндельбанду

свободного от объективной закономерности. В отличие от натуралистического психологизма Перри, Виндельбанд понятие «ценность» отрывает от субъективной нагрузки и соотносит его к единичным фактам. С точки зрения неокантианцев, оценка (ценность) не должна выражать мнение отдельного человека, а выполнять функции социальных правил и норм для регулирования общественного сознания. Виндельбанд полагал, что источником общественных конфликтов является противоречие ценностей царящего индивидуализма и общественных требований, которые не совпадают с нормами бытия. О своих тревогах он пишет в следующих размышлениях: «нивелировке исторических различий и установления единообразия жизни, о которых ни один из прежних веков не имел даже малейшего представления... возникает теперь большая опасность, что мы таким образом утратим самое высшее, что составляет и составляло во все времена культуры и историю: жизнь личности» [7, с. 135]. Поэтому Виндельбанд предлагает обосновать положение «о вечных ценностях», имеющих абсолютное значение и не зависящих от результатов исторических событий, оказывающих влияние на эмоциональную и практическую деятельность человека и развитие общества. Таким образом, «вечные ценности» по видам оценки должны основываться на общезначимых правилах, сформированных на принципах принуждения, долженствования и непозволительности иного. Формы проявления «вечных ценностей», по мнению Виндельбанда, обусловлены логическими, эстетическими и этическими значениями [7, с. 132–133]. Исходя из размышлений о «вечных ценностях», можно заключить, что Виндельбанд отрицает существование антиценностей и аналогов к ним, находя во всеобщих ценностях истину и идеал. Истина в ключе понимания ценности – это нормативность сознания, а не представление о реальности, то есть трансцендентное начало. Следовательно, в системе «оценка–истина–идеал» ценность тождественна закономерным фактам, как восход или закат солнца.

Видение Виндельбанда о «ценностях» можно сгруппировать следующим образом для визуального восприятия вышесказанного (см. рис. 3).

Резюмируя неокантианские воззрения Виндельбанда, необходимо подчеркнуть, что он категорию «ценность» переводит к метафизическому смыслу и стремится догматизировать ее, отстаивая абсолютные права над субъективным выбором. Виндельбанд не выводит понятие «ценность» на уровень философского термина, часто заменяет его категориями «норма», «абсолютная оценка», «всеобщий закон» и наделяет качествами вне бытия, имеющими всеобщую значимость [7, с. 136]. Таким образом, ценность по Виндельбанду – это закономерные нормы, стоящие выше личности и функционирующие во благо общества.

Последователь Виндельбанда Г. Риккерт, основатель баденской школы неокантианства, категорию «ценность» ставит на центральную позицию в своей аксиологической теории. Понятия «смысл» или «значение» Риккерт превращает в априори «ценности» и так же, как Виндельбанд, переносит их к сфере трансцендентного. В своей работе «Два пути теории познания» он отмечает, что желая определить понятие смысла, человек должен отказаться от помещения его в сферу бытия, т.к. смысл лежит над и до бытия, как такового, отмечая, что смысл должен быть логически предшествовать бытию. Так или иначе, согласно Риккерту, ценности не могут быть поняты ни из субъекта, ни из объекта, они образуют совершенно самостоятельную сферу.

Риккерт выделяет три вида «ценностей» или «ценностных ступеней» с точки зрения превращения индивидом предмета в благо, в котором раскрывается «истинность» смысла (см. рис. 4).

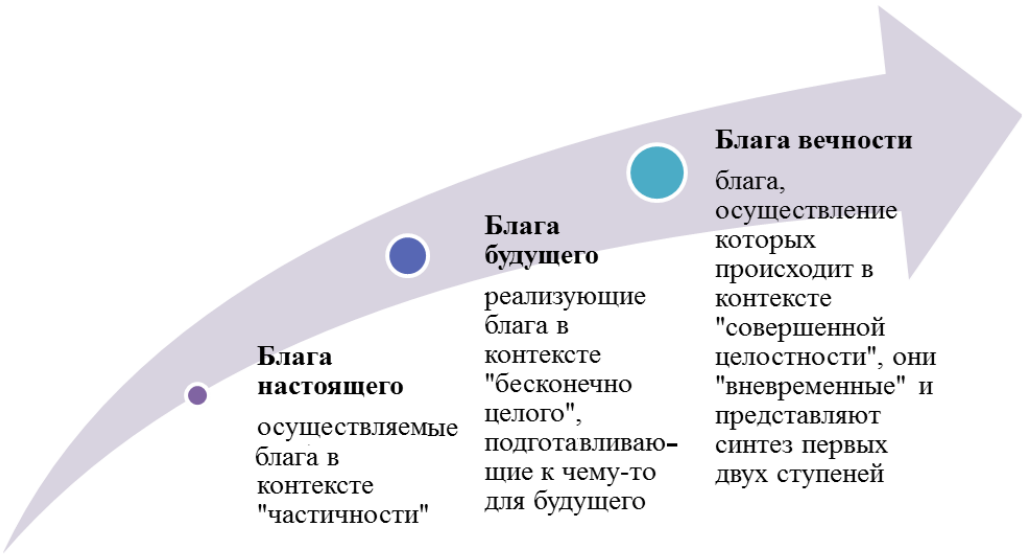

Рис. 4. «Ценностные ступени» по систематизации Риккерта

Идеализм концепции Риккерта о ценностях измеряется ее отдаленностью от реальности. Например, чем дальше произведение искусства оторвано от действительности, тем большей ценностью оно обладает (сюрреализм).

Анализируя подход аксиологического трансцендентализма, можно констатировать, что он схож с традиционными объективно-идеалистическими идеями Платона, сформировавшими царство абсолютных и неизменных идей [7, с. 141]. Следует отметить, что взгляды представителей данного подхода повлияли на генерирование общечеловеческих ценностей [8, с. 196–204].

3. Персоналистический онтологизм

В методологии исследования ценностей подход персоналистического онтологизма в качестве направления позиционируется как «феноменологическая аксиология». Основоположником данного подхода является М. Шелер, немецкий философ и социолог, который в центр научных интересов ставит задачу раскрытия природы ценностей и доказательство эффективности феноменологического метода для реалистического познания ценностей [9].

Согласно персоналистической концепции Шелера, ценности нельзя отнести к субъективным интересам, нормам, так как они отделены от всех организаций духовных сущностей и зависят исключительно от чувственной природы человека. В целях онтологического понимания содержания ценности философ обозначает различия между ценностями и их носителями. Любая ценность имеет своего носителя, лишь в нем она становится действительной и реальной. В данном случае носителями могут выступать личности и вещи. Однако они независимы друг от друга, и сама ценность не представляет свойства, присущие носителю [9].

М. Шеллер выстроил иерархию ценностей:

– ряд ценностей приятного и неприятного;

– ряд ценностей витального чувствования;

– ряд духовных ценностей [9, с. 191].

Опираясь на данную классификацию ценностей, можно предположить, что Шелер настаивает на элементах субъективизма и релятивизма. Однако суждения Шелера переплетаются и противопоставляются, следуя за идеями католических мыслителей, таких как Августин и Паскаль. Строгая иерархия ценностей Шелера, основанная на теории эмоционального акта, чаще сходится со взглядами натуралистического психологизма, что утрачивает свою значимость в аксиологии. Несмотря на это, заслугой феноменологии является установление факта независимости ценности от субъекта [9, с. 182].

4. Культурно-исторический релятивизм

Своеобразным подходом в изучении природы ценностей является культурно-исторический релятивизм, центральным основанием которого считается идея аксиологического плюрализма.

Видный представитель данного направления – Вильгельм Дильтей, немецкий историк культуры и философ-идеалист, который впервые ввел понятие «наук о духе». Дильтей отказывается от последовательного историцизма, не знающего никаких внеисторических ценностей. Теория о множественности ценностных систем, согласно Дильтею, базируется на «относительности» без исключений исторических явлений. Выдвигаемая им идея аксиологического плюрализма противоречит программе ценностной теории, так как абстрагируется от культурно-исторического кон-

текста. Представители релятивизма были против увековечивания одной, «подлинной» системы ценностей, выработанной на основе исторического накопления взглядов. Дильтей проводил сравнительные исследования в области метафизических и религиозных доктрин, присущие гуманитарным наукам, и продемонстрировал релятивизм всех исторических взглядов. Согласно его учениям, ценности и нормы не претендуют более на общезначимость в условиях, когда историко-контекстуальный анализ заменил их религиозное и метафизическое обоснование. Здесь и происходит столкновение историцизма и универсализма, приводящее к ницшевской «трагедии», когда все становится мимолетным и все ценностные ориентиры утрачивают свою значимость в силу религиозности исторического периода. Поэтому для многих приверженцев (О. Шпенглер, А. Тойнби) идей Дильтея был характерен интуитивистский подход к истолкованию ценностного смысла культур. Например, О. Шпенглер, немецкий философ-идеалист, в своем широкоизвестном труде «Закат Европы» писал, что общечеловеческой культуры не существует, как и общечеловеческой морали для всех народностей мира [10]. Исходя из этого, следует отметить отсутствие общей системы ценностей, универсального и всеобъемлющего.

Освальд Шпенглер, отказываясь от всемирного единства истории и прогресса как основной направленности исторического развития, отрицает гипотезу эпохального разделения истории «наподобие какого-то ленточного червя, неутомимо наращивающего эпоху за эпохой». Культуры, заключающие в себе традиции и обычаи, этнические нормы и ценности, по мнению Шпенглера, возникают «с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле», и столь же бесцельно уходят со сцены истории, не оставляя ничего после себя. Таким образом, он сообщает о закате западного мира, так как рационалистическая цивилизация склонна к деградации высших духовных ценностей и обречена на гибель. В его взглядах можно проследить враждебность к социалистическому строю: социализм не есть система милосердия, гуманизма, мира и заботы, а есть система власти… «благоденствие» в экспансивном смысле… Все остальное самообман». Данное высказывание отражает взгляд релятивистов, которые рассматривали ценностные установки исторического периода с точки зрения «относительности», то есть ценности одного периода времени могут быть бесценны для другого.

Решение проблемы универсализации ценностных установок релятивисты видят в освобождении гуманитарных наук от ограниченных рамок и догматических позиций, продиктованных «сверху», оков политики.

Теория относительности или релятивистская логика Шпенглера в аксиологической программе стала широко использоваться критиками, высмеивающими «ошибки» в истории человечества и лидеров эпохи.

5. Социологизм

Представители социологизма развивают идею неокантианства о системе ценностей как норме и закономерности, способом бытия которой является значимость в историческом пространстве. Методологический инструмент, позволивший сформировать новый взгляд на ценности, был выработан немецким социологом М. Вебером. С помощью данной методологии Вебер совершил переоценку ценностей, их смыслов и значений, отводя их от трансцендентального к историческому. По Веберу, «ценность оценивается как ценное, исходя из принятого ценностного масштаба, то есть людьми, существующими в определенное время и в определенном месте». Следовательно, он впервые определяет влияние ценностей на характер культуры общества, сравнивая его с неким компасом, указывающим путь, по которому развивается динамика общественных интересов [11, с. 36]. Однако, в соответствии с его воззрением, интересы общества перейдут в действенное значение только тогда, когда всех отдельно взятых индивидов будет связывать определенный субъективный смысл. И осмысленным актом будет считаться тот, который соотносится с ценностями, корректирующими нормы поведения людей и их индивидуальные цели [11, с. 87].

В своей «понимающей социологии» Вебер производит переоценку ценностей, отводя систему ценностей к поведенческим стереотипам людей. Важнейшее место в веберовском социологизме занимает концепция «идеальных типов». Под идеальным типом Вебер подразумевает идеальную модель того, что полезно для человека, в соответствии с интересами эпохи. В данном отношении идеальными типами могут выступать моральные, религиозные и другие ценности, а также установки поведения людей. Далее, в аксиологической методологии Вебер формирует «теорию социального действия», согласно которой ценностные установки человека определяют его поведение. По интерпретации Вебера, действие становится социальным в том случае, если «...по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него» [12, с. 603]. Социальное действие должно быть осознанным и осмысленным, т.е. иметь «отнесение к ценности» как придание смысла

ему, на основе которого формируется цель, что определяет поведение человека. Следовательно, как заключает Вебер, если понять, какова ценность, на которую ориентировано действие человека, можно понять смысл самого действия. Любое действие не может существовать вне ценностного поля, и действие как выбор является результатом самоопределения человека. Таким образом, «отнесение к ценности» социального действия, согласно Веберу, является предметом социализации субъекта. С этой точки зрения, социализация не может быть пассивным действием предлагаемых обществом норм и ценностей. Так или иначе, следует заключить, что Вебер рассматривал ценность как экзистенциальный уровень самоопределения субъекта, наполненный смыслом и отражающийся в его поведении [12, с. 622–623].

Выводы

Ценности как философское понятие эволюционировало со временем, и в этом выражается многогранность социально-философского понимания ценностей, которые легли в основу социальных институтов в процессе общественного развития.

В исследованиях представителей гуманитарных наук, занимающихся аксиологическими проблемами, отсутствует единое представление о сущности и природе понятия «ценности». Углубление в ценностную проблематику позволяет развивать научные дискуссии и концептуальные предпосылки дальнейшего развития аксиологии как особого направления в социогуманитарных науках.

Список литературы

1. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 87–89.

2. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства: Коллективная монография / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2017. 600 с.

3. Ивин А.А. Аксиология: Научное издание. М.: Высш. шк., 2006. С. 162.

4. Соколов Э.В. Основные идеи общей теории ценностей Р.Б. Перри // Проблема ценности в философии. М.; Л.: Наука,1966. С. 155–170.

5. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

6. Виндельбанд В. Прелюдии. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. 400 с. (Серия «Канон философии»).

7. Рудельсон Е.А. Неокантианское учение о ценностях (Фрейбургская школа) // Проблема ценности в философии. М.: Наука, 1966. С. 128–144.

8. Начало XX века. Первый общетеоретический кризис социологии. М.: Гаудеамус. Академический проект, 2010. 354 с.

9. Чухина Л.А. Феноменологическая аксиология М. Шелера // Проблема ценности в философии. М., 1966. С. 181–193.

10. Сапрыкин В. Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей. М., 2014. С. 34.

11. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: Монография. Астрахань: Издательство Астраханского государственного университета, 2004.

12. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

MODERN THEORIES OF STUDYING THE AXIOLOGICAL SPHERE

T.K. Rostovskaya,[1] T.B. Kaliyev[2]

[1]Institute of Socio-Political Research
[2]Molodezh Research Center, Astana, Kazakhstan

Questions related to the study of the values of society relating to a certain time period are the most important indicators of the study of an individual's integrative qualities. The system of values and their hierarchy presupposes the typology of values of public consciousness and acts as a universal criterion for assessing the moral development of society in the space-time continuum. In each cultural and historical period, the concept of «values» among thinkers and scientists was interpreted differently, depending on the socio-economic development and life cycle of the local area.

The concept of «value» is key both in axiology and in the theory of values, which marked the beginning of a special field of philosophical science that studies the issues associated with the nature of values, their place in the real world, the structure of the value world, the relationship between different values and their reflection in the structure of the individual.

The authors, in analyzing the theoretical aspects of the study of the axiological sphere, pay attention to such modern axiological theories as: naturalistic psychology, axiological transcendentalism, personalistic ontology, cultural and historical relativism, sociology. Values as a philosophical concept have evolved over time, and this expresses the diversity of socio-philosophical understanding of the values that formed the basis of social institutions in the process of social development.

By delving into various aspects of value problems it will be possible to develop scientific discussions and conceptual prerequisites for the further development of axiology as a special area in social sciences and humanities.

Keywords: values, theory of values, axiological sphere, axiological theory, modern axiological theory, naturalistic psychology, axiological transcendentalism, personalistic ontology, cultural and historical relativism, sociology.

УДК 316.334.2

ВОВЛЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

© 2019 г.

Н.Н. Ивашиненко, М.Л. Теодорович, Н.Н. Патокина

Ивашиненко Нина Николаевна, д.э.н., проф.; профессор кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования, руководитель Научно-образовательного центра исследования социальных систем Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nni@fsn.unn.ru
Теодорович Михаил Леонидович, д.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mt231@fsn.unn.ru
Патокина Наталья Николаевна, ассистент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
spapr@fsn.unn.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2019
Статья принята к публикации 31.01.2019

Анализируются возможности вовлечения населения в процессы регулирования конкуренции на региональном уровне на примере Нижегородской области. Регулирование конкуренции рассматривается как один из основных инструментов развития рынков и территорий. Участие различных групп населения в данном процессе в качестве не только покупателей, но и акторов, способных осознанно предпринимать действия, направленные на изменение ситуации на рынках, выступает важным фактором повышения эффективности регуляционных процессов. В основу публикации положены исследования конкуренции, проводимые исследовательским коллективом в Нижегородской области с 2014 г. по 2018 г. Анализ показывает, что основная масса населения не воспринимает идею регулирования конкуренции как возможность повлиять на качество жизни на своей территории. В то же время наблюдаются ростки зарождающегося интереса отдельных групп населения, которые могут при определённой поддержке объединиться в более значимые направления. Анализ показывает зарождение трех основных видов вовлечения населения в процессы развития конкуренции: интернет-технологии для оказания воздействия на бизнес и органы власти; взаимодействие с органами власти и бизнесом по поводу развития рынка; использование протестных форм. Полученный материал позволяет выявить основные проблемы и предпосылки вовлечения населения в процессы регулирования развития конкуренции на региональных и местных рынках и разрабатывать социальные технологии, направленные на повышение качества жизни на данных территориях и снижение уровня социальной конфликтности.

Ключевые слова: конкуренция, население, вовлеченность.

Переход от плановой экономики к рыночной с особой остротой поставил вопрос о новой концепции управления экономическими процессами и месте в нем различных акторов. Государственная собственность, централизованно управляемая, в значительной мере сменилась распределенными сетями частной собственности, воздействие на которую органов власти носит опосредованный характер [1]. На повестке дня остается вопрос об идеологии государственного управления в России – каким образом государство может управлять рынком в интересах всех участников процесса, не используя прямое административное воздействие, нарушающее рыночное равновесие. Базовой идеологической конструкцией такого рода стала разработка законодательства, направленного на развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2012 г. функции по развитию конкуренции были включены в приоритеты деятельности органов исполнительной власти. В Указе Президента РФ «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» от 21.12.2017 г. № 618 «повышение удовлетворенности потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен» ставится первой в списке основных целей, отодвигая «повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов…» на второе место. Документом определяется ряд мер, направленных на привлечение саморегулируемых организаций, общественных организаций, профессиональных союзов и советов по-

требителей к активному участию в работе совещательных органов по развитию конкуренции [2]. Общественное мнение позиционируется как важный элемент контроля за состоянием конкуренции. Вместе с тем его действительная способность выполнять данную роль определяется реализацией широкого спектра программ и мероприятий, основанных на понимании отношения населения, потребителей к своему участию в процессах защиты и развития конкуренции.

Методика сбора информации

Исследовательский коллектив более 10 лет занимается вопросами регионального развития и конкуренции как одного из двигателей экономических процессов. В 2014 г. кафедра экономической социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Научно-исследовательский центр «Экономика. Общество. Наука» (НИЦ ЭОН) по инициативе и поддержке Нижегородского территориального управления Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации провели исследование, посвященное развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольной политики в Нижегородской области. В ходе проекта была разработана методика оценки развития конкуренции как элемента механизма повышения качества жизни населения малого города с применением сравнительного анализа состояния рынков потребительских товаров и услуг столицы региона и районных центров. Исследование проводилось на двух площадках: в Нижнем Новгороде и Городце. Методика разрабатывалась в соответствии с «дорожной картой» развития конкуренции и совершенствования антимонопольной политики, реализуемой на уровне органов местного самоуправления, и позволяет измерять уровень эффективности ее исполнения. Данная методика получила высокую оценку и была рекомендована ФАС для использования в других регионах страны.

В 2015 г. кафедра экономической социологии ННГУ провела мониторинговое исследование с использованием разработанного инструментария на прежних площадках сбора информации – в Нижнем Новгороде и Городце [3]. Методическая строгость мониторингового замера обеспечила полную сопоставимость полученных данных, используемых для анализа в 2015 г.

В 2016 г. по инициативе Министерства экономики и конкурентной политики Нижегородской области произошла модернизация дизайна исследования. При сохранении инструментария, разработанного кафедрой экономической социологии ННГУ в 2014 г., были внесены существенные изменения в методику сбора информации. Под руководством специалистов Министерства экономики и конкурентной политики Нижегородской области при участии местных органов самоуправления был осуществлен сбор информации во всех 52 муниципальных районах и городских округах Нижегородской области (около 20 анкет в каждом). В результате в массиве 2016 г. Нижегородская область представлена преимущественно мнением населения, проживающего за пределами столицы региона.

В 2017 г. коллективом Центра исследования социальных систем, созданного на базе кафедры экономической социологии ННГУ, и Министерством экономики и конкурентной политики Нижегородской области проведен очередной этап ежегодного мониторинга во всех 52 муниципальных районах и городских округах Нижегородской области по аналогии с мониторингом 2016 г.

В 2018 г. мониторинг конкуренции проводился кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования совместно с Центром исследования социальных систем и НИЦ ЭОН в рамках договора о сотрудничестве между Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского и Министерством экономического развития и конкуренции Нижегородской области. В исследовании приняли участие 3000 респондентов, проживающих в 20 районах области, включая Нижний Новгород. Выборка строилась как районированная, репрезентирующая районы Нижегородской области по численности населения и социально-экономическому развитию. Внутри района случайная маршрутная выборка контролировалась по половозрастному составу и репрезентировала жителей района. Основной целью данного исследования стало не столько изучение динамики удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции (оценка широты выбора компаний, удовлетворенность уровнем цен, качеством и стабильностью наличия товаров и услуг), сколько выявление факторов, влияющих на эту удовлетворенность, и направлений привлечения населения к участию в регулировании процессов конкуренции на уровне региона и муниципалитетов.

Проблемы изучения участия населения в процессах конкуренции

Традиционно население в моделях конкуренции рассматривалось в качестве покупателей, которые могли влиять на поведение продавцов через изменение своих потребительских предпочтений [4]. Наиболее сильное воздей-

ствие потребителей признавалось на рынках потребителей, где предложение превышало спрос. Современная экономическая социология предлагает собственные концепции конкуренции, сформированные в рамках социологии рынков [5, 6]. В этом русле конкуренция представляется не как противоборство устремлений разрозненных и независимых акторов, а в качестве социального действия, ориентированного на других участников рынка [7]. Признавая взаимозависимость участников со стороны продавца, следующим шагом логично внимательно рассмотреть взаимозависимость покупателей, которые своим поведением формируют поле социальных отношений, не только классически стремясь к оптимальной покупке, но совместно влияя на ее реализацию.

Рассмотрение рынка и конкуренции как его регулятора из плоскости экономических отношений перетекает в плоскость социально-экономических, где границы моделей спроса и предложения расширяются за счет моделей кооперации не только между продавцами, но и между покупателями. Общий вектор воздействия покупателей направляется не на единичную операцию, а на создание сочетания цены/качества товаров и услуг, способного повысить качество жизни населения на конкретной территории в целом.

Как показывают исследования экономического поведения россиян, отношение основной массы населения к рыночным процессам несколько улучшилось по сравнению с постперестроечным периодом [8]. В общественном дискурсе все реже появляется противопоставление плановой и рыночной экономики. Тем не менее, признавая наличие рынка, значительный пласт российского населения не до конца осознает свою роль в данном процессе, либо перенося полноту ответственности на органы власти, либо выражая протест и несогласие с поведением рыночных игроков, в том числе в форме участия в митингах и пикетах [9]. Отметим, что в данном случае неудовлетворенность рыночной ситуацией может опосредовать более глубокие и значимые источники протестности и выступает, в том числе, важным индикатором фактического характера восприятия населением ситуации, органов власти и их действий в части, затрагивающей чувствительные сферы гражданских интересов. Ни та, ни другая форма не являются конструктивными в плане повседневности, регулярного воздействия на рыночный механизм, который, по мнению К. Поланьи [10], без контроля скорее способен привести к разрушению социума, чем к повышению качества жизни населения. Необходима как значительная работа по изучению общественного сознания, так и развернутая управленческая программа, направленная на формирование проактивной позиции различных групп населения по отношению к конкуренции.

Отношение населения к общественному регулированию конкуренции

Охотно высказывая свое мнение о состоянии различных нижегородских рынков, население в основной своей массе пока еще слабо видит себя в роли активной действующей силы, способной повлиять на продавцов товаров и услуг. По данным нашего исследования, 61% жителей Нижегородской области не интересуются информацией о конкуренции и не видят себя в процессах воздействия на нее. Для значительной части россиян – нижегородцы не стали исключением – характерна отстраненная позиция по вопросам обсуждения работы рынков. Оно, как правило, сводится к критике деятельности продавцов либо работы органов власти. Такая ситуация во многом соответствует этапам развития рыночных отношений на различных территориях и превращения рынков продавцов в рынки покупателей. На территории Нижегородской области сохраняются районы с дефицитом товаров и ограниченным выбором. По всем анализируемым направлениям деятельности доля населения, категорически не желающего принимать участия в развитии рыночных отношений, превышает суммарную долю готовых и морально поддерживающих. В то же время ситуация меняется, и при этом достаточно динамично. Так, с 2014 г. наблюдается изменение позиции населения и постепенный рост общественного внимания к работе рынков, и, хотя наблюдаемое явление не стало массовым, оно может рассматриваться как проявление зарождающейся тенденции.

Стремительное развитие интернет-технологий и расширение доступа к ним широких слоев населения значительно видоизменяют социальную активность населения. Исследователи отмечают рост интереса населения к разным формам отзывов, помогающих ориентироваться в мире интернет-покупок [11], проектам электронного правительства, локального развития [12] и многим другим, позволяющим быстро высказать свое мнение и получить обратную реакцию. В Нижегородской области написание отзывов на различных сайтах о работе компаний вызывает у нижегородцев наибольшее желание присоединиться (23% готовы принять участие). На втором месте по популярности стоит использование мобильных приложений на

Таблица 1

Отношение населения к действиям, направленным на развитие конкуренции в Нижегородской области (распределение ответов на вопрос «Как вы оцените ваше отношение к различным действиям, направленным на развитие конкуренции в Нижегородской области?»), %

Действия, направленные на развитие конкуренции в Нижегородской области	Готовы принять участие	Поддерживают морально	Категорически не хотят принимать участия	Затруднились ответить
Написание отзывов на различных сайтах о работе компании	23	19	42	16
Использование мобильных приложений на телефонах и других гаджетах для сбора и отсылки информации о неподобающем поведении продавцов	18	19	43	20
Бойкот покупки товаров и услуг недобросовестных продавцов	17	23	38	22
Обращение в органы власти с запросом об информации	16	20	41	23
Подписание обращений к органам власти разного уровня для привлечения внимания к проблемам развития конкуренции в районе, области	9	17	43	31
Участие в общественных обсуждениях проблем развития своего города, региона, страны	8	19	43	30
Участие в дискуссиях по данному вопросу в социальных сетях	8	16	48	28
Участие в голосовании на различные номинации как лучшая компания года в своей отрасли	8	19	45	28
Участие в митингах протеста против повышения цен естественными монополистами	7	22	48	23
Отслеживание информации о состоянии дел на различных рынках в открытых источниках	7	18	44	31
Отслеживание информации о состоянии дел на различных рынках в специализированных базах данных	4	17	47	32
Участие в рабочих и инициативных группах, направленных на создание решений по развитию рыночной конкуренции	2	14	**52**	32
Участие в деятельности по общественному контролю за соблюдением условий справедливой рыночной конкуренции	2	16	**52**	30
Реализация общественных инициатив и проектов развития рыночной конкуренции	2	15	48	35
Общественная поддержка инициатив бизнес-сообщества в данном направлении	2	15	**50**	33
Членство в общественных организациях, деятельность которых направлена на развитие рыночной конкуренции в регионе	1	12	**53**	34

телефонах и других гаджетах для сбора и отсылки информации о неподобающем поведении продавцов (18%). Традиционно используемый ранее бойкот покупки товаров и услуг недобросовестных продавцов отошел на третье место (17%), за ним по популярности следует готовность 16% населения обращаться в органы власти за информацией. В середине списка востребованности находятся мероприятия, связанные с различными формами участия в информационной деятельности. Наименьший интерес наблюдается по направлениям общественного участия населения в процессах регулирования конкуренции.

Таким образом, использование регулирования конкуренции как инструмента развития территорий и управления качеством жизни населения нуждается в развернутой программе работы с населением для изменения общественного мнения и поддержания ростков социальной активности. С этой целью был проведен факторный анализ, позволивший выявить малые группы населения, проявившие интерес к различным формам участия, и рассмотреть их специфику. Отношение населения к действиям, направленным на развитие конкуренции в Нижегородской области, отражено в таблице 1.

Типология отношения населения к регулированию конкуренции

Многомерный анализ позволил выявить группы зарождающихся тенденций: интернет-

Таблица 2

Возрастные характеристики различных групп, %

	Интернет-ориентированная	Настроенная на диалог	Протестная
До 20 лет	10	5	7
21–35 лет	41	36	37
36–50 лет	27	25	30
Старше 50 лет	22	34	26

технологическую (14%), ориентированную на диалог с органами власти и бизнесом (11%) и протестную (8%). Для описания групп используются условные названия. В первую группу вошли нижегородцы, которые активно используют Интернет и готовы использовать мобильные приложения на телефонах и других гаджетах для сбора и отсылки информации о неподобающем поведении продавцов, а также оставлять отзывы на различных сайтах о работе компании. Характерной чертой второй группы является поддержка идей взаимодействия с органами власти и желание принимать участие в развитии территорий своего проживания. Последняя выделенная группа отличается склонностью к поддержке протестных действий, таких как бойкот покупки товаров и услуг недобросовестных продавцов и участие в акциях протеста против повышения цен естественными монополистами. Рассмотрим группы подробнее.

Интернет-технологии для оказания воздействия на бизнес и органы власти

Пользователи Интернета для регулирования конкуренции представляют самую молодую группу населения. Среди них повышена доля нижегородцев в возрасте до 35 лет. Тем не менее сказать, что к интернет-технологиям в этом случае прибегает только молодежь, было бы некорректно, так как среди этой группы 27% находятся в возрасте от 36 и до 50 лет и в возрастном интервале старше 50 лет – 22%. Возрастные характеристики различных групп представлены в таблице 2.

Интернет-ориентированные нижегородцы имеют чуть более высокий уровень образования, но так же как и в случае с индикатором возраста, этот показатель не является доминирующим, и по мере развития интернет-технологий в данную группу легко вовлекаются работники и служащие с невысоким уровнем квалификации. Эта группа не ищет целенаправленно информацию о конкуренции на местных рынках, но в целом уделяет повышенное внимание контролю над ростом цен и качеством продукции, а также юридической защите потребителей.

Избегая участия в традиционной общественной деятельности и не принимая риторику общественного участия в развитии территорий, они, тем не менее, могут быть вовлечены в процессы регулирования конкуренции по факту своей высокой информационной культуры и готовности опереться на нее при отстаивании своих прав в привычных для них формах интернет-обращений и оценок.

Взаимодействие с органами власти по поводу развития рынка

Взаимодействие с органами власти, на которые возлагается ответственность за происходящее на рынках, несколько более распространено в более старших возрастных группах. Так, среди сторонников диалога с властью и бизнесом 34% составляют нижегородцы в возрасте старше 50 лет. Их образовательный уровень несколько ниже, чем у предыдущей группы, но во многом компенсируется широтой интересов и жизненным опытом. Поддержка общественных инициатив, направленных на регулирование процессов конкуренции на региональном и местных уровнях, является частью их активной гражданской позиции в целом. Они чаще, чем остальные группы, готовы подписывать обращения к органам власти разного уровня для привлечения внимания к проблемам развития конкуренции в районе, области. Для ориентированных на диалог с властью и бизнесом нижегородцев привычны процедуры обращения в органы власти за информацией.

В отличие от интернет-ориентированных, эта группа все же чаще склонна оказывать моральную поддержку различным общественным движениям, чем участвовать лично. Тем не менее их позиция создаёт базу социальной поддержки активистов и позволяет расширять круг желающих непосредственно участвовать в различных общественных организациях, работающих над повышением эффективности конкуренции в регионе. Не акцентируя основное внимание на интернет-технологиях, представители этой группы не чужды им. Основное внимание привлекает возможность обсуждения проблем конкуренции в социальных сетях.

Если для первой группы управление конкуренцией состоит преимущественно в контроле над ценой и качеством продаваемых товаров и

Таблица 3

Поддержка мер, направленных на развитие конкуренции, разными группами потребителей, %

Меры по развитию конкуренции	Интернет-ориентированные	Настроенные на диалог	Протестная
Контроль роста цен	87	73	72
Контроль качества продукции	86	59	65
Контроль за работой естественных монополий	58	15	15
Юридическая защита потребителей	55	27	18
Создание новых рабочих мест	23	50	50
Контроль над тем, чтобы одна компания не начинала полностью диктовать условия на рынке	14	29	21
Юридическая защита предпринимателей	11	12	11
Контроль, чтобы фирмы конкурировали честно	11	15	23
Помощь начинающим предпринимателям	9	18	25
Создание условий для того, чтобы компаний, продающих товары или услуги, становилось больше	8	13	22
Создание системы обратной связи и отзывов потребителей о работе компаний	8	28	16
Привлечение инвесторов	8	20	32
Создание системы информирования населения о спектре цен на различные услуги и товары	6	20	20
Повышение открытости процедур муниципальных конкурсов и закупок	5	9	5
Расширение возможностей продажи продукции, выращенной на личных приусадебных участках	4	15	15
Расширение возможностей для работы общественных организаций по оказанию услуг	3	13	9
Расширение возможностей для граждан участвовать в контроле конкуренции на рынках	3	13	13
Поддержка новых направлений развития экономики города и района	3	29	31
Сокращение муниципальных предприятий за счет появления новых коммерческих предприятий	2	3	4
Ведение учета обращений граждан, связанных с проблемами развития конкуренции	1	6	3

услуг, данная группа трактует развитие конкуренции более широко. Ее представители в дополнение к качеству и цене обращают повышенное внимание на необходимость развития покупательского спроса и потенциала за счет увеличения рабочих мест в районах проживания, поддержки новых направлений развития экономики города и района. Именно в этой среде начинают находить отклик идеи расширения возможностей для граждан участвовать как в контроле конкуренции на рынках, так и в роли продавцов продукции, выращенной на своих участках. Они чаще, чем в остальных группах, обращают внимание на необходимость антимонопольного регулирования, контроля за тем, чтобы одна компания не начинала полностью диктовать условия на рынке, а также на необходимость создания системы обратной связи между потребителями и производителями.

Привлечение данной группы населения к участию в регулировании может лежать в русле расширения программ гражданской активности, где регулирование конкуренции будет выступать одним из элементов местного развития. Поддержка мер, направленных на развитие конкуренции, разными группами потребителей представлена в таблице 3.

Протестные формы воздействия на конкуренцию

Группа нижегородцев, ориентированная на поддержание протестных форм воздействия на процессы конкуренции, самая немногочисленная, тем не менее данные настроения отражают своеобразную позицию кризисного включения в ситуацию. Группа, отличающаяся несколько большей представленностью лиц среднего возраста, но в целом значительных отличий по социально-демографическим характеристикам не отмечается.

Представители данной группы не готовы и не заинтересованы в регулярном отслеживании процессов конкуренции и состояния дел на рынках. Их реакция на происходящие рыночные процессы проявляется только в кризисные моменты, когда происходит столкновение интересов. Они готовы бойкотировать продавца или участвовать в акциях протеста против повышения цен. В отличие от группы, ориентированной на диалог, протестно-ориентированные скорее негативно относятся к бизнес-сообществу и органам власти. В то же время они заинтересованы в поддержке начинающего и честного бизнеса, к которому они не относят большинство крупных фирм. Данная позиция затрудняет вовлечение этой группы населения в конструктивное взаимодействие. Однако значимый уровень небезразличия в отношении складывающихся ситуаций определяет возможность и целесообразность ее вовлечения в процессы регулирования развития конкуренции путем расширения пространства использования элементов социального управления, в их числе – и партисипаторного участия [13].

Заключение

Уровень активности населения в контроле за конкурентными процессами невысок. С одной стороны, низкая активность населения в данной сфере соотносится с уровнем гражданской активности в целом. С другой стороны, нижегородцы еще не восприняли идею контроля конкуренции как повседневного процесса, непосредственно влияющего на качество их жизни. Для многих нижегородцев она воспринимается скорее абстрактно и ассоциируется в первую очередь с бизнесом, а не с поведением потребителей.

Несмотря на общую пассивную позицию, наблюдаются тенденции актуализации возможных форм вовлечения населения в процессы регулирования конкуренции. Наиболее быстро развивается тенденция, базирующаяся на использовании интернет-технологий, обеспечивающих быстрое и незатратное реагирование группы ее сторонников на происходящее на рынке. Интернет-технологии, облегчая процессы взаимодействия, скорее базируются на идее контроля над бизнесом и органами власти, чем диалога и взаимодействия. Технология отзывов как рычага давления на продавцов сравнительно легко осваивается и распространяется. В то же время ориентированные на этот подход не представляют собой социальную группу, сплоченную общими интересами развития территории их проживания. Их вовлечение в процесс регулирования конкуренции усиливает контроль, но само по себе еще не способствует выработке совместных решений.

Ядром участвующего управления может стать группа населения, ориентированная на диалог с органами власти и бизнесом по поводу развития территорий. Она более заинтересована в поддержании идеи регулирования конкуренции как инструмента развития территорий. Несмотря на то, что данная группа немногочисленна, она закладывает основание для формирования общественного мнения и может стать опорой для создания и поддержки различных общественных советов, способных не только контролировать, но и принимать участие в принятии и реализации решений, направленных на повышение эффективности конкуренции.

Наряду с конструктивными формами наблюдаются протестные, возникающие в ситуации социального напряжения и конфликта. Эта группа населения вовлекается в процессы воздействия на конкуренцию только в момент напряжения, не интересуясь ею в повседневном режиме. Наличие этой группы выступает своеобразным противовесом и барьером, защищающим от принятия бизнесом и органами власти социально несправедливых решений. В то же время эта группа населения пока не вовлекается ни в процессы текущего контроля, ни в разработку принятия решений о развитии конкуренции на данной территории, что делает ее трудно вовлекаемой, но перспективной для выстраивания сотрудничества.

Продолжение мониторинга конкуренции позволит уточнить динамику и характер данных тенденций. Тем не менее уже имеющиеся материалы позволяют заключить, что без вовлечения населения потенциал проекта развития конкуренции не может быть реализован в полной мере. Удовлетворенность качеством и ценовыми предложениями является во многом субъективной характеристикой, зависящей от активности позиции различных групп населения и их желания воздействовать на рынок.

Выявление граждан, чьи интересы могут включать, в числе иных, участие в таких группах,

представляет собой значимое направление в деятельности по развитию конкуренции; предпочтительно организационно-методической основой его представляется партисипаторный подход.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

2. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции: Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 22.12.2017; Собрание законодательства РФ. 25.12.2017. № 52 (Часть I). Ст. 8111.

3. Теодорович М.Л., Ивашиненко Н.Н. Разработка мониторинга конкуренции на муниципальном уровне // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 428–435.

4. Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.

5. Swedberg R. The Market // Contexts. 2007. Vol. 6. № 4. P. 64–66.

6. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 328 с.

7. Abolafia M.Y. and Biggart N.W. Competition and Markets: An Institutional Perspective // In: Socio-Economics: Toward a New Synthesis. Amitai Etzioni and Paul Lawrence (eds.). Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1991. 359 p.

8. Мареева С.В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования. 2013. **7** (**351**). С. 120–130.

9. ФОМ: Протесты. URL: https://fom.ru/tag/Protesty

10. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее (Серия «Конференции Департамента экономической теории ГУ-ВШЭ») / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.

11. Hsu Meng-Hsiang, Chuang Li-Wen, Hsu Cheng-Se. Understanding online shopping intention: the roles of four types of trust and their antecedents // Internet Research. 2014. Vol. 24. Issue 3. P. 332–352. URL: https://doi.org/10.1108/IntR-01-2013-0007

12. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 86–99.

13. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / Под общ. ред. М.Н. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Нижний Новгород – М.: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. 268 с.

POSSIBILITIES FOR INVOLVING THE POPULATION IN THE REGULATION OF MARKET COMPETITION

N.N. Ivashinenko, M.L. Teodorovich, N.N. Patokina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In using the case study of the Nizhny Novgorod region, the article explores the possibilities of involving the population in the regulation of market competition at the regional level. Regulation of market competition can be viewed as one of the main tools for local development. One of the important factors for improving the efficiency of regulation is the active participation of various groups of the population in this process. These groups can perform the roles of customers and actors who are capable of reflexive actions aimed at changing the market situation. The paper is based on research conducted in the Nizhny Novgorod region in 2014-2018. The findings show that the majority of the population does not perceive the idea of regulating competition as an opportunity to influence the quality of life in their region. At the same time, the budding interest among certain groups of population may, with some support, develop into more significant activities. Our analysis shows the formation of three main types of public involvement in the development of market competition: 1) employment of Internet technologies to influence business and government; 2) dialogues with government and business regarding market development and 3) protest forms against business and government decisions. Our findings identify the main barriers and prerequisites for involving the population in the regulation of market competition development at regional and local levels. The results of this study also provide some valuable contribution to the development of social programs, which aim to improve the life quality of population and to prevent social conflicts in these territories.

Keywords: competition, population, involvement.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2019 г.

Ю.П. Аверин, В.А. Сушко

Аверин Юрий Петрович, д.соц.н., проф.; заведующий кафедрой методологии социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
marfenka28@gmail.com
Сушко Валентина Афанасьевна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры методологии социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
valentina.sushko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.08.2018
Статья принята к публикации 14.01.2019

Рассматриваются теоретические и методические подходы к изучению процесса социализации подростков. Выделяются макро-, мезо- и микрофакторы, характер их воздействия на социализацию подростков, их особенности в Советском Союзе и в современной России. Раскрывается сопутствующее этому процессу усложнение в условиях социализации подростков: ухудшение материального положения семей, рост преступности, разрушение политической системы, социальная нестабильность, отсутствие государственной идеологии, разрушение социалистических ценностей, разнообразие средств массовой информации, распространение Интернета.

На основе эмпирических данных двух социологических исследований, проведенных с разницей в 27 лет – в самом конце существования Советского Союза и в современной России, анализируются особенности и результаты процесса социализации подростков в указанные периоды. Показано, как изменились за последние 27 лет мировоззренческие взгляды подростков на проблему выживания, здоровья, отношений между людьми и государством, национальной культуры. Раскрыт характер изменений ценностной структуры подростков, характеризующей результаты процесса социализации в различных социально-политических и социально-экономических условиях. Показано, как структура данных ценностей изменилась за последние 27 лет и какова она в условиях современной России.

Сделан вывод о том, что подростки остро чувствуют все изменения, происходящие в обществе, и что данные изменения имеют разнонаправленное влияние на процесс социализации подростков, приводят как к положительным, так и к отрицательным результатам этого процесса. Результаты проведенных исследований помогают увидеть, чем живет юное поколение, что они думают о себе и о взрослых, об обществе и государстве, как качественные изменения в состоянии общества влияют на изменения в процессе и результатах социализации подростков, в состоянии их сознания. Это знание позволяет понять, в каком направлении движется российское общество, будущее которого находится в руках современных подростков.

Ключевые слова: социализация подростков; макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы социализации; особенности социализации подростков в период перестройки и в настоящее время.

Введение

Анализ процесса социализации подростков в современной России является актуальным в связи с особенностями подростков как социально-демографической группы, значением их социализации для будущего страны, влиянием на неё тех социальных изменений, которые происходили в российском обществе за последние 27 лет.

Социализация является процессом становления и развития личности, основанным на усвоении, принятии, понимании и осознании индивидом на протяжении всей жизни определенных образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и культурных ценностей. Все это способствует вхождению индивида в социальную жизнь и успешному функционированию в ней [1, с. 239]. Важность изучения процесса социализации в рамках социологической науки заключается в том, что он оказывает влияние на формирование личности индивида и становится фактором, обусловливающим формирование его отношений в общественной жизни. Процесс социализации хорошо изучен в стабильном социуме, но когда общество претерпевает существенные экономические, политические и социальные изменения, этот процесс значительно усложняется.

Процесс социализации подростков сопровождается переоценкой ценностей, критическим осмыслением опыта предшествующих поколений, новыми представлениями о своем профессиональном будущем и будущем общества. С одной стороны, подросткам необходимо

принять существующие объективные условия общественной жизни (войти в мир взрослых), а с другой – выработать свою позицию (сконструировать свой мир) в условиях, когда происходящие быстрые социальные преобразования вызывают изменения субъективных установок в сознании молодого поколения. Поэтому подростковый возраст является «пограничным» переходом от детства к взрослости и сопровождается рядом радикальных физиологических и психических изменений. Однако основными являются изменения, модифицирующие взаимоотношения взрослеющего ребенка с обществом и его институтами. При единообразии биологических процессов эти изменения имеют свои особенности в разных социокультурных условиях. С учетом этих особенностей в настоящее время в науке принято определять подростковый возраст в диапазоне от 12 до 17 лет [2]. В соответствии с определением Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА), подростками являются лица в возрасте 10–19 лет (ранний подростковый возраст – 10–14 лет; поздний подростковый возраст – 15–19 лет) [3]. В данной статье мы сосредоточили свое внимание, главным образом, на раннем подростковом возрасте – от 10 до 15 лет, так как именно в данный возрастной период процесс социализации протекает наиболее интенсивно.

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2017 г. в России проживали около 9 миллионов подростков в возрасте от 10 до 15 лет. Это около 6% от всего населения России на тот же период [4]. Из них 51% девочки, 49% мальчики. В городах живет 70% подростков, остальные 30% – это сельское население [5]. За последние 20 лет численность подростков в Российской Федерации существенно снизилась (примерно на 3 миллиона). Еще в 1990 г. в России проживало более 12 миллионов подростков 10–15 лет [5].

Социальный статус современных российских подростков определяется их официальными правами и реальной позицией в обществе. Согласно Конвенции ООН о правах ребенка с момента рождения каждый ребенок до 18 лет взят под охрану государства и обладает определенными правами, например жить и воспитываться в семье; защищать свои права; выражать своё мнение; право на имущество, на медицинское обслуживание, на образование и многие другие [6].

Обзор литературы

Основные концепции социализации можно объединить в два направления. Первый подход предполагает пассивную позицию человека в процессе социализации, а саму социализацию рассматривает как процесс адаптации человека к обществу, которое формирует каждого своего члена в соответствии с присущей ему культурой. Этот подход может быть определен как субъект-объектный (общество – субъект воздействия, а человек – его объект).

Представителем данного подхода был Э. Дюркгейм. Исследуя отношения человека и общества, он неоднократно обращался к вопросам социализации и воспитания подрастающих поколений. Не разводя эти понятия, Э. Дюркгейм понимал под воспитанием «ежеминутно испытываемое ребенком... давление социальной среды, стремящейся сформировать его по своему образцу и имеющей своими представителями и посредниками родителей и учителей» [7, с. 127]. Результаты теоретических построений Э. Дюркгейма во многом стали основанием развернутой социологической теории функционирования общества, описывающей, в том числе, и процессы интеграции человека в социальную систему, разработанную Т. Парсонсом. Его теория оказала влияние на многих исследователей социализации, в их числе Дж. Х. Баллантайн, Э. Мак-Нейл, Дж. У. Огбю и др. [8, с. 12]. Они, исследуя социализацию, рассматривают ее как субъект-объектный процесс. Такой подход определил и ключевые понятия в их анализе социализации: принятие, освоение, адаптация.

Возрастная стратификация присуща любому обществу. Наиболее последовательно значение возрастной структуры общества в социализации подрастающих поколений показано в концепции М. Мид. Она выделила три типа обществ в зависимости от темпов их развития: постфигуративные; кофигуративные; префигуративные [9, с. 45]. Проблемам юношеского возраста, связанным со становлением личности, посвящена книга Э. Эриксона [10, с. 244–263]. Одним из первых теоретиков социализации в отечественной науке является И.С. Кон. Рассматривая детство и как особую субкультуру общества, и как элемент человеческой культуры в целом, И.С. Кон трактует социализацию детей как «способ существования и трансмиссии культуры» [11, с. 313].

Важно отметить, что, в основном, современные российские исследователи в своих работах обращают внимание на подростков с теми или иными формами девиации (проблемы подростковой преступности, наркомании, алкоголизма, ранней беременности и т.д.). Много работ, касающихся поведения беспризорников, инвалидов, неформалов, подростков из неполных семей. Однако «обычные» подростковые группы остаются мало изученными.

И действительно важно изучить особенности социализации так называемых «обычных» школьников. Нельзя глубоко изучить ситуацию, работая только с особыми группами, требующими дополнительного внимания. Параллельно должна идти работа (мониторинг, изучение, анализ) среди населения в целом, в данном случае среди подростков общеобразовательных школ.

Таким образом, особенности социализации подростков по-прежнему остаются одной из актуальных тем. Для всестороннего изучения социализационных процессов в современном российском обществе необходимо рассмотреть классификацию факторов, оказывающих влияние на процесс социализации [8, с. 35].

Факторы социализации в обобщенном виде можно объединить в три группы:

1) макрофакторы – общество, государство, окружающий мир, планета;

2) мезофакторы – СМИ, Интернет, этнос, тип поселения;

3) микрофакторы – семья, школа, подростковые объединения.

Стоит отметить, что в действительности социализация человека протекает во взаимодействии с огромным количеством разнообразных условий, более или менее активно влияющих на его развитие. Далеко не все эти условия изучены. Выделенные выше факторы социализации также изучены в разной мере. Но и имеющиеся данные о каждом из них позволят дать характеристику их современного состояния.

Обращаясь к предложенной классификации, мы можем рассмотреть состояние тех или иных факторов социализации в современном российском обществе.

Социальная структура современного российского общества находится в состоянии нестабильности. Различные исследователи предлагают свои варианты стратификации. Так, если принять во внимание концепцию Т.И. Заславской, то население России условно можно распределить на такие слои (страты): верхний, включающий в себя политические и экономические элиты; верхний средний – собственники и высшие менеджеры крупных предприятий; средний – средние предприниматели, менеджеры, администраторы социальной сферы; базовый – массовая интеллигенция, работники массовых профессий в сфере экономики, военнослужащие, массовый криминалитет; низший – неквалифицированные работники государственных предприятий, крестьяне, пенсионеры; социальное дно – бомжи, неустроенные беженцы, одинокие пенсионеры, безработные [12].

Обсуждая макрофакторы, влияющие на социализацию индивида, важно не путать понятия «государство» и «общество». Хотя государство также можно рассматривать как фактор социализации постольку, поскольку политика, экономическая и социальная практика, для него характерные, создают определенные условия жизни для его граждан, их развития. Дети, подростки, юноши, девушки, взрослые, более или менее успешно функционируя в этих условиях, вольно или невольно усваивают нормы и ценности, как декларируемые государством, так и, в еще большей мере, реализуемые в социальной практике. Здесь нужно говорить о наличии такого механизма, как «государственная политика в интересах детей» [13, с. 8].

Методологическая рамка исследования

В рассмотрении макрофакторов, влияющих на социализацию, необходимо сказать о планетарно-мировых процессах и проблемах. Глобальные экономические и политические процессы определяют условия жизни людей в той или иной стране.

Одним из макрофакторов социализации в современном мире становится терроризм и рост преступности в целом. Ежегодно в мире регистрируется до 500 миллионов преступлений, реальная преступность по меньшей мере вдвое выше, а во многих странах, в том числе и в России, – вчетверо и впятеро. Терроризм к концу XX в. приобрел международный характер. Он стал одним из глобальных факторов социализации, с одной стороны, породив страх и отчаяние у жителей охваченных террором стран, а с другой – оказав серьезное влияние на их ценностные представления и поведенческие установки [8, с. 56].

В целом влияние глобальных процессов на социализацию изучено явно недостаточно, но их возрастающая роль вряд ли может вызывать сомнения.

Переходя к мезофакторам, влияющим на социализацию, обратимся к средствам массовой информации и Интернету. СМИ и Интернет позволяют человеку «не сходя с места» видеть, как живут люди в любой точке земного шара. В настоящий момент в нашей стране существует около 4 тысяч русскоязычных электронных ресурсов для детей и подростков, прошедших общественный контент-контроль. Тем самым раздвинулись границы действительности, которую подросток может познать. Естественно, что следствием этого явились изменения в восприятии человеком жизни, существенное обогащение его потенциальных возможностей, расширение социокультурных представлений. Планы, устремления, мечты детей, подростков, юношей

и девушек в модернизированных обществах могут формироваться, ориентируясь не только на нормы, ценности, стили жизни, характерные для их непосредственного окружения, но и на те образцы, которые манят к себе, даже оставаясь недоступными.

Говоря о мезофакторах социализации, необходимо отметить религию. В любом обществе религия как часть культуры является одним из социализирующих факторов. Однако в современной России у нее, безусловно, есть своя специфика. Состоит она в том, что за последние десятилетия данный социальный институт из «пережитка прошлого» и фактора негативной социализации, с которым нужно бороться, превратился в официально одобряемый и рассматриваемый как один из основных источников российской духовности. Этот факт, по нашему мнению, повлиял на ценностные установки подрастающего поколения.

Рассматривая микрофакторы, влияющие на социализацию в современном обществе, необходимо остановиться на изучении семьи, школы и детских объединений.

К сожалению, для современной России характерно общее ослабление института брака. В 2016 г. 21% всех родившихся в России детей появились на свет вне зарегистрированного брака (за 26 лет внебрачная рождаемость выросла вдвое) [14]. При этом половина внебрачных рождений признается отцами, что свидетельствует о неслучайном характере отношений между родителями.

Проблема взаимоотношений родителей с детьми также крайне сложна в связи с теми изменениями, которые претерпела семья за последние десятилетия. Отношения детей и родителей в течение последних десятилетий меняются, становясь все более эмоционально-психологическими. Они все более определяются глубиной их привязанности друг к другу, т. к. для всё большего числа людей именно дети становятся одной из главных ценностей жизни. Однако эта ситуация не делает семейную жизнь проще. Тому есть свои причины.

Дети нередко имеют более высокий уровень информированности о современных реалиях жизни, чем родители, они большую часть свободного времени проводят вне семьи. Это время дети наполняют занятиями, принятыми среди сверстников, и далеко не всегда заботятся об одобрении этих занятий родителями.

Важным условием физического и психического развития является досуг, отдых. Однако в настоящее время происходит ухудшение условий отдыха детей, полноценно им охвачены лишь дети состоятельных родителей. В 2016 г. собирались отправить на организованный летний отдых своих детей лишь около 15% родителей. Такие данные приводили социологи «Левада-Центра». Причем этот показатель был максимальным за последние семь лет [15].

Непременным фактором социализации подростка является его общение со сверстниками, которое складывается в общеобразовательной школе и различных неформальных подростковых объединениях. Принадлежность к группе играет существенную роль в самоопределении подростка и в определении его статуса в глазах ровесников.

Школа, безусловно, является одним из важнейших факторов социализации современных подростков. Надо отметить, что количество общеобразовательных учреждений за последние 26 лет уменьшилось почти на 15 000. На 1 января 2016 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, насчитывалось около 45 000 общеобразовательных учреждений [16].

Изучив состояние факторов, влияющих на социализацию в современном российском обществе, можно говорить о том, что современные противоречивые процессы социально-экономического и нравственно-культурного характера значительно усложняют процесс социализации. Проблема заключается в том, каким образом подростку найти себя в этом мире и получить ту базу, которая позволит развиваться личности, ориентироваться в противоречивых информационных потоках, вырабатывать собственные ориентиры, но при этом воспринимать существующую культуру.

В начале 1990-х гг. полностью рушится политическая система государства, а вместе с ней и идеология, система государственного регулирования, экономика переходит от плановой к рыночной. Те нормы, ценности, которые воспитывались государством у советского народа на протяжении 70 лет, становятся неактуальными, а порой и губительными в современной России.

Во-первых, будучи сами в ценностном вакууме, родители не могут выступать в роли трансляторов ценностей своим детям, они не в состоянии адекватно определить тот коридор социализации, в рамках которого следует развиваться ребенку. Во-вторых, трансформируется сам институт семьи: семьи становятся малодетными, как следствие – дети воспитываются в основном в окружении взрослых и учатся строить свои отношения только со взрослыми; увеличивается число неполных семей, а в них ребенку труднее воспринимать такие социальные роли, как супружество и родительство; разводов стало намного больше, что также не может не отразиться негативно на развитии ребенка. В-третьих, находясь

в стесненных материальных условиях, родители вынужденно большую часть своего времени тратят на то, чтобы обеспечить свою семью материально, поэтому они не могут уделять достаточно времени воспитанию детей. Увеличивается автономия детей от родителей, а подрастающего поколения в целом от взрослых вообще, различие между взрослым и детским мировосприятием, стилем жизни, восприятием себя и самореализации.

Подрастающее поколение много быстрее и легче, чем старшие, осваивается в меняющихся социальных реалиях. И поэтому естественно, что ряд норм, еще далеко не общепринятых во взрослом обществе, уже освоен в подростково-юношеской среде. Распространение кино и особенно телевидения создало совершенно новую ситуацию формирования потребностей личности, у детей формируются запросы, которые не соотносятся с возможностями их родителей. К одной из наиболее явных особенностей современной социализации относится её длительность по сравнению с предшествующими периодами. Юношество, как период социализации, значительно увеличилось по сравнению с предшествующими эпохами.

Для изучения особенностей процесса социализации российских подростков в различных социально-политических и социально-экономических условиях проведен сравнительный анализ двух идентичных исследований подростков с разницей в 27 лет. Для исследования был применен метод трендового опроса.

В качестве основного источника вторичных эмпирических данных для сравнительного анализа использовано исследование «Дети, подростки в условиях перестройки» (Научно-исследовательский центр при Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ) [17, с. 12]. Выборка: территориальная, гнездовая, квотная (по полу, возрасту). Опрошены 10 714 подростков 10–15 лет в 12 регионах РФ, 1990 г. Осенью 2017 г. было проведено идентичное исследование «Дети и подростки в условиях модернизации общества». Выборка: территориальная, гнездовая, квотная (по полу, возрасту). Было опрошено 2000 подростков 10–15 лет в 13 регионах Российской Федерации. Метод сбора информации – анкетирование. Для опроса использовались блоки анкеты 1990 г., адаптированные к современным условиям. К примеру, пришлось отказаться от вопросов о перестройке и пионерской организации. Но были добавлены актуальные вопросы на тему Интернета и глобализации, участия в новом детском движении. С учетом этих изменений анкета содержала 30 вопросов и 7 разделов, касающихся оценки подростками развития страны и окружающего мира, отношения подростков к людям, друзьям, интересов и представлений подростков о будущем.

Результаты и дискуссия

Говоря о макрофакторах социализации подростков, мы имеем в виду вопросы, касающиеся окружающего мира, планеты в целом. Приступая к сравнительному анализу, можно увидеть, как изменились мировоззренческие взгляды подростков за 27 лет. Респондентам был задан вопрос: «Как ты думаешь, что сейчас самое главное для всех людей на Земле?» В 1990 г. подростки считали самым важным:

– проблемы выживания («сохранить природу» – 71%, «сохранить здоровье, научиться бороться с болезнями» – 42%);

– отношения между людьми и государствами («желание дружить, сотрудничать» – 33%, «свободно ездить в любые страны» – 32%, «жить по законам справедливости» – 33%);

– «сохранять и развивать национальную культуру и культуру всех стран» – 25%, «развивать науку и технику» – 20%, «развивать радио, телевидение, печать» – 19%.

К 2017 г. выросло количество ребят, считающих важным сохранение природы (75%), воспитание доброты (51%) и сохранение здоровья (48%). Такие результаты могут говорить о стабилизации нравственных установок подростков. Также увеличилось количество подростков, считающих важным развивать науку и технику (45% против 20%). Почти в 2 раза меньше стало тех, кто считает важным свободно ездить в другие страны (15% против 32%). Это может быть следствием того, что за последние 27 лет «железный занавес» упал и желаемое в 1990 г. стало действительным в настоящее время. При наличии материальных средств современные подростки могут позволить себе поехать в любой уголок планеты.

О мировоззренческих аспектах сознания современных подростков позволяют судить также следующие данные. Подросткам был задан вопрос: «Нас окружает огромный, сложный мир. Что ты думаешь о нем?» (можно было выбрать лишь один вариант ответа). Интересным фактом при сравнении ответов на данный вопрос представляется то, что к 2017 г. подростков, которые считают, что и человек, и природа зависят от каких-то необъяснимых высших сил, стало в 2.5 раза меньше (10% против 28%). Тем не менее нельзя говорить об уменьшении роли религиозного мировоззрения в последние десятилетия. По результатам нашего исследования, более четверти подростков ходят в церковь

(православный храм, синагогу, мечеть и др.), совершают религиозные обряды (22.4%). Также подростки толерантно относятся к религиозным убеждениям своих сверстников. Только 3% считают, что религиозных сверстников нужно переубедить и заставить не заниматься религиозными вопросами. Вероятно, такие результаты говорят о возрастающем стремлении подростков положиться на самих себя. Важно отметить, что 4% подростков не согласны ни с одним из мнений, а некоторые из них даже предлагают свои, порой радикальные, ответы. Например, девочка 12 лет ответила: «Человек – это ненужная часть природы. Он уничтожает ее».

О понимании подростками своей роли в окружающем мире можно судить по их ответам на вопросы о социальных обязанностях.

Некоторые обязанности подростков прописаны законодательно: каждый несовершеннолетний обязан получить основное общее образование, с 14 лет подросток самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным сделкам и подлежит уголовной ответственности за некоторые преступления.

Это законодательно. А что думают о своих обязанностях сами подростки?

Респондентам был задан вопрос: «Что ты думаешь об обязанностях российских ребят?» Незначительное количество подростков (6%) считают, что у них не должно быть никаких обязанностей, т. к. они еще несовершеннолетние. Большинство подростков считают, что обязанности у них есть. Так, 55% опрошенных считают своей обязанностью беречь природу. Это самый популярный вариант ответа. Также подростки считают своей обязанностью хорошо учиться (58.2%) – здесь ответы сходятся с обязанностью о получении среднего образования, прописанной законодательно. Среди обязанностей российских ребят 51.7% опрошенных подростков указали: «Любить свою Родину».

Анализируя роль мезофакторов социализации в современном российском обществе, необходимо рассматривать влияние СМИ на подрастающее поколение. Известно, что большую часть информации об окружающем мире люди получают из средств массовой информации. Не являются исключением и подростки, у которых часто под влиянием СМИ только происходит формирование общей картины мира и отношения к нему. Откуда же обычно ребята узнают о событиях в нашей стране и за рубежом? Ответы распределились следующим образом: из Интернета (85%), из телепередач (71%), от родителей (42%), на уроках в школе (36%) и от знакомых, друзей (34%).

А нужна ли подросткам эта информация? Из проведенного нами осенью 2017 г. исследования можно сделать вывод, что большинство подростков хотят, чтобы в СМИ было много правдивой информации (в том числе и негативной) для формирования определенного отношения к тем или иным аспектам современной жизни. Приверженцев этой точки зрения вдвое больше, чем противоположной (25% против 12%). Также более 50% опрошенных считают, что откровенное освещение наших проблем и недостатков – это и хорошо, и плохо. По итогам исследования 1990 г. 64% подростков также хорошо оценивали работу СМИ.

Существенным результатом социализации, по которому можно судить о её успешности, является структура ценностных ориентаций подростков.

Сравним ответы подростков 1990 г. и 2017 г. на вопрос, касающийся их ценностных ориентаций: «Когда ты вырастешь, что, по-твоему, значит – жить хорошо?». Самыми популярными остаются ответы подростков, желающих иметь в будущем интересную работу и крепкое здоровье. При этом значимость интересной работы немного растет, а важность крепкого здоровья, наоборот, падает. Однако основные изменения в ценностных ориентациях подростков связаны с уменьшением значимости личных и материальных составляющих будущей жизни. Так, иметь хорошую квартиру считают необходимым для хорошей жизни почти на 15% меньше подростков, чем в 1990 г. (51% против 65.6%). Считают, что для хорошей жизни в будущем необходимо иметь много денег, почти на четверть меньше подростков по сравнению с 1990 г. Зато ответы «быть полезным людям, работать для общества» и «жить для себя и своей семьи» значительно учащаются. Это опровергает расхожее мнение о нравственном падении современных подростков, о их концентрации на материальных благах жизни.

Каким нынешние подростки видят своего будущего супруга? Можно предположить, что качества, которые важны для наших школьников в их будущих супругах, являются для них значимыми ценностями. Итак, самый распространенный ответ включает следующие качества: доброта, заботливость. Эти качества показались важными для почти 70% опрошенных школьников. Следующими по популярности были ответы: ум, затем – красота и после этого – отсутствие вредных привычек и любовь к детям. Важно заметить, что все же первоочередными качествами для семьи современные школьники считают именно те, которые относятся к духов-

ным отношениям, а не к материальному комфорту.

Одним из мезофакторов социализации является этническая принадлежность подростков, поэтому важной является проблема национальной толерантности современных школьников. Им был задан вопрос: «В вашей школе можно услышать, как кого-то дразнят за его национальность? Как ты к этому относишься?» Только треть опрошенных подростков считают, что необходимо бороться с этим и отстаивать свои права (31%). Стоит отметить, что в 1990 г. так отвечали 40% подростков. Но как сейчас, так и тогда самым популярным остается мнение о том, что с этим ничего нельзя поделать (61% в 1990 г. и 57% в 2017 г.). К сожалению, в ответах на этот вопрос мы видим преобладающее равнодушное отношение к нарушению прав ребенка со стороны окружающих его сверстников и даже смирение с этим.

В ряду мезофакторов социализации в современной России мы можем наблюдать появление и активное распространение нового фактора – Интернета, что подтверждается и нашим исследованием.

То, чем занимаются современные подростки в свободное от школы время, представляет огромную значимость. В современных условиях жизни ввиду занятости родителей подросток часто полностью предоставлен сам себе.

Что изменилось в организации досуга подростков за последние 27 лет? Почти 84% опрошенных сообщили, что «сидят» в Интернете чаще всех остальных своих занятий в досуговое время. Действительно, сегодня к таким традиционным агентам социализации, как семья, школа, СМИ, можно без тени сомнения добавить еще один – Интернет. Современный уровень развития Интернета позволяет школьнику удовлетворять в виртуальной реальности различные потребности: информационные, игровые, эстетические, социальные и личностные. Более того, современные школьники фактически выросли в этом информационном пространстве, и для них, в отличие от их родителей, виртуальное пространство является частью повседневной реальности.

Сравнивая организацию досуга подростков 90-х гг. и современных подростков, мы видим, что Интернет не просто занимает время большинства подростков, но и фактически заменяет им многие другие формы досуга. Так, чтение книг и журналов стало втрое менее популярным занятием за последние 27 лет (58.2% в 1990 г. и 20.4% в 2017 г.). Со второго по популярности ответа чтение ушло на 13-е (предпоследнее) место. Это не говорит о том, что подростки совсем перестали читать. Сейчас вся литература, журналы, статьи полностью представлены в Интернете в электронном виде, и подрастающее поколение во многом не нуждается в печатной версии этих изданий. Выросло и число ребят, которые слушают музыку на досуге (с 52.4% до 78.7%). Это также, по нашему мнению, можно объяснить тем, что в Интернете можно прослушать или скачать быстро и бесплатно любую музыку, которую раньше нужно было покупать на аудиокассетах или других носителях. Смотреть фильмы дома также стало больше подростков, и мы полагаем, что по той же причине. А вот ходить на дискотеки стало меньше подростков (26.5% в 1990 г. и 12% в 2017 г.). Мы полагаем, что это обусловлено тем, что в 90-х гг. дискотека воспринималась подростками прежде всего как место для знакомства, налаживания отношений (в том числе с противоположным полом). Сейчас все эти вопросы снимают Интернет и социальные сети.

Существует разница в ответах московских и региональных школьников: чаще всего московские школьники «сидят» в Интернете (79.3% респондентов), а вот большинство учеников региональных школ отметили, что слушают музыку (68.2%). На втором месте у московских школьников – просмотр телепередач (69.7%), для региональных школ на втором месте – Интернет, так указали 57.8% школьников. На третьем месте в рейтинге самых популярных занятий школьников в свободное время – проводить время с друзьями (69.3% московских школьников, 48.3% региональных школьников). Такая разница в ответах московских подростков и подростков из других регионов России может быть вызвана тем, что в регионах слабее, чем в столице, развиты интернет-технологии, пользователей Интернета в регионах меньше.

Игра также имеет большое значение в жизни ребенка. У детей дошкольного и младшего школьного возраста игры являются ведущим типом деятельности. В подростковом возрасте характер игр существенно отличается от игр более раннего возраста. Игра является деятельностью, в которой складывается и совершенствуется управление поведением, в том числе и социальным [18, с. 141]. В настоящее время игру как способ проведения досуга в значительной степени заменил Интернет. Игра в том понимании, в котором она существовала еще в 1990 г., в настоящее время во многом потеряла свое значение. В настоящее время она поменяла свою форму и содержание. Игра из непосредственной действительности переместилась в виртуальную действительность, в Интернет. Общение подростков между собой заменило общение с вымышленными героями виртуальных игр.

Говоря о микрофакторах социализации, мы подразумеваем семью, школу, группы сверстников, подростковые объединения и организации, т.е. непосредственное окружение подростка. О результатах процесса их социализации можно судить по тому, какие нравственные установки сформировались у подростков по отношению к своему непосредственному окружению.

О том, что у значительной части подростков сохраняются хорошие нравственные установки в отношениях со сверстниками, говорят и сравнения ответов на следующий ситуативный вопрос: «Ты узнал(а), что у твоего одноклассника (одноклассницы) ребята с улицы вымогают деньги, угрожая ему (ей). Как ты к этому отнесешься?» Результаты опроса не сильно поменялись за два с половиной десятилетия. Большинство ребят ответили, что обязательно вмешаются и будут защищать друга (62% в 1990 г. и 64% в 2017 г.). О своей беспомощности в этой ситуации («я все равно не смогу ничем помочь») заявили 11% в 1990 г. и только 4% в 2017 г. Это говорит о том, что современные подростки больше уверены в себе и готовы защищать своих сверстников.

Специфической особенностью данного возраста является наличие человека-идеала, он служит своеобразным моральным эталоном, на который подросток равняет свое поведение. Следует отметить, что идеал присущ прежде всего детям и подросткам как некий целостный образ. По мере взросления индивида, становления личности, расширения сфер ее самореализации идеал дифференцируется на ценностные ориентации и частично теряет свою образную целостность [19, с. 101].

Показательно, что, отвечая на вопрос «Каким мне быть, кому подражать», в 1990 г. хотели быть похожими на самих себя 41.6% опрошенных. Примерно каждый пятый подросток (21.6%) в качестве идеала называл мать, 16.8% – отца, 13.9% – героя книг, кинофильмов, спектаклей, певца, исполнителя современной музыки, 12.6% – спортсмена. Гораздо меньше ребят хотели быть похожими на знакомого ровесника (5.1%). Различные неформалы были привлекательны для 5.1%. Правда, подражать учителю хотели еще меньше ребят – 4.8%, известному государственному деятелю – 1.6%, космонавту – 1.7%. Девочки в выборе идеала отдавали предпочтение себе (48.4%), матери (25.5%), ровеснику (8.65%), учителю (5.6%). Мальчики выбирали в качестве идеала бизнесмена (26.4%), отца (21.0%), исполнителя современной музыки (20.0%), спортсмена (28.6%), хиппи, панка, рокера (9.7%), государственного деятеля (3.24%).

Спектр лиц для ориентации в жизни и самосовершенствования свидетельствует о широте жизненных и личностных устремлений подростков. Число же выборов характеризует самостоятельность и неоднозначность оценок ими личностных качеств и действий людей.

То обстоятельство, что в выборе идеала больше респондентов в 1990 г. остановились на собственной личности, можно объяснить ростом самосознания, самоуважения и отражением в сознании ребят сложившейся обстановки в обществе, когда человек, чтобы выжить и жить в соответствии со своими запросами и притязаниями, должен прежде всего рассчитывать на свои силы.

Мы можем наблюдать кардинальные изменения в степени влияния ближайших агентов социализации. Два самых популярных ответа подростков 1990 г. существенно сместились вниз, занимая теперь вместо первого и второго только пятое и шестое место соответственно. За 27 лет упал авторитет матери (с 21.6% до 17.2%). По результатам опроса 1990 г. мать была на втором месте после самого популярного ответа «ни на кого, на самого себя». Сейчас авторитет матери находится уже на шестом месте. Примечательно, что на первое место современные подростки ставят бабушку и дедушку, тогда как в 1990 г. внуки отдавали им только восьмое место.

Это может быть связано с определенными изменениями в нашем обществе. Все больше молодых матерей стремятся работать вне дома. Это особенно характерно для образованных женщин, озабоченных потерей дохода, квалификации и возможностей карьерного роста в случае длительного перерыва в работе, связанного с воспитанием детей. Уход за одним ребенком в течение трех лет снижает пенсионные накопления женщины на 7−11% по сравнению с женщиной, не имеющей детей или не использующей этот отпуск [20, с. 72]. Кроме того, материальные стандарты жизни при переходе к обществу потребления постоянно повышаются.

Влияние отца же за 27 лет почти не изменилось, количество ребят, которые видят своим идеалом именно отца, отличается за два десятилетия менее чем на один процент.

Интересным оказывается тот факт, что идеалом, тем, на кого хотелось бы быть похожим, почти для трети девочек является отец. Косвенно это отражает те социальные процессы, которые происходят в социуме, – феминизация общественной жизни, повышение статуса женщины, принятие современными женщинами инструментальных функций, которые свойственны мужчинам.

Рост значимости бабушек и дедушек в социализации современных подростков подчеркивает и распределение ответов на вопрос: «Кто

больше всего повлиял на твои взгляды, характер?» В 1990 г. на ответ «бабушка, дедушка» приходилось 9.5% всех ответов. В настоящее время этот показатель уже более 18%. Кроме того, мы можем наблюдать рост значимости родителей и снижение значимости друзей и учителей. В остальном распределение ответов на этот вопрос не сильно изменилось со временем.

Тот факт, что подражать учителю хотело незначительное количество школьников, свидетельствует о недостаточном понимании учителями своей роли в процессе социализации подростков. Этот вывод подтверждают исследования, проведенные среди родителей школьников в 2013 г. [18, с. 68–71, 93–97]. Данные исследования показали: примерно половина родителей считают, что большинство учителей пользуются авторитетом у учеников (45.6%). Оценки остальных родителей (49.2%) носят преимущественно отрицательный характер – пользуются авторитетом у учеников примерно половина учителей (26.4%) или меньшинство (18.6%), или нет таких (4.2%). Причин отсутствия авторитета учителей у значительной части учеников несколько. Хотя примерно половина родителей считают, что большинство учителей проявляют доброе, понимающее, внимательное отношение к ученикам (44.6%), оценки остальных родителей (51.7%) носят преимущественно отрицательный характер.

Мы проанализировали структуру референтных групп опрошенных детей. Для мальчиков она следующая: первое место родители, второе место – личные друзья, третье место – одноклассники; для девочек она следующая: первое место – родители, второе место – личные друзья, третье место – братья, сестры. Таким образом, мы видим, что для мальчиков большее значение (в совокупности «друзья» и «одноклассники») имеют внешние социальные контакты, для девочек же, наоборот, – внутреннее общение в семье.

Наряду с остальными, одним из микрофакторов социализации подростков являются подростковые объединения, организации. В 1990 г. называли себя участниками детских, подростковых объединений 58.3% опрошенных. Эта цифра к 2017 г. уменьшилась, но несущественно. По данным исследования 2017 г., состоят в каком-либо молодежном объединении, организации 52% всех опрошенных подростков. Если сравнивать эти данные по полу, оказалось, что девочки больше заинтересованы в данной сфере деятельности. Результаты показывают, что больше половины (53.1%) опрошенных девочек считают себя участниками детского (молодежного) объединения (организации, движения), остальные 46.1% ответили отрицательно. Среди мальчиков ситуация обратная, больше половины (53.9%) не участвуют ни в каких молодежных объединениях, 46.7% опрошенных мальчиков считают себя участниками общественных объединений.

Среди указавших, что молодежные организации нужны, чтобы узнавать о политике, о государственных делах и проблемах, было больше мальчиков (65%/35%). Также больше мальчиков считают, что организации нужны, чтобы постараться заработать деньги (70%/30%).

Также интересным является следующий факт – у тех детей, которые считают себя участниками общественных организаций, больше веры в то, что исполнению их желаний ничего не помешает, среди них меньше сомневающихся, тех, кто ответил «не знаю».

Важные изменения в ценностных ориентациях подростков связаны с уменьшением значимости личных и материальных составляющих будущей жизни. Это опровергает распространенное мнение о моральном падении современных подростков, об их концентрации на материальных благах жизни. Вероятно, одна из причин таких перемен состоит в трансформации роли религии в российском обществе за последние 27 лет.

Заключение

Обобщая полученные во время проведения сравнительного исследования результаты, можно говорить о том, что современные подростки остро чувствуют все изменения, происходящие в современном российском обществе и в мире в целом, но быстро реагируют на них и комфортно к ним адаптируются. Результаты исследования показывают, что за последние 27 лет нравственные установки подростков были подвержены изменениям в лучшую сторону. Наша гипотеза о том, что выросла значимость личных и материальных составляющих будущей жизни подростков России, не подтверждается. Бытующее мнение о падении нравственности подросткового сообщества, потерянности подрастающего поколения также является ошибочным.

Несмотря на кардинальность перемен в современном обществе, следует обратить внимание на то, что подрастающее поколение существенно быстрее и легче адаптируется в меняющихся социальных условиях, ведь они принимают их как данность. Это провоцирует увеличение автономии подрастающего поколения от взрослого сообщества. Разница между подростковым и взрослым восприятием, стилем жизни, самореализацией становится существеннее. Это обусловли-

вает тот факт, что некоторые нормы, еще не принятые во взрослом обществе, уже присутствуют в подростково-юношеской среде.

Обобщая, можно сказать, что динамичность изменения сознания подростков – одна из особенностей данной социально-демографической группы. Подростки представляют собой сложный, но крайне интересный объект для изучения. Неотъемлемой и обязательной частью их жизни становится процесс вхождения во взрослую жизнь, в мир сложных экономических, политических и социальных отношений. Несмотря на то, что подросток находится на данном этапе в состоянии неопределенности, он должен активно усваивать основные нормы, образцы и модели поведения, приобщаться к ценностям, традициям, приобретать полезные навыки и новые знания, которые подросток черпает из своего внешнего социального окружения.

Полученные результаты сравнительного исследования позволяют утверждать, что современные подростки России – позитивно настроенные молодые люди, имеющие достаточно ума, сил, желаний для жизни в современном обществе, умеющие ценить настоящее и строящие большие планы на будущее. «Потерянным» данное поколение не назовешь, они знают, что хотят, во что верят, на что надеются. Социальные ориентации подростков в целом также позитивны. Современные подростки в большинстве своем понимают и принимают социальную и гражданскую ответственность через личную ответственность за себя и свои поступки.

В СМИ, Интернете, кинофильмах, художественной литературе, научных публикациях затрагиваются в основном проблемы так называемых «трудных» подростков: малолетних преступников, беспризорников, неформалов и т.д. Для нас представляется важным, что мы получили возможность изучить особенности социализации «обычных» школьников.

Необходимо отметить, что проведенное исследование помогло понять, чем живет юное поколение, что думают они о себе и взрослых, что их интересует и заботит. Данное исследование – не просто социологический материал, оно дает основание для серьезных выводов, касающихся всех и каждого, фактически оно касается будущего нашей страны.

Список литературы

1. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. 511 с.

2. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

3. Российский демографический барометр // Демоскоп Weekly. № 739-740. 11–14 сентября 2017 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0739/barom04.php (дата обращения: 15.11.2017).

4. Численность и состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 10.12.2017).

5. Дети в России. 2009: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. 121 с.

6. Конвенция о правах ребенка // Портал Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/russian/documen/convents/childcon.htm (дата обращения: 20.10.2017).

7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.

8. Мудрик А.В. Социализация человека. М.: Академия, 2006. 304 с.

9. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1988. 283 с.

10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. М.: Флинта, 2006. 342 с.

11. Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 605 с.

12. Заславская Т.И. Современное российское общество: Проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 5–15.

13. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. М.: Омега-Л, 2008.

14. Российский демографический барометр // Демоскоп Weekly. № 739-740. 11–14 сентября 2017 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0739/barom04.php (дата обращения: 20.11.2017).

15. Детский отдых кризисным летом // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-04-23/4_tourism.html (дата обращения: 20.11.2017).

16. Основные показатели образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2016/ОО-2017/своды-по-рф (дата обращения: 22.10.2017).

17. Соколова Э.С. Дети, подростки и пионерская организация в условиях перестройки. О красном галстуке с надеждой и тревогой. М.: Молодая гвардия, 1990. 125 с.

18. Аверин Ю.П. Качество среднего образования и поведение школьников по отношению к учебе: опыт социологического исследования. М.: МАКС Пресс, 2016. 225 с.

19. Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М.: Проспект, 2004. 336 с.

20. Баскаков В.Н., Баскакова М.Е. О пенсиях для мужчин и женщин. М.: Московский философский фонд, 1999. 200 с.

SOME PECULIARITIES OF ADOLESCENTS' SOCIALIZATION IN THE SOVIET UNION AND IN MODERN RUSSIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Yu.P. Averin, V.A. Sushko

Lomonosov Moscow State University

The article presents theoretical and methodological approaches to the study of the process of adolescents' social adjustment. We identify macro-factors, meso-factors and micro-factors, the nature of their impact on the social adjustment of adolescents and their peculiarities in the Soviet Union and modern Russia. We also reveal the increasing complexity of conditions for adolescents' social adjustment: deterioration of families' financial situation, rising crime, destruction of the political system, social instability, lack of state ideology, destruction of socialist values, media diversity, and the spread of the Internet. Based on the empirical data of two sociological studies conducted 27 years apart – at the very end of the existence of the Soviet Union and in modern Russia – the features and results of the process of adolescents' social adjustment during these periods are analyzed. It is shown how the views of adolescents regarding the problem of survival, health, relations between people and the state, and national culture have changed over the past 27 years. We reveal the nature of changes in the value structure of adolescents, which characterizes the results of the social adjustment process in various socio-political and socio-economic conditions. The changes in the structure of these values over the past 27 years and its current state in the conditions of modern Russia are shown. It is concluded that adolescents feel keenly all the changes taking place in society and that these changes have mixed effects on the process of adolescents' social adjustment (the results of that process are both positive and negative). The results of our studies give a picture of how the younger generation lives, what young people think of themselves and of adults, of society and state, and how qualitative changes in society influence the changes in the process and results of adolescents' social adjustment and in their minds. This knowledge allows us to understand the direction in which Russian society, whose future will be in the hands of today's teenagers, is moving.

Keywords: social adjustment of adolescents, macro-factors, meso-factors, micro-factors of social adjustment, features of adolescents' socialization in the period of perestroika and at the present time.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА: СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ

© 2019 г.

Р.М. Ахмадинуров, С.Н. Испулова

Ахмадинуров Рустем Маратович, д.соц.н., проф.; советник ректора
Российского государственного социального университета, Москва
rgsufa@mail.ru
Испулова Светлана Николаевна, к.пед.н.; доцент кафедры социальной работы
и психолого-педагогического образования
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
sispulova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2018
Статья принята к публикации 11.01.2019

Статья посвящена рассмотрению специфических характеристик социального пространства монопрофильного города, а также определению наиболее актуальных проблем в его формировании, развитии. Методологической основой исследования являются научные положения таких ученых, как Р. Декарт, Г. Зиммель, П. Бурдье, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, П. Штомпка и др. Приведены результаты социологического исследования, проведенного в 2014–2018 гг. в городе Магнитогорске (Челябинская область), свидетельствующие об особенностях социального пространства монопрофильного города, роли градообразующего предприятия в развитии города. Основным методом исследования стало раздаточное анкетирование. В нем приняли участие 960 жителей города, среди которых третья часть являются работниками градообразующего предприятия ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат». Это была целевая аналитическая выборка, ее критериями стали: место работы, половозрастная структура, социально-профессиональные характеристики. Основные блоки вопросов касались деятельности градообразующего предприятия, социального самочувствия, объектов городского хозяйства.

Результаты анкетирования соотносятся с отчетом градообразующего предприятия города (2015 год) – ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», данными Челябинскстата, что позволяет авторам делать более точные, взвешенные выводы о реальном положении дел в рассматриваемом вопросе. Наиболее проблемными зонами, согласно результату исследования, являются: сокращение продолжительности жизни горожан, упадок в развитии системы общественного транспорта, недостаток учреждений дошкольного образования, однобокость развития системы профессионального образования, двойные стандарты в получении гражданами медицинского обслуживания, единообразие в выборе организации и проведении досуга. Кроме того, авторами определены возможные меры по решению наиболее значимых для жизнедеятельности горожан проблем.

Ключевые слова: социальное пространство, монопрофильный город, градообразующее предприятие.

Введение

Актуальность исследования особенностей, проблем социального пространства монопрофильных городов обусловлена потребностью выяснения сущности социального пространства и определения путей его развития в условиях монопрофильного города, что позволит проанализировать происходящие в нем процессы и явления с целью получения адекватного знания о динамике перемен в локальном масштабе.

Методология

Впервые понятие «социальное пространство» было представлено в научных трудах Р. Декартом [1]. К разнообразным проблемам, связанным с социальным пространством, обращались Г. Зиммель [2], П. Бурдье [3–6], Э. Дюркгейм, Т. Парсонс [7], П. Сорокин [8], П. Штомпка [9; 10]. Вопросам структуры социального пространства посвящены работы В.Г. Виноградского [11], Ю.Л. Качанова [12]. Диагностика социального пространства находится в фокусе изучения А.И. Барзыкиной [13], Д.В. Сухорукова [14], В.И. Ульяновского [15]. Н.И. Крысин [16], Е.В. Пашинцев [17], Р.З. Халиуллин [18] изучают проблему оптимизации отношений субъектов социального пространства.

Ученые, занимающиеся изучением такой научной проблемы, как формирование и развитие социального пространства, предлагают разнообразные трактовки как самого понятия, так и его природы, сущности. Если суммировать многочисленные взгляды, трактовки, то можно заключить, что социальное пространство – это

совокупность процессов, отношений в социальной среде. Социологи делают акцент на жизнедеятельности человека, общества, вкладывая в содержание понятия «социальное пространство» характеристики социальной структуры общества с точки зрения расположения социальных слоев, групп, условий, возможностей их развития.

Все многообразие видов пространства, имеющих прямое или косвенное отношение к человеку и обществу, а следовательно, находящихся в поле зрения социологии, принято классифицировать по следующим признакам: по гносеологическому признаку – субъективное, объективное; по субстрактному фактору – материальное и идеальное; по сферам общества – политическое, экономическое, социальное, духовное; по отношению к человеку – личное, общественное, интимное.

Таким образом, к социальному пространству можно отнести все, что позволяет человеку реализовывать свои потребности (как индивиду, личности, субъекту социальных отношений), развивать себя как члена определенного коллектива, общества в целом. Ко всему прочему к социальному пространству можно отнести то, что позволяет поддерживать функционирование как в непосредственно физическом плане, так и в культурно-досуговой, духовной сферах в пределах определенной территории – места проживания. Социальное пространство образуют учреждения образования, культуры, спорта, здравоохранения, социальной защиты, транспортная сеть, рынок труда, учреждения религиозного характера, СМИ и др.

Результаты

Любой населенный пункт может быть охарактеризован исходя из особенностей его социального пространства. Так, монопрофильные города и поселки городского типа, которых в стране насчитывается (согласно критериям, описанным в Постановлении Правительства от 14 февраля 2000 г. № 121 – см.: Собрание законодательства РФ. 2000. № 8. Ст. 959) 467 и 332 соответственно, имеют общее основание быть выделенными в отдельную группу не только по наличию в них градообразующего предприятия или нескольких предприятий одной отрасли, но и на основании специфики их социального пространства. Экономические, социальные, культурные и другие трансформации, происходящие в городе, формируют его социальное пространство. Население города воспринимает эти изменения с точки зрения того, как они отражаются на образе жизни, что меняется в том непосредственном пространстве, где люди живут, учатся, работают, проводят досуг. То есть социальное пространство, на самом деле, является элементом, повседневно присутствующим в жизни каждого человека, оно влияет на его мировосприятие и самоопределение в этом мире.

Одной из особенностей монопрофильного города является то, что он представляет собой сложную структуру, в которой город и градообразующее предприятие неразрывны. Исторически так сложилось, что сначала создавалось производство, предприятие, а затем при нем закладывали поселок, город. Возможно, поэтому в таких городах день города либо совпадает с профессиональным праздником представителей градообразующего производства (например, с Днем металлурга), либо празднуется не так широко. Как правило, градообразующее предприятие реализует в таком городе экономические, социальные функции, обеспечивая условия жизнедеятельности в нем. Оно является гарантом нормального состояния, функционирования всего городского хозяйства, а не только своего собственного. Уровень безработицы, напряженность на рынке труда, уровень оплаты труда подавляющей части населения, содержание объектов социальной, образовательной, спортивной, культурной направленности в городе – все это во многом зависит от градообразующего предприятия, его социально-экономической политики.

Являясь преемниками советской системы хозяйствования, многие предприятия и после 90-х гг. продолжали быть донорами для городов. Градообразующие предприятия позиционируют себя в качестве субъектов формирования и реализации социальной политики города, региона. И так оно и есть в действительности. Именно от их эффективной работы во многом зависит наполняемость местных и региональных бюджетов. Между тем, проводя достаточно активную социальную политику в отношении своих сотрудников и внося свой вклад в социально-экономическое развитие города, данные предприятия не в полной мере осознают свою ответственность за формирование и развитие социального пространства города.

В настоящее время передел собственности, экономические кризисы привели к тому, что лишь незначительная часть подобных предприятий продолжают в полной мере реализовывать масштабные социальные программы поддержки незащищенных слоев населения независимо от их места работы, внося значительную долю средств в социальное развитие города. Это происходит потому, что интересы собственников градообразующих предприятий, интересы сотрудников, работающих на них, и подавляющей части населения монопрофильного города зачастую в корне расходятся. Одним любым путем

нужна максимальная прибыль, другим – достойная оплата труда, а третьим – комфортная социальная среда, качество которой во многом зависит от собственника предприятия. В этой связи государство должно максимально чутко контролировать процессы, происходящие на подобных предприятиях, отслеживая как экономические показатели деятельности предприятия, так и социальную «температуру» на предприятии и в городе в целом, заблаговременно вмешиваясь в случае, если социальные показатели на предприятии (задолженность по зарплате, безработица), в городе резко ухудшаются.

В этой связи показательны результаты социологического исследования, проведенного нами в 2014–2018 гг. в Магнитогорске Челябинской области с целью изучения мнения горожан об уровне комфортности проживания, а также проблемах и перспективах развития города.

Основным методом нашего исследования стало раздаточное анкетирование. В нем приняли участие 960 жителей города, среди которых третья часть являются работниками градообразующего предприятия ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» (далее – ММК). Это была целевая аналитическая выборка, ее критериями стали: место работы, половозрастная структура, социально-профессиональные характеристики. Основные блоки вопросов касались условий труда, деятельности предприятия, социального самочувствия, объектов городского хозяйства.

Результаты исследования показали: несмотря на то, что почти 90% респондентов видят позитивные изменения в развитии города (прежде всего это ремонт дорог и развитие спорта), отмечаются существенные проблемы в ряде отраслей социального развития. Так, по мнению 50.2% опрошенных наблюдается снижение количества маршрутов общественного транспорта, интенсивности его движения.

Одной из наиболее важных проблем (так считают 77.2% респондентов) является недостаточное количество дошкольных учреждений, что вызывает очереди при поступлении детей, открытие групп кратковременного пребывания. Эта проблема уже достаточно долгое время является актуальной для Магнитогорска, и пока принимаемые муниципалитетом меры не в силах снизить ее остроту. Отметим, что помимо действующих сегодня в государстве мер поддержки семей многие регионы, муниципалитеты реализуют свои социальные программы, направленные на поддержку материнства и детства. В этой связи расширение социальных программ ММК, таких как открытый недавно специализированный центр «Материнство», могло бы помочь решению проблем в этой сфере. Пока в городе дошкольных учреждений явно недостаточно.

Кроме того, 64.6% респондентов отмечены проблемы в сфере развития здравоохранения – недоступность высококвалифицированной медицинской помощи, специалистов, устаревшее оборудование медучреждений.

Следует отметить, что работники комбината никаких проблем в этой сфере не отмечают. Это связано с тем, что на территории комбината действуют современные цеховые медпункты, самая передовая диагностическая и лечебная техника установлена в одной из лучших больниц города, относящихся к медсанчасти ММК. Кроме того, предприятие содержит санатории, профилактории, дома и базы отдыха, специализированные центры и другие учреждения, в которых работники предприятия и члены их семей пользуются значительными скидками. Понятно, что подобные двойные стандарты медицинского обслуживания горожан и сотрудников комбината вызывают раздражение у обделенной части населения. При этом, по данным Челябинскстата, средняя продолжительность жизни в Челябинской области среди мужчин – 64 года, среди женщин – 76 лет [19; 20]. А в Магнитогорске *за последние три года продолжительность жизни снизилась с 64 лет до 62.1 года (на 1.9 года): в том числе среди мужчин – с 58.9 до 57.1 года (на 1.8 года), среди женщин – с 69.8 до 68.1 года (на 1.7 года). Среди основных причин указана неудовлетворительная экологическая обстановка, влияние на которую в большей степени оказывает комбинат.*

Интересен тот факт, что практически все респонденты осведомлены о деятельности комбината в плане поддержки своих работников. Так, развитие спорта (как направление деятельности комбината) отметили 98.7% респондентов, культурно-досуговое направление – 92.3%, охрану материнства и детства – 85.5%.

Таким образом, респонденты едины во мнении, что ПАО «ММК» обеспечивает достойные условия труда, отдыха, досуга прежде всего для своих работников, но при этом недостаточно активно влияет на благополучие жителей города в целом, что негативно сказывается как на социальном пространстве города, так и на благополучии каждой семьи.

При этом 84.6% респондентов отметили, что забота о простых людях, как работниках комбината, так и других горожанах, для руководства предприятия не стоит на первом месте. Об этом говорят цифры, представленные в официальном отчете ММК за 2017 г. А именно: чистая прибыль составила 30.678 млрд рублей; затраты ПАО «ММК» на благотворительность и реализацию социальных программ – 860 млн рублей, это лишь 2.8% от суммы прибыли предприятия.

Сложно судить относительно вклада предприятия в развитие городского хозяйства, так как в отчете ПАО «ММК» указано лишь, что «предприятие активно участвует в развитии инфраструктуры города и прилегающих районов». Тем не менее, исходя из того факта, что более 80% расходов бюджета г. Магнитогорска, составившего в 2015 г. около 10 млрд рублей, направляется на социальные нужды, лепта градообразующего предприятия в социальное развитие города, в котором оно располагается, по сравнению с расходами бюджета ничтожна мала – 860 млн рублей против 24.5 млрд рублей бюджетных расходов (с учетом дотаций вышестоящего областного бюджета).

Заключение

В настоящее время сохранение социально-экономических функций монопрофильных городов напрямую связано с поддержкой функционирования объектов городского хозяйства. В связи с этим необходимо в содержании разрабатываемых Правительством РФ программ по поддержке монопрофильных городов предусмотреть мероприятия не только по поддержке самого градообразующего предприятия, но и по развитию социального пространства городов подобного типа.

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить следующее: существует зависимость формирования, развития социального пространства монопрофильного города от градообразующего предприятия (прибыльности, уровня его социальной ответственности и др.); выявлено влияние социальной политики предприятия не только на работников данного предприятия, но и на жизнь практически каждой семьи города; работники предприятия находятся в более привилегированном положении относительно других жителей города; наблюдается значительная зависимость решений городской власти от администрации предприятия; существует целенаправленная поддержка учреждений профессионального образования, находящихся в цепочке образование – производство.

При этом особенности социального пространства могут рассматриваться и как проблемы монопрофильного города: практически тотальная зависимость городской власти, городского хозяйства от градообразующего предприятия, однобокость развития системы профессионального образования в городе, специализированность медицинских учреждений на профессиональных заболеваниях, связанных с профилем основного в городе производства, создание условий для тех видов спорта, которые предпочитают собственники, представители административного корпуса градообразующего предприятия, избирательность в формировании и реализации социальных программ по поддержке социально не защищенных слоев населения и др.

В этой связи государство должно активнее реализовывать свою функцию как гаранта социальных прав граждан, отстаивая в рамках социального партнерства и эффективного государственного регулирования интересы населения монопрофильных городов.

Список литературы

1. Декарт Р. Первоначала философии / Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн, с франц. Н.Н. Сретенского // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989.

2. Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: В 2 т. М., 1996.

3. Бурдье П. Практический смысл: Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2001. С. 562.

4. Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Вопросы социологии. М.: Адапт, 1992. Т. 1. С. 17–33.

5. Бурдье П. Социология политики / Под ред. и с предисл. Н.А. Шматко. М.: Social – Logos, 1993. 336 с.

6. Bourdieu P. La distinction. Paris: Ed. de Minuit, 1979. 670 p.

7. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.

8. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

9. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социс. 2001. № 9. С. 3–13.

10. Штомпка П. Социология социальных измерений: Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

11. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства. М.: Наука, 1988. 187 с.

12. Качанов Ю.Л. Практическая топология социальных групп // Socio-Logos' 96: Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М.: Socio-Logos, 1996.

13. Барзыкина А.И. Социальное пространство: сущность и проблемы диагностики (социологический анализ): Дис. … канд. социол. наук. М., 1997. 107 с.

14. Сухоруков Д.В. Социальное пространство: структурный и динамический аспекты: Автореф. дис. … канд. социол. наук. СПб., 2002. 24 с.

15. Ульяновский В.И. Социальное пространство региона Европейского Севера: социологический анализ, диагностика, гуманизация: Автореф. дис. … докт. социол. наук. СПб., 1999. 38 с.

16. Крысин Н.И. Управление развитием монопрофильного города: Проблемы, опыт, тенденции; социологический анализ: Автореф. дис. … канд. социол. наук. Тюмень, 2000.

17. Пашинцев Е.В. Природа социальных отношений и социологический вектор мировой истории // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 253.

18. Халиуллин Р.З. Социальный аудит муниципального управления малого северного города. Екатеринбург: Наука, 2002. 67 с.

19. Испулова С.Н. Рынок труда промышленного города: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «Магнитогорский гос. ун-т», 2009. 150 с.

20. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1995.

21. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.

SOCIAL SPACE OF A SINGLE-INDUSTRY CITY: SPECIFIC FEATURES AND PROBLEMS

R.M. Akhmadinurov,[1] S.N. Ispulova[2]

[1]Russian State Social University, Moscow
[2]Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

The article considers some specific characteristics of the social space of a single-industry city and identifies the most urgent problems in its formation and development. The methodological basis for this study is provided by the works of such scholars as R. Descartes, G. Simmel, P. Bourdieu, E. Durkheim, T. Parsons, P. Sorokin, P. Sztompka and others. We present the results of a sociological survey conducted in the city of Magnitogorsk (Chelyabinsk region) that demonstrate the peculiarities of the social space of a single-industry city, and the role of the main enterprise of the city in the city's development.

The main research method was a questionnaire survey. It covered 960 residents of the city, one-third of whom were the employees of the city's main enterprise, OJSC «Magnitogorsk Iron and Steel Works». It was a purposive analytical sampling and its criteria were: workplace, distribution by age and gender, socio-professional characteristics. The main body of the questions concerned the activities of the main enterprise, social well-being, municipal services.

The survey results are correlated with the Report of the main enterprise of the city (2015) – OJSC «Magnitogorsk Iron and Steel Works» and the data of the statistics service of the Chelyabinsk region allowing the authors to make more accurate and informed conclusions about the real state of affairs in this regard.

According to the results of the study, the most problematic areas are: reduced life expectancy of the citizens, decline in the development of the public transport system, the lack of pre-school education institutions, one-sided development of the vocational education system, double standards in the health services, limited choice of leisure activities. The authors also propose some possible ways to solve the most important citizens' problems.

Keywords: social space, single-industry city, city-forming enterprise.

УДК 316

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2019 г.

А.Н. Осянин

Осянин Андрей Николаевич, к.соц.н.; доцент кафедры философии
Нижегородской академии МВД России
minchs@ro.ru

Статья поступила в редакцию 02.11.2018
Статья принята к публикации 14.01.2019

Рассматриваются вопросы формирования национальной идентичности в современном российском обществе. В настоящее время доминирующей выступает национально-государственная идентичность. Параллельно ей существуют этнонациональные и национально-гражданские идентичности. Доминирующая и партикулярные типы идентичностей имеют точки соприкосновения, но этого недостаточно, чтобы преодолеть проблемы этнонациональных различий. Это обусловливает необходимость создания эффективных проектов формирования национальной идентичности с опорой на единство многонационального народа РФ. Анализируется структура мнений и представлений россиян в отношении различных аспектов национальной идентичности. В качестве эмпирической базы выступают результаты социально-политических исследований, проведенных АНО «Левада-Центр» в 2017 году (*N*=1600). Граждане достаточно позитивно оценивают историческое прошлое страны, ее традиции и обычаи, испытывают чувство гордости за свою страну. Проблемными точками выступают экономическая модель развития, промышленный рост и потенциал. В массовом сознании фиксируется определенное противоречие: либеральные и демократические устремления уживаются с желанием граждан иметь сильную вертикаль власти, которая может в необходимый момент сосредоточить большой ее объем в одних руках. То есть попытка пересадить западные либеральные ценности, образ жизни и мыслей в массовое сознание не меняет доминирующих архетипов, хотя учитывается как в государственной политике, так и в мировоззрении граждан.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, социологическое исследование, национально-гражданская идентичность, этнонациональная идентичность, коллективное бессознательное.

Введение

Сложившаяся в РФ современная социально-политическая, экономическая, духовно-нравственная ситуация обусловлена серьезными внутри- и внешнеполитическими сдвигами в различных сферах жизни общества. Мировой экономический кризис берет свое начало в 2008 г., а с 2014–2015 гг. актуализируется в России в форме падения цен на нефть, резкого снижения курса национальной валюты и введения экономических санкций против России со стороны европейских стран и США. Указанные процессы приводят к усилению социальной и экономической дифференциации, ухудшению социально-психологического климата в обществе и усилению алармистских настроений. В том же 2014 г. произошло два важнейших события в истории как России, так и всего мира: включение в состав РФ части полуострова Крым и проведение зимних Олимпийских игр в Сочи. С одной стороны, присоединение Крыма вызвало высокий уровень подъема общественного настроения и рейтинга доверия Президенту РФ (80%). Факт включения Крымского полуострова в состав РФ одобрило подавляющее большинство граждан России (86%) [1]. Две трети россиян (67%) считают, что зимние Олимпийские игры в Сочи необходимо было провести, так как они способствовали повышению уровня патриотизма в стране (81%) [2, с. 215]. Три четверти (73%) [2, с. 215] граждан отметили, что Олимпиада-2014 подняла престиж В. Путина.

Указанные события имеют национально-консолидирующий характер и впоследствии будут активно использоваться в процессе внедрения в массовое сознание идеи патриотизма в качестве национальной идеи. В частности, в 2016 г. Президент РФ на встрече «Клуба лидеров» заявил о том, что патриотизм выступает в качестве единственной национальной идеи в России. При этом около половины россиян привлекает идея единения народов России с целью ее возрождения как великой державы (42%), второе место занимает идея создания в России правового государства (38%), 26% граждан желают объединения народов для решения глобальных проблем [3, с. 58]. Иные варианты национальной идеи не находят должной под-

держки у россиян. Патриотизм положительно воспринимается массовым сознанием граждан страны, но носит нерефлексивный характер и имеет слабую практическую направленность. Лишь десятая часть граждан хочет быть полезной обществу и внести свой вклад в развитие страны [3, с. 59]. В связи с этим исследователи предлагают дополнить идею патриотизма идеей гражданственности с целью усиления субъектности жизненной позиции россиян и ответственности за совершаемые дела и поступки [3, с. 59] или формировать гражданскую (конституционную) модель патриотизма, где во главу угла поставлены права и свободы граждан и политико-правовой процесс, в ходе которого произойдет артикуляция наиболее значимых интересов массовых слоев населения и их законодательное закрепление. Одновременно встаёт насущная потребность социальной консолидации и повышения профессионализма государственного управления [4, с. 150]. Патриотизм в качестве национальной идеи органично входит в более широкое понятие национальной идентичности, формирование которой в последние годы становится насущной необходимостью, активно осознаваемой на уровне как государственных структур, так и научного сообщества. В связи с этим предлагаются различные варианты формирования российской нации, одной из главных характеристик которой должна стать надэтничность и непротиворечивость русскому или иным этнонациональным проектам [5, с. 74–81].

По итогам реализации национальной политики России складывается как полиэтническая нация, которая объединяет граждан различных этносов, проживающих на территории РФ, так и гражданская нация, которая основывается на гражданском согласии. В результате первая получила название в научном дискурсе «полиэтническая политическая нация», консолидирующая граждан Российской Федерации, а вторая – «государственно-гражданская» или «национально-государственная». Основу национально-государственной идентичности составляет государственное самосознание граждан и этатистская культура, идентифицирующие позитивно-лояльное отношение к государству [6, с. 17–18]. Терминологическое разграничение подчеркивает, что гражданская идентичность имеет своим содержанием самоидентификацию индивидов с гражданским обществом. В процессе формирования в РФ полиэтнической политической нации, которая характеризуется объединением всех граждан РФ, преобладающей в российском обществе стала национально-государственная идентичность.

При этом в российском обществе присутствуют элементы гражданской идентичности, в рамках которой граждане проявляют солидарность, чувствуют ответственность за свою судьбу и окружающих. Таким образом, между национально-государственной и национально-гражданской идентичностью есть точки соприкосновения, и граждане не всегда различают их [6, с. 17–18].

Одновременно с национально-государственной идентичностью сохраняет серьезное влияние этнонациональная идентичность, показателями которой выступают язык, культура, религия, историческое прошлое, традиции и обычаи, общая государственность. Исследователи отмечают, что большинство населения в настоящее время сохраняет свою идентичность по национальной принадлежности [7, с. 301–303]. Наиболее ярко это проявляется в национальных республиках, из чего можно сделать вывод о том, что национально-государственная идентичность испытывает серьезную конкуренцию со стороны этнонациональной, под которой целесообразно понимать идентичность индивидов, объединенных в этнические сообщества и имеющих целью укрепление своей государственности [8, с. 32–35]. По мнению ряда других исследователей, антагонизма между национально-государственной и этнической идентичностью нет. Это обусловлено тем, что подавляющее большинство (94%) тех, кто чувствует себя гражданином России, также ощущает близость с людьми своей национальности. Фундаментом совместимости указанных видов идентичности выступают такие параметры, как общее государство и территория, государственный язык и историческое прошлое [7, с. 301–303].

Таким образом, национально-государственная идентичность представляет собой универсальный конструкт в рамках политической и этнокультурной российской действительности, а также является наиболее значимой в современном российском обществе. По мнению исследователей, гражданская и этническая идентичности образуют сложное взаимодействие, которое наполнено эмоциональным и оценочным содержанием, что вносит дополнительную сложность в протекание идентификационных процессов в современном российском обществе [9, с. 3].

Но, несмотря на наличие точек соприкосновения национально-государственной и этнической идентичностей, это не привело к преодолению этнонациональных различий в современном российском обществе. Это, в свою очередь, оставляет на повестке дня вопрос формирования национальной идентичности как основы укрепления единства многонационального народа РФ. В

научных дискурсах предлагаются два основных варианта [10, с. 39–47]. В качестве первого выступает проект построения трансэтнической нации-цивилизации с конструированием национально-цивилизационной идентичности с представлением о России как государстве-цивилизации, его национальных интересах и специфике культурных кодов жизнедеятельности [11, с. 245–278]. Второй проект связан с формированием трансэтнической российской нации как многонационального народа России, основу которой составляет национальная (общероссийская) идентичность, включающая идеи и ценности, консолидирующие российское общество [3, с. 57]. Толчком к развитию данного проекта послужило Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в декабре 2012 г., а развитие это выступление получило в сентябре 2013 г. на заседании Валдайского клуба, где Президент РФ дал более детальную расшифровку этой идеи [12]. Но реализация указанного проекта имеет значительные барьеры, так как интеллектуальный дискурс предлагает широкий спектр образов России как самостоятельной цивилизации [13], а матрица цивилизационной идентичности находится на периферии массового сознания россиян [3, с. 58].

Наиболее реалистичным представляется проект, который связан с формированием трансэтнической российской нации как многонационального народа России, которая предполагает создание национальной (общероссийской) идентичности на основе национальной идеи и публичных ценностей, которые объединят российское общество. Продвижение указанной концепции предполагает симбиоз государственно-гражданского и этнонационального сознания [7, с. 312–313]. Но синтез предполагает не только объединяющую национальную идею, но и общие публичные ценности, консолидирующие российское общество. Важно учитывать, что публичные ценности, присущие социальным, этническим группам, динамичны и разнонаправленны. Поэтому ценностная политика, как управленческая деятельность государства, должна не только осуществляться исходя из актуального состояния ценностной структуры общества, но и целенаправленно разделять структуру этих ценностей в контексте диалога государства, национального сообщества и этнических групп. При этом формирование российской нации и национальной идентичности должно быть результатом не только государственного, но и социального конструирования на основе ценностей, которые сложились в обществе под влиянием духовных традиций [14].

Целью данной статьи выступает рассмотрение национальной идентичности в качестве одной из составляющих социальной идентичности. Социальная идентичность, в свою очередь, выступает как набор субъективных связей индивида с многообразными элементами социума. Указанные связи образуют систему представлений индивида о своей принадлежности к различным элементам социума, которые наполняются субъективно-личностными смыслами, характеристиками опыта взаимодействия с ними и т.п. Мы солидарны с E.J. Hobsbawn [15, p. 11] в том, что национальная идентичность всегда сочетается с другими идентификациями и не может быть описана в терминах превосходства, даже если ощущается более важной по сравнению с другими.

Таким образом, мы убеждены, что национальную идентичность возможно определить как элемент индивидуальной системы идентичностей личности, которая включает в себя множество аспектов и может рассматриваться под разными углами зрения. Центральным понятием здесь выступает «нация», которая фигурирует в качестве «психологической группы» (Turner, Oakes) [16], «воображаемого сообщества» (Anderson) [17], принадлежность к которому позволяет человеку ощущать «эмоциональное единство с другими». Говоря о национальной идентичности как элементе социальной идентичности личности, важно учитывать, что ее понимание и значимость могут меняться под воздействием различных обстоятельств, сказываясь на восприятии человеком своего места в социуме. В данной статье мы в большей степени сконцентрируемся на стране как объекте национальной идентичности, на отдельных аспектах отношения к стране, которые делают ее объектом национальной идентичности.

Результаты

Существующие в современном отечественном научном дискурсе представления об объекте национальной идентичности можно классифицировать по значимости трех компонентов: политического (гражданство, государство, подданство); этнического (народ, язык, территория, обычаи, национальное единство); культурного (общность языка, культуры, веры, обычаев, этических и эстетических ценностей и пр.) [18]. Изобилие точек зрения и отсутствие сближения между различными интерпретациями национальной идентичности свидетельствует о кризисе таковой. Среди наиболее значимых в концептуальном плане точек зрения, которые присутствуют в научных дискуссиях, можно выде-

лить следующие: концепции гражданско-политической идентичности (В.А. Тишков [19], Д.В. Тренин [20], С.В. Иванова [21], В.Н. Ярская-Смирнова [22], А.В. Лубский [13]); теории, в которых доминирующую роль играет этничность (А.И. Вдовин [23], С.В. Лебедев [24], В.И. Немыченков [25]); концепции, которые в основе своей имеют преимущественно идеологические и религиозные взгляды (И.Б. Чубайс [26]), а также концепции, включающие просоветские, антилиберальные (антизападные) компоненты (С.Ю. Иванова [27]); доктрины смешанного типа, которые не содержат внутреннего единства и включают противоположные установки (например, С.В. Кортунов [28] предлагает проект, объединяющий либеральные политические ценности во внутренней политике с идеями специфической культурной миссии русского суперэтноса); культурно-политическое антизападное и антилиберальное евразийство (А.Г. Дугин [29], А.С. Панарин [30], К.А. Татарский [31]); российская «территориально-государственная идентичность союза народов, ядром которого являются русские» (М.М. Кучуков [32], О.В. Парилов [33] и др.).

В настоящее время в научной литературе фиксируется отсутствие синонимичности таких понятий, как «нация» и «страна». В массовом сознании представления о нации как этнической общности и стране как об общности гражданско-политической не коррелируют и воспринимаются в качестве различных объектов идентичности. В целом массовое сознание в отношении типов идентичности является менее плюралистичным, в отличие от научных концептов. Проводимые социологические исследования фиксируют, что в настоящее время доминантными выступают два типа идентичности: гражданско-политическая идентичность и идентичность смешанного типа, где на первый план выходит этническая, претендующая на подчинение себе политической.

В связи с этим важным аспектом рассмотрения национальной идентичности является анализ отношения граждан к объекту идентичности, который напрямую связан со страной проживания и нормативными представлениями о ней. Здесь важным аспектом является конструирование в массовом сознании архетипов, которые раскрывают содержание мнений и представлений граждан о своей стране. Наиболее яркими событиями, с точки зрения населения, являются Великая Отечественная война (77%), полет Ю. Гагарина, распад СССР (44%), Октябрь 1917-го (36%). Во вторую группу вошли события, которые считают значимыми не более трети россиян: приход к власти В. Путина (28%), Чернобыльская катастрофа (25%). Третья группа является значимой для трети граждан страны: создание ядерного оружия, Московская Олимпиада в 1980 году, репрессии 30-х годов, запуск первого искусственного спутника Земли, Первая мировая война, расстрел царской семьи, Гражданская война [34, с. 28].

Значимость событий первой группы во многом обусловлена общей направленностью информационной политики государства, которая популяризирует ключевые с точки зрения объединяющей силы события и делает их элементами информационной повестки дня.

В контексте движения от прошлого к настоящему и будущему важно мнение россиян относительно перспектив развития России, что является косвенным индикатором их морально-психологического самочувствия. Треть населения убеждена, что через 50 лет Россия встанет по уровню развития и богатства в один ряд с западными странами. Ещё 25% убеждены в том, что научно-технический комплекс и ВПК достигнут мировых стандартов, но эти изменения не повлекут изменений в жизни рядовых граждан. Наименее популярными прогнозами выступают те, которые предрекают России развитие по аналогии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (12%) или возвращение на путь социализма и коммунизма (8%). При этом пятая часть (19%) затруднились сделать выбор в пользу того или иного пути развития [34, с. 29]. Низкий уровень популярности европейского пути развития связывается исследователями с тем, что консервативная волна, которая захватила массовое сознание россиян на рубеже веков, поставила под сомнение сам факт принадлежности к Европе. Кроме того, геополитические и экономические трения между РФ и западными странами негативно сказываются на умонастроениях граждан. Активная демонстрация успехов в области технического перевооружения армии, которые были достигнуты в последние годы, попытки диверсификации оборонно-промышленного комплекса и использования его достижений в гражданской жизни не коррелируют с серьезными успехами в области экономики и ростом благосостояния россиян. Но указанный дисбаланс не влияет на чувство гордости за свою страну. Большинство россиян (84%) испытывают чувство гордости за то, что живут в своей стране. При этом две трети граждан (67%) испытывают гордость за современную Россию и только 26% высказали противоположные оценки. При этом наибольшую гордость гражданам внушают природные богатства (40%), российская история (40%), во-

оруженные силы (37%), размеры страны (29%), российская культура (29%), спортивные достижения (24%), положение России на международной арене (23%) [34, с. 29–30]. Таким образом, на первый план выходят параметры, которые не связаны с институциональными аспектами функционирования государства. Внутренняя политика в области здравоохранения, экономики, образования и науки, по мнению граждан, не является предметом гордости. Только десятая часть россиян в настоящее время испытывает гордость за своих сограждан, тогда как в контексте истории России моральные качества русского человека (простота, терпение, стойкость) у пятой части граждан страны вызывают чувство гордости.

В качестве индикатора дезинтеграции в деле формирования гражданско-политической идентичности выступает чувство стыда и огорчения за то, что великий народ и богатая страна живут в неустроенности и бедности. Треть граждан (33%) демонстрирует просоветские взгляды и выражает огорчение по поводу распада СССР. По мнению 24% россиян, элементом современной гражданской общности выступают грубость, хамство и неуважение людей друг к другу.

Несмотря на это большинство граждан (82%) считает, что Россия должна сохранить роль великой державы с великим народом, который имеет особое значение в мировой истории (64%). Будущее устройство России должно либо соответствовать западноевропейскому образцу (34%), быть таким, как во времена СССР (30%), или сохраниться в современном виде (14%) [34, с. 32, 34]. При этом коммунистическая идеология в будущем типе государственного устройства приемлема только для десятой части граждан. Наиболее востребованной (31%) является модель, которая предполагает сочетание элементов западного устройства в форме рыночной экономики, демократического устройства, соблюдения прав и свобод человека с уже существующим традиционным укладом. Совершенно особый путь развития России разделяет пятая часть россиян, а трети безынтересен тип государства, так как во главу угла поставлены исключительно интересы и благополучие семьи (28%) [34, с. 34]. В противоречие с европейскими устремлениями вступает идея «сильной руки» для народа (40%) и сосредоточения всей полноты власти в одних руках (38%). Только менее 20% категорически выступают против концентрации власти в одних руках. Таким образом, три четверти граждан не видят противоречия между построением государства по западному образцу с развитым гражданским обществом, демократическим политическим режимом, либеральными ценностями и возможностью усиления вертикали власти с элементами авторитаризма [34, с. 34]. Первостепенным наполнением образа России, по мнению половины граждан (42%), выступает ее великодержавность и авторитет, опирающийся на силу. В другую группу (56%) граждан вошли те, кто хочет видеть Россию с высоким уровнем жизни, пусть и не входящую в перечень самых сильных стран мира. При этом образ «великой державы» связывается в сознании населения с высоким благосостоянием (62%), развитым экономическим и промышленным потенциалом (54%), военной мощью с ядерным вооружением (48%) [34, с. 35]. Иные индикаторы набирают не более четвертой части поддержки со стороны граждан: наука, искусство, культура; уважение других стран и авторитет в мире; богатые природные ресурсы, а также свободы и гражданские права.

Россияне придают достаточно большое значение историческому прошлому и традициям, испытывают чувство гордости за народ, за свою страну и ее достижения. Большинство граждан гордится своей страной Россией в целом и хочет, чтобы она сохранила статус великой державы. Это является косвенным индикатором того, что национально-государственная и этническая идентичности здесь пересекаются и не противоречат друг другу. Существует определенная поляризованность оценок, связанная с типом государства, которым должна стать Россия. Условно граждане разделились на славянофилов, западников и абсентеистов. Последние индифферентно относятся к будущему устройству страны, ставя на первое место уровень и качество жизни своей и своей семьи. В целом, благосостояние граждан и экономический рост выступают в качестве главных составляющих успеха России. Либеральные и демократические устремления не противоречат желанию граждан иметь сильную вертикаль власти, которая может в необходимый момент сосредоточить большой ее объем в одних руках. Здесь можно согласиться с теми исследователями, которые рассматривают идею национальной идентичности в контексте коллективного бессознательного, существующего независимо от массового сознания и институционализирующегося в архетипах культуры, языка, исторических образах, традициях коллективной жизни. То есть попытка пересадить западные либеральные ценности, образ жизни и мыслей в массовое сознание не меняет доминирующих архетипов, хотя учитывается как в государственной политике, так и в мировоззрении граждан. Это проявляется в запросе на экономический рост и стабильность, рост благосостояния граждан, вы-

страивание новой экономической модели, которая будет это обеспечивать и гарантировать.

Заключение

В качестве научной проблемы идентичность имеет высокий уровень привлекательности в научном дискурсе и такой же уровень сложности при ее рассмотрении. В результате в настоящее время в отечественной науке нет доминирующих представлений о национальной идентичности. Отсутствие единой точки зрения приводит к противостоянию различных интерпретаций национальной идентичности. Переосмысливая различные подходы, можно предложить свое видение понятия «национальная идентичность». Во-первых, национальная идентичность представляет собой разновидность социальной идентичности; во-вторых, в индивидуальной системе идентичностей личности она занимает важное место, но не доминирующее; в-третьих, значимость и понимание национальной идентичности могут меняться под воздействием различных обстоятельств, что может приводить к изменению понимания человеком своего положения в социуме; в-четвертых, разделение идентичности на гражданскую, политическую, религиозную и т.д. является условным, так как речь можно вести о доминировании какой-либо из них при сохранении всех остальных (например, приоритет этнической идентичности снижает значение политической, но не выхолащивает его в полной мере). Указанные идентичности (политическая/гражданская и религиозная) фиксируются в процессе эмпирических исследований в качестве доминирующих в массовом сознании. Таким образом, научный дискурс в отношении проблемы национальной идентичности является более богатым, нежели насущные практики и представления граждан.

Анализ эмпирической базы исследования свидетельствует о том, что большинство граждан испытывает гордость за страну в целом, но современная Россия вызывает чувство гордости у 67% сограждан, 26% испытывает противоположные чувства. Внутренняя политика государства в области образования, здравоохранения, экономики не внушает чувства гордости за Россию. Перспективы развития России, с точки зрения населения, несколько поляризованы: треть считает, что Россия станет такой же богатой, как и страны Запада; четвертая часть прогнозирует, что развитие науки и техники будет происходить на уровне западных стандартов, но это не приведет к качественному улучшению жизни населения; десятая часть считает, что Россия должна следовать путем стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Индия). В целом, граждане испытывают чувство гордости за то, что живут в России, но бедность и неустроенность в стране вызывают чувство стыда и огорчения у половины граждан России. В сознании россиян народ ассоциируется в первую очередь с историческим прошлым, малой Родиной, родной землей, на которой они живут, родной природой и великими людьми своего этноса. Большинство граждан убеждены в том, что Россия должна сохранить свою роль великой державы. Величие достигается преимущественно за счет высокого благосостояния граждан, экономического и промышленного потенциала страны, а также военной мощи и наличия ядерного оружия. Около половины граждан (42%) высказывают запрос на то, чтобы Россия пользовалась уважением со стороны других стран, внушала чувство страха, вторая половина (56%) хотела бы видеть РФ государством с высоким уровнем жизни, с сохранением не лидирующих, но высоких мировых позиций в области обороноспособности.

Имеющиеся у части граждан либеральные и демократические устремления не противоречат их желанию иметь сильную «властную руку», которая может в необходимый момент сосредоточить большой объем власти. Здесь можно согласиться с теми исследователями, которые рассматривают идею национальной идентичности в контексте коллективного бессознательного, существующего независимо от массового сознания и институционализирующегося в архетипах культуры, языка, исторических образах, традициях коллективной жизни. То есть попытка пересадить западные либеральные ценности, образ жизни и мыслей в массовое сознание не меняет доминирующих архетипов, хотя учитывается как в государственной политике, так и в мировоззрении граждан. Это проявляется в запросе на экономический рост и стабильность, рост благосостояния граждан, выстраивание новой экономической модели, которая будет это обеспечивать и гарантировать.

Список литературы

1. 86% за «крымнаш» // Официальный сайт АНО «Левада-Центр» [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2018/04/03/86-za-krymnash/ (дата обращения: 19.06.2018).

2. Общественное мнение 2015. М.: Левада-Центр, 2014. 234 с.

3. Лубский А.В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 1. С. 48–64.

4. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.

5. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Academia, 2008. 84 с.

6. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник российской нации. 2012. № 4-5. С. 17–35.

7. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): В 2 т. М.: Новый хронограф, 2016. Т. 1. 416 с.

8. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. №4. С. 31–37.

9. Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: Автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2007. 20 с.

10. Лубский А.В., Посухова О.Ю. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. № 8. С. 39–48.

11. Культурология в вопросах и ответах. М.: Гардарики, 1999. 335 с.

12. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 г. // Официальное интернет-представительство Президента России в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19243 (дата обращения: 24.06.2018).

13. Лубский А.В. Цивилизационные образы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 47–61.

14. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XV Всемирного русского народного собора. 25 мая 2011 г. // Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1495312.html (дата обращения: 19.06.2018).

15. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 212 p.

16. Turner J.C., Oakes P.J. The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // British Journal of Social Psychology. 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252.

17. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London, New York: Verso, 2006. 240 p.

18. Урнов М.Ю., Касамара В.А. Национальная идентичность студентов России и США // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. №3-4 (125). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-studentov-rossii-i-ssha (дата обращения: 27.10.2018).

19. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. СПб.: Наука, 2013. 649 с.

20. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Изд-во «Европа», 2006. 404 с.

21. Иванова С.В. Национальная идентичность как фактор безопасности государства // Сб. докладов и тезисов V межведом. семинара (конференции) «Пограничная безопасность в условиях информационной войны». М.: Пограничная академия ФСБ, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pan-i.ru/nauchnie-stati/natsionalnaya-identicnost-kak-faktor-bezopasnostigosudarstva.htm (дата обращения: 30.09.2018).

22. Ярская-Смирнова В.Н. Национальная идентичность: формула гражданской нации // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. Всеросс. науч. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 617–625.

23. Вдовин А.И. «Русский вопрос» и «российская нация» на современном этапе // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. Всеросс. науч. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 140–152.

24. Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007. 560 с.

25. Немыченков В.И. Россия, XXI век: выбор судьбы // Русская народная линия. 2014. Дек. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/12/15/rossiya_xxi_vek_vybor_sudby/ (дата обращения: 27.10.2018).

26. Чубайс И.Б. Как нам понимать свою страну. Русская идея и российская идентичность. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Arsisbooks, 2014. 96 с.

27. Иванова С.Ю. Национальная идея в культуре современной России // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. Всеросс. науч. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 626–636.

28. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.

29. Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. 359 с.

30. Панарин А.С. Россия в Евразии: Геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М.: Ин-т философии РАН, 1995. С. 10–43.

31. Татарский К.А. Наследие К.Н. Леонтьева и русская идея // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. Всеросс. науч. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 756–759.

32. Кучуков М.М. Российская идентичность: состояние и перспективы // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. науч. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 602–607.

33. Парилов О.В. О русской национальной идее, национализме и русофобии // Русский универсум в условиях глобализации: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции / Научн. ред. Е.В. Валеева; Отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». 2016. С. 229–236.

34. Общественное мнение – 2017. М.: Левада-Центр, 2018. 244 с.

NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN SOCIETY: A SOCIOLOGICAL ASPECT

A.N. Osyanin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs

The article examines the creation of national identity in modern Russian society. Currently, the dominant element is the national-state identity. In parallel to it, there are ethnonational and national-civil identities. The dominant and particular types of identities have some points of contact, but this is not sufficient to overcome the problems of ethnonational differences. Hence the need to develop effective projects for creating national identity, based on the unity of the multinational people of the Russian Federation. In our study, the structure of opinions and ideas of Russians in relation to various aspects of national identity is analyzed. The empirical base of the study is provided by the results of sociopolitical research conducted by the Levada Center in 2017 (*N*=1600). Respondents are quite positive about the country's historical past, its traditions and customs and feel a sense of pride in their country. The problem spots noted by respondents are the country's economic model of development, its industrial growth and potential. A certain contradiction is noted in the mass consciousness: liberal and democratic aspirations coexist with the desire of citizens to have a strong vertical of power, which can at the right moment concentrate much power in one hand. That is, an attempt to transplant Western liberal values, lifestyles and thoughts into the mass consciousness does not change the dominant archetypes, although it is taken into account both in government policy and in the worldview of Russian citizens.

Keywords: identity, national identity, sociological research, national-civic identity, ethno-national identity, collective unconscious.

УДК 316

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ

© 2019 г.

Е.В. Панкратова

Панкратова Екатерина Владимировна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета
e_v_pankratova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.09.2018
Статья принята к публикации 15.01.2019

Дается определение качества семейной жизни как эмоциональной оценки личностью своей семейной среды: степени удовлетворенности личных потребностей при помощи различных символических и материальных ресурсов. Анализируются обстоятельства, препятствующие социологическому анализу феномена: сущность категории качества, структура и субъективность восприятия семейной жизни, разность типов семей и др. Рассмотрены различные методики оценки качества семейной жизни, разработанные зарубежными учеными. Особое внимание уделено социологической методике оценки качества семейной жизни Кэтрин Д. Реттиг и ее коллег. Данная методика основана на теории ресурсов, предложенной исследователями Фоа. Они предположили, что в семье необходим обмен такими ресурсами, как любовь, услуги, статус, товары, деньги и информация. Показаны предложенные зарубежными коллегами индикаторы, свидетельствующие о качестве обмена каждым ресурсом. Определяются перспективы анализа качества семейной жизни.

Ключевые слова: качество семейной жизни, качество жизни, семейная жизнь, методики оценки качества семейной жизни.

Постановка научной проблемы

Социологическое измерение отдельных сторон жизни человека всегда осложнено отсутствием единой общепринятой теории и методики оценки. Так, качество семейной жизни – конструкт, который в отечественной социологии пока не получил достойного исследовательского внимания, несмотря на то, что уже с 1970-х гг. активно развивался зарубежными учеными. Само понятие «качество семейной жизни» в отечественной социологии не применялось и комплексно не исследовалось, однако отдельные его аспекты были подробно изучены исследователями семьи (А.И. Антонов, В.М. Медков, А.Г. Харчев, С.И. Голод и др.). В этой ситуации очень важно проанализировать опыт зарубежных коллег для разработки отечественной методики изучения качества семейной жизни с учетом российских реалий, проводимой социальной политики в стране и регионах, уровня, качества и образа жизни населения, сложившегося гендерного порядка и других обстоятельств. Почему же важно изучать качество семейной жизни? Качество жизни в целом как категория социологии и была выделена для того, чтобы уйти от экономической основы измерения жизни индивида и общества. В этом показателе большой вес имеет удовлетворенность человека своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами. Семейная жизнь – это та сфера, которая трудно измерима объективными инструментами, например статистическими. Качество семейной жизни – параметр, который может быть эмпирически зафиксирован с помощью социологических методик. Для этого существуют как простые, так и сложные техники его оценки. Включение таких методик в общую оценку качества жизни демонстрирует высокие корреляционные зависимости между качеством семейной жизни (удовлетворенностью семейной сферой в узком смысле) и качеством жизни (удовлетворенностью жизнью) в целом. Оценка такого показателя должна осуществляться как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Как говорил Фредерик Ле Пле век назад, показатели того, насколько качественно семья удовлетворяет материальные и нематериальные потребности своих членов, являются показателями того, насколько хорошо функционирует общество. Качество семейной жизни как социальный показатель может быть средством оценки эффективности государственной политики, направленной на повышение качества жизни населения страны.

Социологические методики измерения качества семейной жизни

Прежде чем обратиться к анализу сущности, достоинств и недостатков имеющихся в социологии моделей измерения качества семейной

жизни, необходимо уточнить его содержание. В зарубежной социологии одними из первых определение качеству семейной жизни дали исследователи К.Д. Реттиг и Р.Д. Лайхтентритт (Kathryn D. Rettig and Ronit D. Leichtentritt). Исходя из определения понятия семейного благополучия как «эмоциональной оценки личностью своей семейной среды, в частности, степени удовлетворенности личных потребностей при помощи различных символических и материальных ресурсов», исследователи предположили, что оценка степени удовлетворения личных потребностей в семье – это индикатор ее благополучия, а комбинация этих оценок у нескольких членов семьи – показатель качества семейной жизни [1, p. 315]. Еще одно определение качества семейной жизни дано в работах Дж. Парка и его коллег: «Условия, при которых удовлетворяются потребности семьи, а члены семьи наслаждаются совместной жизнью и имеют возможность делать то, что для них важно» (цит. по: [2, p. 23]).

При всей воспринимаемой простоте и обыденности феномена семейной жизни однозначно определить понятие «качество семейной жизни» нелегко. Это, на наш взгляд, осложняется рядом обстоятельств, которые не могут быть устранены, а значит, должны быть приняты во внимание исследователем.

Первое обстоятельство связано с тем, что сама характеристика качества говорит о том, что необходимо изучить существенные признаки, особенности и свойства, что означает неэффективность использования статистических показателей и количественных методов сбора данных.

Второе обстоятельство затрудняет анализ тем, что качество семейной жизни следует считать подмножеством качества жизни, которое включает как объективные, так и субъективные компоненты, что ведет к необходимости при анализе качества семейной жизни опираться, в том числе, и на объективные характеристики феномена, что противоречит первому обстоятельству.

Третье обстоятельство обусловлено комплексностью феномена семейной жизни. Семья выступает одновременно и социальной группой, и социальным институтом, а значит, наряду с возможностью сохранения ценностей, преемственности, приватности в целом, подвергается влиянию и трансформации со стороны общества. Как институт семья обязана выполнять свое главное предназначение – воспроизводство населения, этого требует общество, но порой убеждения и ценности людей расходятся с этими требованиями, что не может позитивно сказываться на качестве семейной жизни.

Четвертое обстоятельство можно обозначить как высокую степень субъективности характеристик семейной жизни. Одно и то же обстоятельство, с которым столкнулись в семейной жизни, например, супруги, одними может быть воспринято «хорошо», а другими «плохо».

Пятое обстоятельство вытекает из множества типов семей. Совершенно точно, что создание уникальной, единой для любого типа семьи методики измерения качества семейной жизни, которая бы комплексно измерила и зафиксировала различные параметры, невозможно.

Шестое обстоятельство сводится к тому, что социология обращается к мнению респондента или информанта. Можно ли измерить качество семейной жизни, обратившись только к одному члену семьи? Именно такое правило нам диктует техника сбора данных. В данном случае нам важно мнение одного супруга или обоих? С этой же проблемой сталкиваешься в отношении детей в семье. Их можно рассматривать как потенциальных респондентов или информантов, а если «да», то с какого возраста?

И действительно, список обстоятельств, затрудняющих анализ качества семейной жизни, можно продолжить, но это в свою очередь может привести к убеждению в невозможности социологического изучения данного феномена, что существенно снизит научный потенциал исследований в области качества жизни. Данные факты свидетельствуют о том, что оценка качества семейной жизни должна быть основана на комплексных методиках, с привлечением как качественных, так и количественных социологических методов.

Методики оценки качества семейной жизни условно можно подразделить на две группы. Первая группа содержит общую оценку качества семейной жизни, которая отождествляется с оценкой степени удовлетворенности семейной жизнью. Примером может выступить вопрос исследовательского инструментария Дж.А. Манчини (Jay A. Mancini): «Сколько удовольствия вы получаете от своей семейной жизни – очень много, много, достаточно, некоторое количество, немного или ничего?» [3, p. 225]. С одной стороны, очевидно, что ответ респондента на подобный вопрос лишь констатирует общую оценку, не давая информации о том, что на нее влияет. С другой стороны, данный социальный показатель может быть фактором, определяющим различные аспекты качества жизни человека.

Вторая группа методик основана на комплексном анализе. Они базируются на оценке совокупности сторон-показателей качества семейной жизни, а значит, являются более информативными. Исследователи С. Гупта и А. Шарма (Sandhya Gupta, Anuradha Sharma) предложили трехмерную шкалу для измерения

качества семейной жизни, используя факторный анализ. Изначально они оценивали качество семейной жизни по 16 позициям, а именно: 1) полезность, 2) сотрудничество, 3) забота, 4) совместные трапезы, 5) поощрение, 6) командный дух, 7) обсуждение новых идей, 8) интеллектуальное обогащение, 9) эмоциональная связь, 10) коммуникация, 11) готовность делиться проблемами, 12) готовность рассказать о том, что произошло в течение дня, 13) критика привычек, 14) ответственность, 15) решение проблем, 16) отношения с другими членами семьи. Эти позиции оценивались респондентами по семибалльной шкале с использованием метода семантического дифференциала. В результате анализа данных были выделены три основные группы факторов. В первую группу, условно названную «дружная семейная атмосфера», вошло большинство факторов (4, 5, с 7 по 16), вторую группу – «сплоченность семьи» – образовали такие позиции, как полезность, сотрудничество и забота, третья группа содержала фактор командного духа [4].

Наибольшим потенциалом, на наш взгляд, обладает методика, разработанная Кэтрин Д. Реттиг, Ронит Д. Лайхтентритт, Маргарет М. Баболз (Kathryn D. Rettig, Ronit D. Leichtentritt, Margaret M. Bubolz) и др. В оценке качества семейной жизни авторы опираются на теорию ресурсов, предложенную исследователями Фоа (U.G. Foa, E.B. Foa).

В теории Фоа говорится о шести классах ресурсов: любовь, статус, услуги, информация, товары и деньги. Когда один из ресурсов отсутствует или минимален, качество семейной жизни ухудшается. Совместно проведенное членами семьи время является необходимым условием для обмена этими ресурсами. Теория предполагает, что члены семьи наслаждаются общением и нуждаются в поддержке других. Они имеют потребности в любви, статусе, услугах, информации, товарах и деньгах, которые не могут быть удовлетворены по отдельности. Поскольку люди зависят от других в этих ресурсах, они ищут ситуации для обмена ими через межличностное общение. Вероятность межличностного обмена зависит от свойств ресурсов для обмена, подходящей обстановки и мотивации потенциальных участников обмена [5, p. 419].

Свойства каждого ресурса Фоа оценивают по двум критериям – партикулярность – универсальность и конкретность – символичность. Положение ресурсов сквозь призму первого критерия указывает, в какой степени его ценность зависит от конкретных лиц, участвующих в обмене, и от их взаимоотношений. Положение ресурсов с учетом второго критерия характеризуется формой или типом выражения [ibid.].

Покажем сущность каждого из шести ресурсов и выделим индикаторы, с помощью которых можно зафиксировать качество обмена каждым ресурсом.

Любовь определяется как выражение положительного отношения, тепла или комфорта (прикосновение, зрительный контакт, поза, близость, выражения лица) [ibid.]. Это самый партикулярный, личный и ценный ресурс. Обмен таким ресурсом как символичен, так и конкретен. Он фиксируется с помощью оценки человека следующих индикаторов: 1) близость и чувство принадлежности к членам семьи, 2) способы проявления любви членов семьи, 3) радость от совместного времяпрепровождения, 4) выражаемая членами семьи теплота и нежность, 5) испытываемые любовь и привязанность, 6) полученные объятия и поцелуи [6, p. 280].

Статус является вторым наиболее предпочтительным ресурсом для обмена. Он выражается в уважении и доверии. Любовь и статус – наиболее связанные друг с другом ресурсы. Можно уважать человека, но при этом не испытывать к нему чувства любви, но наоборот – невозможно. Эти ресурсы частично могут компенсировать друг друга, но при этом качество семейной жизни будет снижаться. Социологическими индикаторами выражения качества обмена статусным ресурсом выступают: 1) поддержка другими членами семьи личностного роста опрашиваемого, 2) уважение, исходящее от членов семьи, 3) признание личных достижений членами семьи, 4) признание респондента как личности, 5) способ осознания собственной значимости, 6) уверенность членов семьи в ваших способностях [ibid.].

Услуги – это труд одного члена семьи по отношению к другому для того, чтобы последний ощущал себя в более комфортной обстановке и ему было легче выполнить физическую нагрузку. Ресурс услуг отличается от любви и статуса, он имеет конкретное выражение и носит менее партикулярный характер [6, p. 273]. Качество обмена в семье ресурсом услуг выражается через оценку следующих показателей: 1) услуги, оказываемые вам членами семьи, или совместные занятия, 2) распределение домашних обязанностей, 3) физическая помощь или уход, которые вам могут оказать члены семьи, 4) как члены семьи вас поддерживают, 5) выполнение ваших поручений, 6) понимание членами семьи того, что вам необходима помощь, 7) действия членов семьи для улучшения вашего комфорта, 8) комфортность находиться дома [6, p. 280].

Обмен *информацией* происходит в виде обмена советами, мнениями, инструкциями. Этот ресурс имеет наиболее символическую форму

выражения и более универсальный характер [5]. Он выражен следующими позициями: 1) интерес членов семьи к вашим идеям или вашему мнению, 2) готовность членов семьи выслушать вашу точку зрения, 3) готовность членов семьи обсуждать важные для вас проблемы, 4) возможность обсуждения проблемы в той ситуации, когда мнение членов семьи не совпадает с вашим, 5) возможность посоветоваться с членами семьи, 6) рациональное обсуждение проблем без эмоциональных всплесков, 7) возможность услышать советы от членов семьи для того, чтобы вы приняли правильное решение, 8) возможность говорить с членами семьи на любые темы, 9) искренность выражения своих чувств, 10) выражение несогласия с вами членов семьи без обвинений, 11) готовность членов семьи обсуждать альтернативные решения проблем, 12) обсуждение вопросов, связанных с доходом или деньгами в целом [6, p. 280].

Деньги представляют собой универсальный ресурс, одновременно и символический, и конкретный. Обмен деньгами всегда невыгоден для того, кто отдает этот ресурс. Измерить эффективность обмена этим ресурсом можно с помощью оценки следующих параметров: 1) количество денег, которые вы тратите на одежду, 2) количество денег, которые вы тратите на собственные нужды, 3) возможность рассчитывать на стабильное финансовое положение в будущем, 4) доход семьи в целом и что на него могут позволить члены семьи, 5) совместные усилия для увеличения дохода семьи, 6) запас денег на крайний случай, 7) размер медицинской страховки, 8) размер страховки на случай потери трудоспособности [ibid.].

Товары – универсальный и конкретный ресурс. К ним относятся «продукты, объекты или материалы» [1, p. 311]. Социологическими показателями качества обмена данным ресурсом выступают: 1) используемые материальные товары, 2) наличие личных вещей, 3) наличие личного пространства, 4) наличие бытовой техники, 5) получение подарков от членов семьи на праздники, 6) наличие вещей, необходимых для хобби [6, p. 281].

Эти ресурсы взаимодействуют друг с другом и в некоторых случаях отчасти могут компенсировать друг друга. Например, «человек, который не может обмениваться любовью или редко обменивается ей, может быть достаточно счастлив, если получит статус или личные услуги, но удовлетворение уменьшится, если вместо необходимой любви получены товары или деньги» [5, p. 421].

В теории ресурсов Фоа подчеркивается важность мотивации каждого члена семьи. Исследователи предполагают, что для каждого класса ресурсов существует оптимальный диапазон. Когда ресурс находится в пределах диапазона, человек чувствует себя комфортно и не мотивирован на изменения. Ширина оптимального диапазона варьируется в зависимости от структурной позиции ресурса: чем ресурс партикулярнее, тем его диапазон уже; чем универсальнее ресурс, тем шире диапазон [5, p. 422]. Все ресурсы, хотя бы на минимальном уровне, должны присутствовать для нормального качества семейной жизни. Некоторые ресурсы имеют выражение в государственных стандартах качества жизни, например деньги, отчасти услуги, товары. Но такие ресурсы, как любовь и статус, не могут быть выражены в стандарте жизни семьи, что существенно затрудняет анализ.

Опросный лист, предложенный исследовательницей Реттиг, включает вопросы-суждения (индикаторы), свидетельствующие о качестве обмена каждым классом ресурсов. Каждое суждение оценивается респондентом по шкале в 7 баллов, где 1 означает «ужасно», а 7 – «восхитительно». Авторами этой шкалы являются исследователи качества жизни Ф. Эндрюс и С. Уитей (F. Andrews and S. Withey) [7], которые предложили ее еще в 70-х гг. прошлого века. Именно она, в отличие от принятой в российских эмпирических исследованиях шкалы, измеряющей удовлетворенность (от полной неудовлетворенности (1) до абсолютной удовлетворенности (5)), позволяет наделить эти оценки не только когнитивным смыслом, но и аффективным, что намного важнее при оценке качества семейной жизни. Полученные данные подвергаются корреляционному, факторному и кластерному анализу.

Выводы

Проведенное исследование существующих в зарубежной социологии трактовок и методик оценки качества семейной жизни позволяет сделать ряд важных выводов.

Потенциал изучения качества семейной жизни велик, главным образом потому, что это основа качества жизни человека. Исследования показывают, что недостаток материальных средств способствует распаду семьи гораздо реже, нежели чувства и забота, которые испытывают члены семьи друг к другу. В то же время наличие «комфортной семьи» – это залог высокой удовлетворенности жизнью человека.

Существующие в зарубежной социологии методики оценки качества семейной жизни существенно проясняют то, какие социологические индикаторы содержит качество семейной жизни.

Методика оценки качества семейной жизни, основанная на теории ресурсов, выступает наиболее информативным средством в изучении феномена, но в то же время содержит ограниченный круг ресурсов (любовь, услуги, деньги, статус, товары, информация), который должен быть расширен.

Изучение качества семейной жизни сквозь призму теории ресурсов позволит выявить и особенности обмена ресурсами в семьях разного типа, выделяемых по множеству критериев, например по полноте, по количеству детей, по роли супругов и т. д. Кроме того, важно изучать качество семейной жизни в семьях с разной формой брака. Так, брак воспринимается как тип союза, отличающийся большей стабильностью и ответственностью, но и позволяющий меньше свободы и возможности расторжения в случае неудовлетворенности качеством отношений. Партнерский союз представляется пространством тестирования отношений, поиска способов решения конфликтов, установления балансов вкладов партнеров на основании их участия в оплачиваемой и неоплачиваемой работе [8, с. 313]. Это позволяет говорить о том, что типы ресурсов и содержание обмена будут отличаться, что сказывается на качестве семейной жизни в целом.

Применение гендерного подхода к исследованию качества семейной жизни в настоящее время приобретает наибольшую научную и практическую значимость, что востребовано не только научным сообществом, но и каждой семьей. Это поможет ответить на один из главных вопросов социологии гендерных отношений о равнозначности обмена ресурсами между супругами и другими членами семьи в современных условиях [9].

Таким образом, обращение к этим проблемным вопросам существенно обогатит социологическую теорию и исследовательскую практику в области изучения семьи как социального института и группы в целом.

Список литературы

1. Rettig K.D., Leichtentritt R.D. A General Theory for Perceptual Indicators of Family Life Quality // Social Indicators Research. 1999. V. 47. № 3. P. 307–342.

2. Wisawatapnimit P. Assessment of Family Quality of Life Among Families with a Member Who Has Cancer: Dis. (Dr. Sc.). Nashville (TN), 2009. 276 p.

3. Mancini J.A. Social Indicators of Family Life Satisfaction: a Comparison of Husbands and Wives // International Journal of Sociology of the Family. 1979. V. 9. № 2. P. 221–231.

4. Gupta S., Sharma A. Measuring of Family Life // International Journal of Sociology of the Family. 1998. V. 28. № 1. P. 115–118.

5. Rettig K.D. and Bubolz M.M. Perceptual Indicators of Family Well-Being // Social Indicators Research.1983. V. 12. № 4. P. 417–438.

6. Rettig K.D., Danes Sh.M., Bauer J.W. Theory and Assessment in Economically Stressed Farm Families // Social Indicators Research. 1991. V. 24. № 3. P. 269–299.

7. Andrews F.M., Withey S.B. Social Indicators of Well Being: Americans Perceptions of Life Quality. New York: Plenum Press, 1976. 455 p.

8. Шпаковская Л.Л. Политика институциализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 309–322.

9. Панкратова Е.В., Хасбулатова О.А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 43–53.

METHODS FOR ASSESSING THE QUALITY OF FAMILY LIFE IN FOREIGN SOCIOLOGY

E.V. Pankratova

Ivanovo State University

We define the quality of family life as an emotional assessment by an individual of one's family environment: the degree of satisfaction of personal needs by means of various symbolic and material resources. The circumstances that prevent the sociological analysis of the phenomenon are examined, including the essence of the category «quality», the structure and subjectivity of perception of family life, the difference between family types, etc. Various methods for assessing the quality of family life developed by foreign scholars are considered. Particular attention is given to the sociological technique for assessing the quality of family life developed by Kathryn D. Rettig and her colleagues. This technique is based on the theory of resources proposed by U.G. Foa and E.B. Foa. They suggested that the family needs the exchange of such resources as love, services, status, goods, money and information. The indicators proposed by foreign colleagues show the quality of the exchange of each resource. The prospects for analyzing the quality of family life are determined.

Keywords: quality of family life, quality of life, family life, methods for assessing family life quality.

УДК 316.3

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ТРУДОУСТРОЙСТВО ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2019 г.

И.С. Леонова

Леонова Ирина Сергеевна, к.соц.н.; начальник управления международной деятельности, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.leonova@unn.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2018
Статья принята к публикации 14.01.2019

Рассматриваются ключевые вопросы, связанные с экономическими и социальными аспектами трудоустройства людей с ограниченными возможностями. Актуальными видятся такие вопросы: какую роль играет организационная культура в трудоустройстве людей с ограниченными возможностями? как это облегчает или затрудняет их возможности трудоустройства и продвижения по службе и как организации могут развивать поддерживающие культуры, которые помогают людям с ограниченными возможностями, инвалидам и организации в целом? Организационная культура может создавать поведенческие, а также физические барьеры для работников и соискателей с ограниченными возможностями. В этом исследовании делается вывод о том, что, если необходимо значительно улучшить перспективы трудоустройства людей с инвалидностью, следует обратить внимание на то, каким образом организационная культура способствует или ставит заслон созданию препятствий для работников с ограниченными возможностями и как эти препятствия могут быть устранены или преодолены. В конечном итоге делаются выводы, что организационная культура и общественное мнение должны измениться, если люди с инвалидностью должны быть приняты и интегрированы в трудовую деятельность.

Ключевые слова: организационная культура, люди с ограниченными возможностями, конфликты, уровень занятости людей с ограниченными возможностями.

Введение

Какую роль играет организационная культура в трудоустройстве людей с ограниченными возможностями? Как это облегчает или препятствует их трудоустройству и карьерным возможностям и как организации могут развивать поддерживающие культуры, которые помогают людям с инвалидностью и организации в целом?

Эти вопросы важны, поскольку низкий уровень занятости среди людей с инвалидностью является одним из основных факторов экономического и социального неравенства, с которым они сталкиваются. Успешное трудоустройство не только увеличивает финансовое благосостояние, но и помогает полностью включать людей с инвалидностью в общество путем расширения их социальных сетей, улучшения гражданских навыков, повышения их независимости и эффективности, а также инклюзии ввиду выполнения ценной социальной роли [1–3].

Независимо от причин уровень занятости людей с инвалидностью по-прежнему значительно ниже, чем у не имеющих инвалидности, и большинство неработающих людей с инвалидностью предпочли бы работать. Так, например, согласно исследованию, проведенному в США в 2002 г., из 18 миллионов людей трудоспособного возраста, сообщивших о своих ограниченных возможностях, было трудоустроено только 28.6%, по сравнению с 76.6% из тех, кто не сообщил об инвалидности [4–6].

Их низкий уровень занятости способствует высоким темпам бедности [7]. Опрос Louis Harris и Associates среди нетрудоустроенных людей с ограниченными возможностями в 2000 году показал, что 67% хотели бы работать [8].

Как можно повысить трудоустройство людей с инвалидностью? Несколько факторов, таких как информационные технологии, дистанционная работа и другие нестандартные методы организации работы, являются многообещающими и заслуживают дальнейшего изучения [9, 10]. Кроме того, лучшее измерение инвалидности является критическим фактором в понимании трудоустройства и инвалидности [9, 11]. Другим фактором, которому не уделялось достаточного внимания, является организационная культура, которая может создавать поведенческие и физические барьеры для работников и соискателей с ограниченными возможностями.

В немногих исследованиях изучалась взаимосвязь между организационной культурой и инвалидностью. В этой статье мы рассматрива-

ем ограниченную предварительную работу в этой области, предлагаем направления для будущих исследований и рассматриваем изменения в управленческих практиках для компаний, которые хотят создать более инклюзивную среду для людей с ограниченными возможностями.

Согласно Э. Шейну, являющемуся крупнейшим идеологом организационно-культурных исследований, организационная культура – это совокупность коллективных ценных базовых правил, изобретенных, открытых или выработанных определенной группой людей по мере того, как эта группа училась решать проблемы, связанные с адаптацией к внешней среде и внутренней интеграцией [1, 12]. Э. Шейн выделяет три уровня организационной культуры: поверхностный, внутренний и глубинный. Проявления организационной культуры во внешней среде в виде продукции и услуг, оказываемых организацией, лозунгов, используемых технологий, формального языкового общения представляют собой поверхностный уровень. Внутренний уровень – верования и организационные ценности, которые добровольно разделяются сотрудниками предприятия. И, наконец, третий, глубинный уровень – это базовые личностные ценности сотрудников, которые им самим трудно осознать. Организационная культура содержит в себе установки, ценности, поведенческие образцы и ожидания членов организации, выполняя функции внешней адаптации и внутренней интеграции.

Другие концепции организационной культуры делают акцент на «общем наборе общих значений или понятий о группе/организации» [13]. Эти фундаментальные убеждения можно отличить от второго уровня организационной культуры Шейна, который является «поддерживаемыми ценностями» организации [12, 14]. Поддерживаемые ценности включают сформулированные стратегии, цели и философию, которые определяют организационную политику организации. Шейн определяет третий уровень культуры как проявления или артефакты культуры, которые включают физическую и социальную среду в организации (например, эмоциональную атмосферу, стиль одежды и образцы поведения сотрудников) [15, 16].

Хотя различные уровни культуры, как правило, взаимодополняют друг друга, между ними могут существовать несоответствия и конфликты. Например, выраженная приверженность найму большего числа сотрудников с ограниченными возможностями может быть частью второго уровня организационной культуры (разделяемого значения), но она не может быть принята на самом базовом уровне (неустановленные и часто бессознательные установки членов организации) [17, 18]. Это отсутствие принятия может, в свою очередь, отразиться на третьем уровне культуры, так что физическая среда остается недоступной, а рабочий процесс структурирован таким образом, чтобы затруднять работу людей с инвалидностью, при этом отношения людей с инвалидностью с коллегами и руководителями остаются неизменными. Организационная культура представляет собой чаще всего «надрациональный феномен, сопротивляющийся изменениям». Это инертный социальный феномен, который медленно изменяется даже при постановке менеджментом специальных целей по приведению организационной культуры в соответствие с новыми корпоративными и организационными установками.

Взаимосвязь между организационной культурой и инвалидностью

Опросы работодателей дают представление о том, как организационная культура может влиять на людей с ограниченными возможностями. В 2003 г. региональный репрезентативный опрос в Университете Рутгерса (с пятью или более сотрудниками) показал: 20% работодателей считают, что наибольший барьер для людей с инвалидностью на пути к трудоустройству – это дискриминация, предрассудки или нежелание работодателей нанимать их [8, 19].

Опрос Корнеллского университета, проведенный в 1999 г., показал: 22% работодателей из частного сектора сообщили, что отношение и стереотипы являются препятствием для трудоустройства людей с ограниченными возможностями в их собственных фирмах [16]. Кроме того, среди тех, кто внес изменения, направленные на повышение занятости людей с ограниченными возможностями, 32% работодателей в опросе Корнелла заявили, что было трудно, очень сложно изменить отношение руководителей и коллег, 17% сказали о необходимости гибкости в системе управления эффективностью, и 17% – что это изменило их политику. Важность корпоративной культуры подтверждается результатами опроса, проведенного Корнеллом, в котором 81% работодателей из частного сектора заявили, что видимые обязательства высшего руководства были эффективными или очень эффективными для снижения барьеров на пути трудоустройства для инвалидов, в то время как 62% заявили об этом в отношении обучения персонала, 59% сказали, что это наставнические усилия [16].

Опросы показывают: значительная доля работодателей считает, что отношение со стороны работодателя, руководителя и коллеги является

наиболее серьезной проблемой. Эти цифры, вероятно, занижены из-за «социальной желательности» смещения в опросах, которые заставляют респондентов избегать признания предрассудков. Кроме того, в обзоре литературы было обнаружено последовательное несоответствие между отношением, которые работодатели выражают к людям с ограниченными возможностями в исследованиях, и их фактической практикой найма [20, 21]. Поэтому оценка организационной культуры должна выйти за рамки опросов работодателей.

Некоторые исследования были посвящены взаимосвязи между социальными факторами в организациях и опытом трудоустройства людей с ограниченными возможностями. В следующем разделе рассматриваются различные способы действия этих социальных факторов: сначала рассматривается, как корпоративная политика влияет на уровень трудоустройства инвалидов, а затем рассматривается исследование по отношению к людям с ограниченными возможностями на рабочем месте, включая социализацию новых сотрудников, оценку производительности их труда, применение политики в области трудовой деятельности.

Люди с ограниченными возможностями в организационном контексте

Организационная культура и управленческие практики влияют на уровень стресса сотрудников. Повышенный стресс является важным фактором в возникновении травм на рабочем месте и связанных со стрессом состояний здоровья, а также в борьбе с последствиями существующих нарушений. Исследование Колумбийского университета, в котором участвовали крупные работодатели США, обнаружило более низкие темпы потерянных рабочих дней из-за болезней и травм среди компаний, которые использовали (1) программы участия сотрудников (поскольку сотрудники часто испытывают повышенный стресс, когда им не хватает участия в принятии решений), (2) процедуры разрешения конфликтов и рассмотрения жалоб (отражающие позитивную роль, которую играют структуры социальной поддержки в снижении стресса), (3) политику стабилизации и непрерывности рабочей силы (поскольку экономическая необеспеченность, создаваемая увольнениями и реорганизациями, снижает моральный дух сотрудников и усиливает стресс) и (4) программы ранней поддержки и помощи для сотрудников, которые испытали хронические инвалидизирующие болезни или травмы (такие как изменение работы для раннего возвращения на работу, программы помощи сотрудникам и программы укрепления здоровья) [18]. Авторы заключают, что «компании, которые имеют хорошо развитую политику в этих областях, скорее всего, будут испытывать более низкие показатели инвалидности, чем сопоставимые компании в своей промышленной группе» [18, p. 14].

Влияние социальной среды организации на частоту возникновения инвалидности рассматривается таким образом, что факторы психосоциальной и производственной среды являются гораздо более точными предикторами инвалидности, чем физические факторы, а также и что отношение пострадавших работников к своей работе, руководителю и коллегам имеет больший вес при возникновении хронической инвалидности, чем тяжесть самой травмы [22]. Подчеркивается взаимосвязь стресса со стороны работников и роль корпоративной культуры. Наличие ощущения непопадания в социальную структуру организации по причинам инвалидности увеличивает стресс. Результаты показывают, что руководители должны оказывать поддержку работникам с ограниченными возможностями и что существует параллельная потребность изменить организационную культуру, чтобы она стала более уважительной и открытой для разных категорий сотрудников [22, p. 156].

Отношение начальника и коллег к работникам с ограниченными возможностями

Изучение отношения к людям с ограниченными возможностями в организациях является сравнительно новой областью исследований. Результаты нескольких последних исследований и соответствующих психологических доказательств были использованы для создания теоретических моделей отношения к инвалидам [23, 24].

Действия и отношение непосредственного руководителя и коллег оказывают глубокое влияние на опыт занятости людей с ограниченными возможностями. Даже в тех организациях, которые привержены найму работников с ограниченными возможностями, негативное отношение со стороны руководителей и сотрудников влияет на социализацию новых работников с ограниченными возможностями и ограничивает их способность стать полностью принятыми и хорошо интегрированными сотрудниками. Если инвалиды остаются маргинальными, это ограничивает их работу и возможности для обучения и продвижения.

Отношение начальника и коллег к работникам с ограниченными возможностями определяется следующими факторами.

1. Стереотипы. К ним относится бытующее мнение, что люди с ограниченными возможностями являются «святыми», «нуждающимися и беспомощными» (менее способными, чем другие, и заслуживающими особого обращения) или «озлобленными» (тихие, замкнутые, подавленные, необщительные, небезопасные) [23, p. 362–364]. Стереотипы устойчивы к изменениям, поскольку люди избирательно обращаются к информации, соответствующей ранее существовавшим стереотипам [24].

2. Негативное влияние или дискомфорт в присутствии людей с ограниченными возможностями. Отрицательное влияние варьируется в зависимости от типа инвалидности, с большим дискомфортом для умственных и сенсорных нарушений, чем для людей с двигательными и физическими нарушениями [24]. Негативному воздействию во многих случаях может противодействовать «норма доброты», хотя такая норма может привести к снисходительному отношению или чрезмерно помогающему поведению.

3. Напряжение, вызванное трудностями общения. Некоторые нарушения, такие как нарушения речи или слуха, затрудняют общение. Сотрудники избегают взаимодействия с работниками, имеющими такие нарушения, из-за дополнительного времени и нагрузки.

4. Личностные факторы. Предрассудки более значительны среди работников с высокой агрессивностью, тревогой, догматизмом, этноцентризмом, общими предрассудками или с ограниченной терпимостью к двусмысленности или плохой самооценке и удовлетворенности своими физическими характеристиками [23].

5. Предварительный контакт с людьми с ограниченными возможностями. Предыдущий контакт помогает нейтрализовать влияние негативных стереотипов, поскольку он позволяет «людям собирать подробную информацию о членах вне группы (например, инвалидах), чтобы их рассматривали как отдельных лиц, а не как членов стереотипной группы» [23]. Считается, что более широкий контакт приводит к более позитивному отношению к людям с ограниченными возможностями.

В свою очередь, отношение начальника и коллег к сотруднику влияет на следующее.

1. Ожидания производительности. Стереотипы и негативное отношение приводят к предвзятому мнению о том, насколько хорошо может работать человек с ограниченными возможностями. Из 13 исследований ожиданий будущих результатов или потенциала продвижения по службе для сотрудников с ограниченными возможностями десять нашли доказательства наличия предвзятости и негативных тенденций [25].

2. Оценка эффективности. Негативное отношение ведет к снижению оценки работы сотрудников с ограниченными возможностями, хотя в некоторых случаях может быть положительный уклон из-за нормы доброты или изначально низких ожиданий. Данные опросов работодателей не указывают на предвзятость в оценках эффективности, но данные экспериментов неоднозначны, в зависимости от наличия стандартов эффективности, наличия объективных данных о производительности и отношений начальника и сотрудника [25].

3. Желание работать с человеком с ограниченными возможностями. Негативное влияние и озабоченность влиянием на собственную производительность приводят к нежеланию работать с работником с ограниченными возможностями. Это зависит от типа работы и характера вознаграждения: исследования обнаружили, что существует отрицательный уклон против выбора сотрудника с инвалидностью, когда (а) работа рассматривается как неподходящая для человека с инвалидностью и (б) имелись взаимозависимые вознаграждения, например, если на зарплату коллеги повлияла работа человека с инвалидностью [24].

4. Прием на работу на перспективные должности. Негативное влияние, низкие ожидания и ожидаемое напряжение коллег заставляют работодателей лишать сотрудников возможности работать по найму с существенной ответственностью, оставляя их на более низкооплачиваемых работах, которые не дают им больших возможностей для развития своих навыков [23].

Отрицательное отношение и поведение, в свою очередь, влияют на ответную реакцию людей с ограниченными возможностями. В соответствии с теорией справедливости сотрудники сокращают свои трудовые усилия, когда считают, что они не были справедливо вознаграждены. В более общем плане негативные отношения, такие как ожидания низкой производительности, приводят к тому, что инвалиды становятся отчужденными и отстраненными, что может «подтвердить» низкие ожидания [9, 24, 26].

Работники с ограниченными возможностями используют ряд стратегий для формирования «правильных» ожиданий, включая (а) сокрытие инвалидности, (б) передачу информации об инвалидности для уменьшения дискомфорта и уточнения норм, (в) обращение за помощью для уточнения ожидаемого поведения, (г) подчеркивание сходства с другими через общие интересы, мнения и ценности и (д) становление «суперработником», чтобы развеять стереотипы и изменить ожидания других [13]. Кроме того, они могут использовать активистский подход и

пытаться изменить политику организации самостоятельно или совместно с другими или использовать когнитивные стратегии для защиты или изменения себя, например, приписывая отрицательные результаты предвзятости, а не собственным проблемам производительности [15].

Организационные структуры, ценности и практики

Как организационные структуры, ценности и практики влияют на обращение с людьми с ограниченными возможностями? Как отмечают исследователи [23], нормы и ценности организации определяют соответствующие типы поведения и обеспечивают моральное обоснование политики и практики организации. Например, ценности, связанные с равенством, стандартизацией, безличностью и разделением работы, определяют политику и практику в бюрократической организации. Эти бюрократические ценности могут поставить инвалидов в невыгодное положение по сравнению с другими, поскольку инвалиды могут быть не в состоянии соблюдать негибкие правила и процедуры [23, p. 373].

Бюрократическая система часто основывается на системе акционерной стоимости, которая «противопоставляет справедливое отношение ко всем сотрудникам персонифицированному учету потребностей отдельных лиц» [27]. Это приводит к большей обиде на индивидуальное отношение к работникам с ограниченными возможностями, чем в более гибких, поддерживающих организациях. Другие ценности, выраженные в организации, важны. Акцент на грубом индивидуализме, самостоятельности и конкурентных достижениях препятствует усилиям людей с ограниченными возможностями показать, что они пригодны для работы, а акцент на сотрудничестве, полезности, социальной справедливости и равноправии повышает их способность показать, что они способны внести вклад в организацию [27]. Кроме того, компании, которые ценят разнообразие по всем параметрам (таким как расовое, культурное, этническое и гендерное разнообразие), могут создать благоприятную среду для работников с ограниченными возможностями.

Организационные ценности могут быть отражены в политике и практике, которые сказываются на сотрудниках с ограниченными возможностями. Четко составленная должностная инструкция или перечень должностных обязанностей могут иметь тенденцию исключать работников с ограниченными возможностями. Проблема «установившихся методологий работы» была одним из значительных барьеров, выявленных работниками с ограниченными возможностями в исследовании Бойля [28]. «Самая большая проблема не в непригодности рабочих мест, а в поиске организации, которая готова разрушить стереотипы и дать людям с ограниченными возможностями шанс доказать свои способности» [28, p. 264–265]. Одним из примеров успешного использования политики и практики для интеграции людей с ограниченными возможностями является исследование Manpower Inc., в котором сделан вывод, что инвестиции компании в индивидуальное обучение, оценку профессиональных навыков и развитие карьеры имели решающее значение для успеха компании в найме и удержании работников с ограниченными возможностями и в успехе сотрудников в достижении их целей трудоустройства [29]. Это предполагает организационную культуру, подчеркивающую, что у каждого человека есть профессиональные навыки и способности, что каждая работа может быть разбита на важные задачи и каждый человек может получить работу, если его или ее навыки развиваются для соответствия основным задачам [30].

Другие корпоративные практики, которые помогают людям с ограниченными возможностями, включают видимую поддержку со стороны высшего руководства по включению людей с ограниченными возможностями в жизнь организации, отбор менеджеров, приверженных этим ценностям, и использование систем вознаграждения для усиления интеграции людей с ограниченными возможностями [1].

Перспективы для предприятий и людей с ограниченными возможностями

Что могут сделать компании и члены сообщества инвалидов для изменения организационной культуры таким образом, чтобы улучшить перспективы трудоустройства людей с ограниченными возможностями? Хотя это новая область исследований и необходимы дальнейшие исследования, тем не менее, очевидно, что компании получают различные выгоды от полного вовлечения людей с ограниченными возможностями в организационную жизнь. Материал, рассматриваемый в этой статье, предлагает ряд шагов, которые организации и сообщества инвалидов могут предпринять для достижения этой цели.

1. Сильная и постоянная приверженность со стороны высшего руководства, которая задает тон включения и помогает изменить или усилить корпоративные нормы и поведение руководителей/сотрудников для улучшения лечения и возможностей для сотрудников с ограниченными возможностями.

2. Реализация программ обучения для сотрудников, которые предоставляют информацию об инвалидности, чтобы помочь изменить ожидания и бороться со стереотипами, и предоставляют навыки для работы с людьми с ограниченными возможностями, которые помогают уменьшить дискомфорт и тревогу (особенно в отношении наиболее стигматизированных нарушений).

3. Отбор менеджеров и супервайзеров, приверженных интеграции людей с ограниченными возможностями в состав рабочей силы, и обеспечение их достаточных возможностей для продвижения вперед.

4. Включение обращения с людьми с ограниченными возможностями в системы оценки и вознаграждения для руководителей, предоставление ресурсов и стимулов для наставничества, обучения и усилий по адаптации сотрудников с ограниченными возможностями.

5. Работа с профсоюзами для обеспечения того, чтобы положения коллективных договоров позволяли принимать работников и соискателей с ограниченными возможностями.

6. Расширение стратегии компании по подбору персонала, включающей работу с организациями инвалидов, такими как центры независимой жизни, с целью определения квалифицированных кандидатов на рабочие места.

7. Работа с организациями инвалидов, реабилитационными учреждениями, а также с местными старшими школами и колледжами в целях организации корпоративных стажировок для людей с ограниченными возможностями с целью повышения их профессиональных навыков и знаний компании и сотрудников о своих способностях, спонсирования программ обучения, которые повышают их навыки и способность людей с ограниченными возможностями, и расширение пула организации квалифицированных кандидатов с ограниченными возможностями.

8. Обеспечение признания достижений работников с ограниченными возможностями во всей организации, чтобы помочь бороться с негативными стереотипами (при этом стараясь не укреплять образ людей с ограниченными возможностями как «святых»).

9. Поощрение работников с ограниченными возможностями формировать свои собственные сети или группы внутри компании, предоставление информации, поддержки и институционального механизма, который может представлять проблемы работников с ограниченными возможностями руководству.

10. Подчеркивание гибкости и индивидуальное внимание к потребностям сотрудников, что снижает значимость жилья для сотрудников с ограниченными возможностями и дает менеджерам свободу изменять рабочие места и использовать нестандартные рабочие условия, такие как дистанционное управление и гибкий график работы.

11. Повышение автономии, с тем чтобы сотрудники могли изменять способ выполнения своей работы, используя преимущества своих индивидуальных навыков и способностей (и уменьшая значимость и «обособленность» помещений, чтобы коллеги с меньшей вероятностью негативно реагировали, например, через использование универсальных стратегий проектирования рабочих мест и доступных технологий) [31].

12. Пересмотр кадровой политики, такой как методы анализа работы и методы проведения собеседований, чтобы увидеть, как они ограничивают способность людей показывать, что они «квалифицированны» и могут отвечать основным требованиям работы.

13. Обеспечение того, чтобы коллеги имели значительный контакт с работниками с ограниченными возможностями в неформальной и развлекательной обстановке, а также в формальной рабочей деятельности, чтобы развеять стереотипы и построить более крепкие рабочие отношения.

Многие из этих идей имеют потенциальную выгоду для всех сотрудников, а не только для людей с ограниченными возможностями. Повышенная гибкость и индивидуальное внимание к потребностям сотрудников помогают тем, кто отвечает за уход за детьми или пожилыми людьми, а повышенная автономия позволяет всем работникам лучше использовать свои навыки и способности [3]. Как таковые, эти идеи являются частью универсального процесса адаптации, помогая организациям реагировать на потребности всех своих сотрудников.

Задачи будущих исследований и заключение

Исследования в этой области показывают, что аспекты организационной культуры влияют на перспективы занятости людей с ограниченными возможностями. Мы рассмотрели ряд областей, которые заслуживают дальнейшего внимания, в том числе влияние базовых ценностей организации, четкой политики и повседневной практики, а также взглядов руководителей и коллег. Следует рассмотреть ряд методологических пунктов. Во-первых, одним из ограничений предыдущих исследований по нетрудоспособности является то, что большая часть их основана на лабораторных исследованиях, которые, как предполагается, обобщают

на взаимодействие и ситуации на рабочем месте. Несмотря на то, что в этих исследованиях были получены важные сведения, необходимо собрать больше данных в реальных условиях на рабочем месте для точной оценки влияния организационной культуры на работников с ограниченными возможностями.

Второй момент заключается в том, что, поскольку у каждого метода есть ограничения, следует использовать несколько методов анализа. Методологическая триангуляция, которая сочетает количественные и качественные подходы, помогает компенсировать ограничения любого метода, выявляет потенциальные противоречия или конфликты между различными уровнями организационной культуры (как это предлагает Руссо) и обеспечивает проверку достоверности. В то время как точечные исследования работников с ограниченными возможностями полезны, необходимо проводить исследования для оценки ситуации с течением времени – как развиваются сотрудники с инвалидностью в рамках организации – и оценивать долгосрочные последствия изменений в организационной политике и практиках. Такие исследования полезны для отслеживания изменений в подходах, пролития света на то, как отношения влияют на карьерный рост людей с инвалидностью, и поднимают интересный вопрос о том, помогает ли работа с инвалидами исправлять структурные проблемы и бороться с негативными стереотипами.

Было бы также полезно собрать подробные тематические исследования компаний, которые предприняли согласованные усилия для увеличения найма, удержания и продвижения работников с ограниченными возможностями. Это позволит проводить сравнение политики в разных организационных условиях, помогать выявлять «то, что работает» в компаниях, которые успешно принимали на работу людей с ограниченными возможностями, и содействовать разработке «лучших практик», которые служили бы моделями для других работодателей.

В этой статье было обсуждено влияние организационной культуры на занятость людей с ограниченными возможностями. На базовом уровне ценности и допущения организаций основаны на представлении о том, что сотрудники трудоспособны. Этот взгляд формирует кадровые практики, структуру рабочих мест и физическую и социальную среду организации.

Если необходимо значительно улучшить перспективы трудоустройства людей с инвалидностью, следует обратить внимание на то, как организационная культура создает условия или усиливает препятствия для работников с ограниченными возможностями и как эти препятствия могут быть устранены или преодолены. Устранение барьеров имеет значительные преимущества не только для людей с ограниченными возможностями, но и для других сотрудников и организации в целом.

Список литературы

1. Kaye H.S. Employment and the changing disability population // In: D. Stapleton, & R. Burkhauser (Eds.). The decline in the employment of people with disabilities: A policy puzzle. 2003. P. 217–258.

2. Baker M.Q., & Rivera I.Jr. Redefining accessibility: The effort to become fully inclusive must be extended across all line // Association Management. 1999. № 51(8). P. 57–60.

3. Blanck P. The economics of the employment provisions of the Americans with Disabilities Act: Part I – workplace accommodations // DePaul Law Review. 1997. № 46. P. 877–914.

4. U.S. Census Bureau. Disability: Selected characteristics of persons 16 to 74. 2001. Retrieved March 23, 2004, from: http://www.census.gov/hhes/www/disable/cps/cps102.html

5. U.S. Census Bureau. Disability labor force status – work disability status of civilians 16 to 74 years old, by educational attainment and sex. 2002. Retrieved March 23, 2004, from: http://www.census.gov/hhes/; www/disable/cps/cps202.html

6. Blanck P., & Marti M.W. Attitudes, behavior, and the employment provisions of the Americans with Disabilities Act // Villanova Law Review. 1997. № 42. P. 345–408.

7. Schein E.H. The corporate culture survival guide. San Francisco: Jossey-Bass, 2002. 350 p.

8. Harris Interactive, Inc. N.O.D. / Harris survey of Americans with disabilities. New York, 2000. 224 p.

9. Blanck P., Schur L., Kruse D., Schwochau S., & Song C. Calibrating the impact of the ADA's employment provisions // Stanford Law and Policy Review. 2003. № 14. P. 267–290.

10. Blanck P., Ritchie H., Schmeling J.L., & Klein D. Technology for independence: A community-based resource center // Behavioral Sciences and the Law. 2003. № 21. P. 51–62.

11. Blanck P.D., Sandler L.A., Schmeling J.L., & Schartz H.A. The emerging workforce of entrepreneurs with disabilities: Preliminary study of entrepreneurship in Iowa // Iowa Law Review. 2000. № 85. P. 1583–1668.

12. Schein E.H. Organizational culture and leadership. 2nd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 1992. 418 p.

13. Rousseau D. Assessing organizational culture: The case for multiple methods // In: B. Schneider (Ed.). Organizational climate and culture. San Francisco: Jossey-Bass, 1992. P. 153–192.

14. Blanck P.D., & Steele P. The emerging role of the staffing industry in the employment of persons with disabilities: A case report on Manpower Inc. Iowa City, Iowa. The University of Iowa Law, Health Policy, and Disability Center, 1998. 335 p.

15. Sandler L. & Blanck P. Accessibility as a corporate article of faith at Microsoft: Case study of corporate

culture and human resource dimensions // Behavioral Sciences and the Law. 2005. Vol. 22. P. 15–19.

16. Bruye`re S. Disability employment policies and practices in private and federal sector organizations. Ithaca, NY: Cornell University, Program on Employment and Disability, 2000. 125 p.

17. Lawrence C.R. III. The Id, the ego, and equal protection: Reckoning with unconscious racism // Stanford Law Review. 1987. Vol. 39. P. 317–388.

18. Lewin D. & Schecter S. Four factors lower disability rates // Personnel Journal. 1995. **74** (**11**). P. 14–15.

19. Dixon K.A., Kruse D., & Van Horn C.E. Restricted access: A survey of employers about people with disabilities and lowering barriers to work. New Brunswick, NJ: Rutgers University, John J. Heldrich Center for Workforce Development, 2003.

20. Wilgosh L.R. & Skaret D. Employer attitudes toward hiring individuals with disabilities: A review of the recent literature // Canadian Journal of Rehabilitation. 1987. Vol. 1. P. 89–98.

21. Christensen C., & Shu K. What is an organization's culture? (Case Study 9-399-104) Cambridge, MA: Harvard University, Harvard Business School, 1999.

22. Yandrick R.M. Speed your disabled worker's return // HR Magazine. 1997. **42**. P. 154–157.

23. Colella A. Organizational socialization of newcomers with disabilities: A framework for future research // Research in Personnel and Human Resources Management. 1996. Vol. 14. P. 351–417.

24. Colella A. Coworker distributive fairness judgments of the workplace accommodation of employees with disabilities // Academy of Management Review. 2001. Vol. 26. P. 100–116.

25. Colella A., DeNisi A.S., & Varma A. The impact of ratee's disability on performance judgments and choice as partner: The role of disability – job fit stereotypes and interdependence of rewards // Journal of Applied Psychology. 1998. Vol. 83. P. 102–111.

26. Scott D. & Usher R. Understanding educational research. New York: Routledge, 1996. 167 p.

27. Stapleton D.C. & Burkhauser R. (Eds.) The decline in the employment of people with disabilities: A policy puzzle. Kalamazoo, MI: W. E. Upjohn, 2003. 230 p.

28. Boyle M.A. Social barriers to successful reentry into mainstream organizational culture: Perceptions of people with disabilities // Human Resource Development Quarterly. 1997. Vol. 8. P. 259–268.

29. Oliver M. Changing the social relations of research production? // Disability, Handicap and Society. 1992. Vol. 7. P. 101–114.

30. Blanck P., & Schartz H.A. Toward researching a national employment policy for persons with disabilities // In: 22nd Mary E. Switzer Memorial Seminar: Emerging workforce issues: WIA, Ticket to work, and partnerships. 2001. Alexandria, VA: National Rehabilitation Association, 38 p.

31. Schartz K., Schartz H., & Blanck P. Employment of persons with disabilities in information technology jobs: A literature review for 'IT Works // Behavioral Sciences and the Law. 2002. Vol. 20. P. 637–657.

32. Schur L. The difference a job makes: The effects of employment among people with disabilities // Journal of Economic Issues. 2002. Vol. 36. P. 339–348.

33. Schur L.A. Dead-end jobs or a path to economic well-being? The consequences of non-standard work among people with disabilities // Behavioral Sciences and the Law. 2002. Vol. 20. P. 601–620.

34. Schur L.A. Barriers or opportunities? The causes of contingent and part-time work among people with disabilities // Industrial Relations. 2003. Vol. 42. P. 589–622.

35. Schur L. & Kruse D. Non-standard work arrangements and disability income. Urbana-Champaign, IL: University of Illinois, Disability Research Institute, 2002. 280 p.

36. Spataro S.E. Diversity in context: How organizational culture affects the consequences of demographic diversity in organizations // Behavioral Sciences and the Law. 1996. P. 150–156.

37. Reichers A., & Schneider B. Climate and culture: An evolution of constructs // In: B. Schneider (Ed.). Organizational climate and culture. San Francisco: Jossey-Bass, 1990. P. 5–29.

38. Blanck P., & Song C. Civil war pension attorneys and disability politics // University of Michigan Journal of Law Reform. 2002. Vol. 35. P. 137–217.

39. Burkhauser R., Houtenville A.J., & Wittenburg D.C. A user's guide to current statistics on the employment of people with disabilities // In: D. Stapleton, & R. Burkhauser (Eds.). The decline in the employment of people with disabilities: A policy puzzle. 2003. P. 23–86.

40. Gilbert J., & Ivancevich J. Valuing diversity: A tale of two organizations // Academy of Management Executive. 2000. Vol. 14. P. 93–105.

41. Kruse D. & Schur L. Employment of people with disabilities following the ADA // Industrial Relations. 2003. Vol. 42. P. 31–66.

42. Kochan T., Bezrukova K., Ely R. et al. The effects of diversity on business performance: Report of the diversity research network // Human Resource Management. 2003. Vol. 42. P. 3–21.

43. Patton M.Q. Qualitative evaluation and research methods. 2nd ed. Newbury Park, CA: Sage, 1990. 150 p.

ORGANIZATIONAL CULTURE AND EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN FOREIGN RESEARCH

I.S. Leonova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article addresses key questions arising from the economic and social disparities that individuals with disabilities experience in their approach towards the labor market. For instance, «What role does organizational culture play in the employment of people with disabilities?» «How does it facilitate or hinder their employment and promotional opportunities,

and how can corporations develop supportive cultures that benefit people with disabilities, non-disabled employees, and the organization as a whole?» Organizational culture can create attitudinal, behavioral, and physical barriers for workers and job applicants with disabilities. This research concludes that if the employment prospects of people with disabilities are to be improved significantly, attention must be paid to the ways in which organizational culture creates or reinforces obstacles to employees with disabilities, and how these obstacles can be removed or overcome. Ultimately, we will make the case that organizational culture and societal attitudes must change if people with disabilities are to be accepted and incorporated fully into the workplace.

Keywords: organizational culture, individuals with disabilities, conflicts, employment rate of people with disabilities.

УДК 316

МЕСТО РЕЛИГИИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

© 2019 г.

Е.Е. Кутявина, Д.Е. Ивашечкина

Кутявина Елена Евгеньевна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kutyavina@gmail.com
Ивашечкина Дарья Евгеньевна, магистрант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dashaivash@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.09.2018
Статья принята к публикации 11.01.2019

Статья посвящена исследованию ценностных ориентаций студентов и их религиозных убеждений. Используются результаты анкетного опроса студентов различных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Описаны общие характеристики религиозности и специфика ценностных ориентаций студентов с разными религиозными убеждениями. Выделены группы православных, «верующих без религии» и атеистов. Православных отличают большая целеустремленность и традиционные взгляды на семью и супружеские отношения (высокая ценность брака, большее желаемое количество детей, традиционное распределение супружеских ролей). Атеистов характеризуют эгалитарные взгляды на супружеские отношения, меньшее стремление к семейной жизни, меньшая распространенность суеверий. «Верующие без религии» чаще стремятся к саморазвитию; в целом их ценностные ориентации характеризует сходство с православными студентами. Религиозные убеждения верующих студентов противоречивы, размыты, среди них мало воцерковленных, соблюдающих обрядность. Результаты исследования подтверждают наличие связи между религиозными убеждениями и ценностными ориентациями студентов, в том числе – брачно-семейными и репродуктивными установками. Данные исследования не противоречат всероссийским опросам, проведённым М.П. Мчедловым в 2003 г., М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги в 2009 г. и ФОМ в 2014 г.

Ключевые слова: студенты, духовные ценности, религиозные убеждения, мировоззрение.

Введение

В последние десятилетия заметно изменились роль и место религии в жизни российского общества. Повышение общего уровня религиозности населения и уровня воцерковленности в России отмечается ещё с 1990-х гг.

По результатам опросов фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в 1997 г. 50% опрошенных отнесли себя к православным верующим [1]. В 2013 г. православными верующими назвали себя уже 64% респондентов [2]. Индекс воцерковленности с 2000 г. по 2014 г. повысился [3].

Религия сохраняет важную роль в жизни общества, в мировоззрении и ценностных ориентациях россиян. Особая историческая роль православия закреплена в преамбуле к закону № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4].

С учетом трансформации социальных функций религии представляется актуальным социологическое исследование влияния религии на другие сферы жизни общества, в том числе и на семейные ценности. В последние 10 лет в России сохраняются тенденции уменьшения размера и нуклеаризации семьи. По итогам переписи 2010 г. выявлено: 15% составляют домохозяйства, состоящие только из матери с детьми или только отца с детьми, более половины – из одной супружеской пары с детьми или без детей. Менее 10% домохозяйств представляют супружеские пары с детьми и без детей и с другими родственниками (или без них) и неродственниками (или без них) [5]. Кроме того, статистика фиксирует снижение числа заключаемых браков. За 10 лет (с 2007 по 2017 г.) коэффициент брачности снизился с 8.8 до 7.1 [6].

Традиционные семейные ценности в значительной степени пересекаются с религиозными нормами, регулирующими брачно-семейные отношения. На фоне противоречивых тенденций секуляризации и десекуляризации в России связь семейных и религиозных ценностей представляется неоднозначной и нуждающейся в исследовании темой.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что ценностные ориентации современных студентов, в том числе семейно-брачные установки, связаны с их религиозными убеждениями.

Таблица 1

Вероисповедание студентов, %

Вероисповедание	Юноши	Девушки
Православие	29	58
«Вера без религии»	25	21
Атеизм	31	14
Агностицизм	3	2
Католицизм	3	0
Ислам	1	1
Буддизм	1	1

Методология

Авторское социологическое исследование «Ценностные установки студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского» было проведено в 2016–2017 гг., метод сбора информации – анкетный опрос. Исследовалась система ценностных ориентаций студентов, в том числе – религиозные убеждения, субъективная значимость религии.

Исследование основано на положениях структурного функционализма об интегрирующей функции религии и утверждениях Т. Парсонса о взаимообусловленности религии и культуры [7, с. 84–108]. Религиозные установки рассматриваются в их взаимосвязи с общей системой ценностей.

Исследование носило пилотный характер с целью проверки инструментария и уточнения гипотезы. Всего было опрошено 276 студентов бакалавриата ННГУ, очной формы обучения, гуманитарных, экономических, технических и естественно-научных специальностей, в их числе 73% девушки и 27% юноши. Студентов первого курса представлено 31%, второго – 18%, третьего – 26% и четвёртого – 25%. В выборку были заложены квоты по полу, факультетам и курсам, однако в связи с организационными трудностями не все квоты удалось соблюсти (по полу и специальности). Опрос производился по академическим группам, поэтому, хотя выборка не сбалансирована в отношении вуза в целом, она отражает основные соотношения по специальностям и позволяет сделать некоторые выводы о ценностях и убеждениях студентов, выявить различия в убеждениях юношей и девушек.

Результаты

Студентам было предложено оценить 49 ценностных выражений, составляющих жизненного успеха, по шкале от 1 до 5, где 1 балл – наименее, а 5 баллов – наиболее значимая ценность. В ходе анализа ответов студентов были получены средние значения оценки каждой составляющей.

К наиболее высоко оцениваемым составляющим успеха относятся здоровье, самореализация и дружная, сплочённая семья. Их значение, в среднем, оценивается в 4.6 балла, причём девушки оценивают важность здоровья и дружной, сплочённой семьи несколько выше юношей.

Ниже всего оценили значимость веры и религии юноши – на 2 балла, в то время как девушкам значимость веры и религии в качестве составляющих жизненного успеха представляется выше – 2.6 балла.

Половина студентов относит себя к православным верующим.

Также распространены среди студентов неопределенные религиозные взгляды, «вера без религии» (более 20%).

Среди студентов есть атеисты (18%) и агностики (2%). Доля студентов, исповедующих другие религии, невелика (табл. 1).

В связи с этим представляется целесообразным дальнейшие вопросы о характере религиозности студентов рассматривать по трём группам, на основе религиозной самоидентификации студентов: православные, «верящие без религии» и атеисты.

К православным мы отнесли всех студентов, заявивших себя таковыми, вне зависимости от степени воцерковленности. Группа «вера без религии» объединила студентов, которые считают себя верующими, но не относятся к какой-либо конкретной конфессии («верю без религии», «верю в высшие силы» и т.п). В группу «атеисты» мы включили тех, кто назвал себя атеистами либо агностиками.

Среди девушек доля православных составила 58%, среди юношей – 29%. Атеизм распространён в большей степени среди юношей – доля атеистов среди них в 2 раза больше, чем среди девушек (31% и 14% соответственно) (табл. 1).

Стоит отметить, что во всероссийских опросах, проведённых М.П. Мчедловым [8] в 2003 г., Ф.Э. Шереги [9] в 2009 г. и ФОМ [3] в 2014 г., фиксируется более высокий уровень религиозности женщин. Также, по итогам опроса, проведённого в 2016 г. среди 1332 студентов вузов Нижнего Новгорода (Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижегородский институт менеджмента и бизнеса, Нижегородский государственный университет, Нижегородская академия МВД РФ), к православным относили себя 65.8% юношей и 73% девушек. Атеистами назвали себя 10% юношей и 5.7% девушек [10].

Итоги авторского исследования демонстрируют, что доля воцерковленных студентов, следующих религиозной догматике, среди православных крайне мала. К примеру, среди православных студентов треть юношей не молятся

Таблица 2

Виды молитв студентов, %

Виды молитвы	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Не молятся	32	18	37	40	91	96
Молятся своими молитвами	9	28	37	48	9	4
Молятся иногда своими, а иногда предписанными молитвами	36	38	26	10	0	0
Молятся предписанными молитвами	23	15	0	2	0	0

Таблица 3

Частота посещения студентами храма (синагоги, мечети и т.д.), %

Посещение храма	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Не посещаю	32	17	58	55	78	93
Реже 1 раза в год	9	16	21	19	13	4
1 раз в год	23	19	5	12	9	0
Примерно 1 раз в полгода (2–3 раза в год)	14	23	16	10	0	4
Несколько раз в год, но реже, чем 1 раз в месяц	18	18	0	2	0	0
Каждый месяц	5	3	0	2	0	0
Каждую неделю	0	3	0	0	0	0

Таблица 4

Чтение студентами священных текстов, %

Чтение священных текстов	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Никогда не читали	32	30	37	43	43	54
Когда-то читали	36	32	53	45	43	39
Иногда читают священные тексты или другие положенные тексты	23	30	11	10	13	7
Регулярно читают священные тексты, а другие положенные тексты нерегулярно	9	2	0	2	0	0
Регулярно читают и священные тексты, и другие положенные тексты	0	4	0	0	0	0

вообще, треть девушек молятся своими молитвами, и примерно 40% студентов молятся и своими, и предписанными молитвами. Только предписанными молитвами молятся 23% православных юношей и 15% православных девушек (табл. 2).

Частота посещения храма является одним из параметров подсчёта индекса воцерковленности, разработанного В.Ф. Чесноковой совместно с ФОМ [11]. По результатам опросов, процент регулярно посещающих храм верующих довольно низкий. Так, результаты исследования 2014 г. отношения студенческой молодёжи к религии, проведённого в вузах Екатеринбурга (Гуманитарный университет, Уральский институт управления РАНХиГС и Уральский федеральный университет), показали, что треть верующих студентов (таковых около половины опрошенных) посещает храм (молельный дом, мечеть и т.д.) раз в год или реже, 33% – раз в 2 или 3 месяца. Чаще раза в месяц посещают храм 7% верующих [12].

По результатам авторского опроса, православные студенты посещают храм с частотой примерно 1 раз в полгода (девушек в этой группе (23%) больше, чем юношей (14%)). Около 20% православных девушек и 30% юношей не ходят в храм вообще, и столько же – бывают раз в год. Реже одного раза в месяц посещают храм 18% православных юношей и девушек.

Более половины юношей и девушек, «верящих без религии», не бывают в храме вообще, что вполне ожидаемо. Еще треть ходит в храм примерно раз в год. Подавляющее число атеистов храм не посещает (табл. 3).

Треть православных студентов никогда не читали священные тексты. Однако число читающих иногда священные тексты или другие положенные тексты выше среди православных практически втрое в сравнении с «верящими без религии» и атеистами (табл. 4).

Особенность религиозных убеждений студентов заключается в их неоднородности, а

Таблица 5

Согласие студентов с утверждениями (1 – скорее/совершенно не согласны; 2 – и да, и нет, затруднились ответить; 3 – скорее/совершенно согласны), %

Утверждения		Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
		Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
«Религия играет важную роль в моей жизни»	1	32	24	84	68	96	97
	2	36	34	11	26	4	4
	3	32	42	5	5	0	0
«Я по возможности соблюдаю все предписания (в соответствии с моим вероисповеданием)»	1	32	44	63	85	100	93
	2	45	32	16	10	0	4
	3	23	24	16	5	0	4
«Я верю в судьбу»	1	27	10	53	17	61	50
	2	32	23	32	31	22	32
	3	37	66	10	52	17	18
«Я верю в приметы»	1	55	27	47	50	83	86
	2	14	22	42	33	13	7
	3	32	40	5	17	4	7
«Я верю в гадания»	1	82	53	69	62	91	100
	2	9	21	26	26	9	0
	3	10	27	0	12	0	0
«Я верю в существование ада»	1	37	18	63	52	87	86
	2	23	39	26	36	9	11
	3	41	43	5	12	4	4
«Я верю в существование рая»	1	32	16	68	52	91	89
	2	23	37	21	40	9	11
	3	45	47	5	7	0	0
«Я верю в реинкарнацию»	1	41	40	27	41	70	71
	2	36	31	32	24	26	11
	3	18	29	37	34	4	18

зачастую – в противоречивости. Среди православных студентов зафиксирована бо́льшая, чем среди атеистов, доля отчасти верящих и в мистическое (в приметы, судьбу, гадания, реинкарнацию). Например, в приметы верят 32% православных юношей и 40% православных девушек, 4% атеистов-юношей и 7% атеистов-девушек (табл. 5).

В ходе анализа ценностного блока вопросов были выявлены некоторые различия между представленными группами. Так, среди православных значительно выше процент считающих себя целеустремлёнными людьми (81%), чем среди атеистов (63%).

Среди православных и «верящих без религии» более половины стремятся к материальному благополучию, достатку и достойной жизни. Доля стремящихся к саморазвитию и самореализации значительно преобладает среди «верящих без религии» в сравнении с православными. Стремление к созданию семьи, ожидаемо, более выражено у православных студентов, что вполне соответствует православным религиозным канонам. Среди православных значительно ниже процент стремящихся к независимости. Атеистам же в большей степени свойственно стремление к удовольствию и развлечениям, и среди них более распространенной является позиция отказа от создания семьи в будущем в сравнении с православными и «верящими без религии» (табл. 6).

Мнения трёх представленных групп разошлись и в вопросах семейных ценностей.

Как было продемонстрировано выше, среди православных больше доля стремящихся к созданию семьи, что ещё раз подтверждается и в ответах на вопрос о дальнейших планах по созданию собственной семьи – более 80% православных отвечают утвердительно. Среди атеистов эта доля также велика – 70% юношей и 61% девушек, однако процент юношей среди «верящих без религии», планирующих создать семью, значительно ниже, чем в других группах, – 47%. Среди атеистов более распространена позиция отказа от создания семьи в будущем в сравнении с православными и «верящими без религии» (табл. 7).

Наибольшая доля студентов среди трёх религиозных групп убеждена, что в идеальной, на

Таблица 6

Стремления студентов, %

Стремления	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Материальное благополучие, достаток, достойная жизнь	73	57	58	57	43	50
Саморазвитие, самореализация, успех	59	58	68	69	57	68
Работа, совершенствование в профессии, карьера	45	44	26	33	22	43
Создание семьи	36	54	21	38	9	29
Получение образования, востребованной профессии	27	27	16	21	13	29
Любовь	27	38	32	36	26	21
Деньги, богатство	14	6	21	7	17	7
Удовольствия, развлечения	14	12	21	10	43	18
Независимость	9	8	26	29	35	25
Нет целей	5	0	0	0	4	4

Таблица 7

Планы студентов о создании семьи, %

Планы создания семьи	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Уже создали семью	0	6	0	7	4	0
Планируют создать семью	82	87	47	69	70	61
Не планируют создавать семью	5	1	0	2	17	11
Ещё не задумывались	14	4	47	21	4	29

Таблица 8

Представления о количестве детей в идеальной семье, %

Количество детей	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Ни одного	5	1	0	0	4	4
Один	0	3	5	7	13	11
Двое	73	62	63	55	35	39
Трое и больше	14	26	21	21	22	7
Затруднились ответить	9	9	11	17	26	39

их взгляд, семье должно быть двое детей – в большей степени с этим утверждением согласны православные юноши (73%) и девушки (62%). Четверть православных девушек и 21% «верящих без религии» полагают, что в идеальной семье должно быть трое и больше детей, в то время как среди православных юношей этот процент ниже. Среди атеистов в три раза больше юношей, утверждающих, что в идеальной семье должно быть трое и больше детей, а девушек, придерживающихся такого мнения, только 7%. Кроме того, среди атеистов наибольшее число затруднившихся ответить на этот вопрос (табл. 8).

Большинство студентов всех групп религиозности планируют двух детей в своей собственной семье, значительную долю среди них составляют православные юноши (77%) и православные девушки (59%). Среди «верящих без религии» выше процент тех юношей, кто планирует троих и больше детей, в сравнении с другими группами (табл. 9).

Что касается вопроса распределения обязанностей в семье, то стоит отметить значимую разницу в ответах атеистов в сравнении с другими группами. Преобладающее большинство и девушек, и юношей среди них утверждают, что муж и жена должны в равной степени вести домашнее хозяйство, тогда как процент придерживающихся этого мнения православных студентов ниже вдвое, а доля «верящих без религии» – ниже примерно в полтора раза. Более половины православных и «верящих без религии» считают, что ведение домашнего хозяйства в большей мере является обязанностью жены, но муж должен участвовать также. Среди юношей, «верящих без религии», согласных с этим несколько меньше – 42% (табл. 10).

Проведённое исследование позволило определить основные ценностные установки студентов и специфику их религиозных установок в рамках общей системы ценностей.

Таблица 9

Планируемое количество детей в собственной семье, %

Количество детей	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Ни одного	5	1	0	0	13	11
Один	0	7	11	10	9	18
Двое	77	59	37	52	35	39
Трое и больше	9	18	21	14	9	0
Затруднились ответить	9	15	32	24	35	32

Таблица 10

Мнения студентов о том, чьей обязанностью в семье является ведение домашнего хозяйства, %

Обязанности	Православные		«Верят без религии»		Атеисты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Обязанность мужа	0	0	0	0	0	0
Обязанность жены	9	10	0	0	9	4
В большей степени – обязанность мужа, но и жена должна участвовать	0	1	5	0	0	0
В большей степени – обязанность жены, но и муж должен участвовать	55	53	42	55	22	14
Муж и жена должны участвовать в равной мере	32	36	47	45	70	75
Затруднились ответить	5	0	5	0	0	7

В ходе анализа данных были получены следующие результаты.

• В общей системе ценностей студентов выражены индивидуалистские стремления к материальному благополучию, к реализации своего интеллектуального потенциала и саморазвитию.

• К наиболее высоко оцениваемым составляющим успеха относятся здоровье, самореализация и дружная, сплочённая семья.

• Наименее значимы для студентов как составляющие жизненного успеха вера и религия.

Значимые различия в ценностных установках были выявлены у атеистов в сравнении с православными студентами и «верящими без религии», что свидетельствует о совпадении мировоззренческих ориентиров у православных и «верящих без религии».

Указывая на различия в ценностных взглядах атеистов и православных, а также «верящих без религии», стоит отметить, что в вопросах об отношениях в семье большинство студентов придерживается эгалитарной модели поведения, но более выражена данная позиция у атеистов. Среди них высока доля и не планирующих создавать семью вообще.

Среди православных больше доля тех, кто стремится к созданию семьи. Чаще других они относят ведение домашнего хозяйства к обязанностям жены.

Доля воцерковленных среди православных студентов крайне мала. Большинство православных студентов посещает храм реже раза в месяц, высок процент православных, которые не молятся ни своими, ни предписанными молитвами, стараются соблюдать посты только 7% православных студентов. Кроме того, религиозные взгляды большой доли православных отличаются несогласованностью и размытостью представлений.

Предположение о противоречивости и размытости религиозных воззрений студентов подтвердилось. Их ценностные ориентации, в том числе семейно-брачные установки, действительно различаются в зависимости от религиозных убеждений. В дальнейшем планируется расширение блока вопросов о семейно-брачных и репродуктивных установках.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Конкурс проектов 2018 года фундаментальных научных исследований, проводимый РФФИ совместно с субъектами Российской Федерации. Тема – «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи». Номер темы – 18-411-520002. Руководитель – З.Х. Саралиева.

Список литературы

1. Исследование ФОМ «Верующие и неверующие», 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/of041401 (дата обращения: 10.05.2017).

2. Исследование ФОМ «Ценности: религиозность», 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/Tema-predlozhena-polzovatelem/10953 (дата обращения: 20.10.2018).

3. Исследование ФОМ «Воцерковленность православных», 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/TSennosti/11587 (дата обращения: 20.10.2018).

4. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 20.10.2018).

5. Всероссийская перепись населения – 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.10.2018).

6. Браки и разводы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.10.2018).

7. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

8. Мчедлов М.П. Религиозны ли молодые россияне? // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2. С. 38–45.

9. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

10. Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // СОЦИС. 2016. № 6. С. 77–83.

11. Чеснокова В.Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.

12. Антонова О.И., Гафиятуллина К.Р., Костина Н.Б. Отношение студенческой молодёжи Свердловской области к религии // Социум и власть. 2015. № 5. С. 42–47.

RELIGION IN STUDENTS' VALUE SYSTEM

E.E. Kutyavina, D.E. Ivashechkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines students' value orientations and their religious beliefs. The authors rely on the results of a questionnaire survey of students of various specialties of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, they describe the general characteristics of religiosity and the specific features of value orientations of students with different religious beliefs. The groups of Orthodox students, “believers without religion” and atheists are identified. Orthodox students are distinguished by a great sense of purpose and traditional views on the family and marital relations (high value of marriage, greater number of children desired, traditional distribution of gender roles). Atheists prefer equal marital relations, are less likely to want family life, less often believe in superstitions. “Believers without religion” tend to self-development more often; on the whole, their value orientations are similar to those of Orthodox students. The religious convictions of Orthodox students are contradictory and blurred; among them, there are few church-goers and those who observe religious rituals. The results of the study confirm the existence of a connection between students' religious beliefs and their value orientations, including their attitude to marriage, family and reproduction. These findings are consistent with the results of the nation-wide surveys conducted by M.P. Mchedlov [1] in 2003, M.K. Gorshkov and F.E. Sheregi [2] in 2009 and FOM [3] in 2014.

Keywords: students, spiritual values, religious beliefs, worldview.

УДК 316

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ И ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К УЧЕБНОМУ ПРОЦЕССУ

© 2019 г.

Я.В. Ушакова, Е.В. Морзавченкова

Ушакова Яна Владимировна, к.соц.н.; заведующая учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
yana@fsn.unn.ru
Морзавченкова Евгения Васильевна, магистрант 2-го года обучения направления подготовки «Социология управления» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mojane@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.11.2018
Статья принята к публикации 15.01.2019

С целью выявления уровня заинтересованности студентов в учебе и степени удовлетворенности выбранным направлением подготовки весной 2018 г. был проведен опрос студентов первого курса (*n*=110) факультета социальных наук ННГУ очной формы, обучающихся по направлениям «Социальная работа», «Социология», «Управление персоналом», «Психология», «Психология служебной деятельности». Рассмотрены факторы, характеризующие отношение студентов к высшему образованию и получаемой специальности: мотивы получения высшего образования, мотивы выбора направления подготовки, степень удовлетворенности выбранной специальностью, отношение к учебному процессу, планы студентов в отношении профессиональной деятельности. Дается сравнительный анализ оценок этих параметров студентами.

Ключевые слова: мотивы получения высшего образования, выбор направления подготовки, учебный процесс, успеваемость, профессиональные стратегии студентов.

Введение

Будущее человека зависит от многих факторов. Одними из определяющих являются получение образования и выбор будущей профессии. Образование и профессиональная квалификация – важные составляющие человеческого капитала и необходимые ресурсы для самореализации. Основные причины получения высшего образования в России – желание обладать знаниями, необходимыми для дальнейшей жизни, стать квалифицированным специалистом и просто получить «корочку» как некий пропуск в мир достойных карьерных перспектив и заработков, где далеко не все смогут легко и быстро найти работу по специальности [1, с. 91].

Однако исследования показывают, что для большинства абитуриентов выбор вуза и направления подготовки носит необдуманный характер и студенты относятся к образованию как к процессу получения диплома. Отсюда отсутствие мотивации хорошо учиться, стремиться к знаниям, участвовать в научно-исследовательской деятельности [2, с. 600].

Нижегородский рынок образовательных услуг представлен университетами с широким набором направлений подготовки и специальностей, научно-исследовательской деятельности, базой учебных и производственных практик, возможностью самореализации студентов в общественной работе, творчестве, спорте. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского является ведущим университетом России, в состав которого входят 18 факультетов и институтов, предлагающих современное качественное образование, отвечающее потребностям рынка труда. В их числе факультет социальных наук, который ведет обучение по пяти направлениям и является ведущим центром региона в подготовке специалистов в области социологии, социальной работы и психологии.

Методика исследования

Для выявления уровня заинтересованности студентов в учебе и степени удовлетворенности выбранным направлением подготовки весной 2018 г. был проведен опрос студентов первого курса факультета социальных наук ННГУ очной формы, обучающихся по направлениям «Социальная работа», «Социология», «Управление персоналом», «Психология», «Психология служебной деятельности». Отметим, что опрос проводился после первой сессии, когда студенты уже проучились в университете один семестр и могли более-менее адекватно отвечать на предложенные в анкете вопросы.

Таблица 1

Мотивы получения высшего образования студентами (согласие с тезисами), чел.

Основные мотивы	«Социальная работа»	«Социология»	«Управление персоналом»	«Психология»	«Психология служебной деятельности»
Высшее образование поможет сделать карьеру	21	18	10	8	27
Желание быть образованным человеком	19	21	12	11	36
Желание иметь диплом о высшем образовании	17	18	13	9	38
С высшим образованием можно найти подходящее место работы	17	6	7	6	22
Желание пожить студенческой жизнью	13	16	6	9	29
Без высшего образования сложно найти работу	11	8	3	3	20
У людей с высшим образованием интересная жизнь, интересное окружение	11	6	7	3	15
Людей с высшим образованием больше уважают в обществе, чем тех, кто его не имеет	10	8	5	5	17
В семье все имеют высшее образование	10	6	7	9	13
На получении высшего образования настаивали родители	4	12	4	4	8

Выборка сплошная, опрошено 110 человек («Социальная работа» – 23, «Социология» – 22, «Управление персоналом» – 13, «Психология» – 12, «Психология служебной деятельности» – 40). По результатам приемной кампании 2017 г. на первый курс очной формы обучения было зачислено на факультет социальных наук по направлениям подготовки (бюджет/внебюджет): «Социальная работа» – 20/4, «Социология» – 23/9, «Управление персоналом» – 10/6, «Психология» – 10/6, «Психология служебной деятельности» – 18/24. Таким образом, в опросе приняли участие 85% первокурсников. В ходе социологического исследования были рассмотрены факторы, характеризующие отношение студентов к высшему образованию и получаемой специальности: мотивы получения высшего образования, мотивы выбора направления подготовки, степень удовлетворенности выбранной специальностью, отношение к учебному процессу, планы студентов в отношении профессиональной деятельности.

Результаты исследования

Мотивы получения высшего образования. Как отмечают социологи, в целом студенты поступают в университет, чтобы стать образованной личностью, что перекликается с общей тенденцией ценности и престижа получения высшего образования молодежью [3, с. 63].

Студенты, обучающиеся по направлению «Социальная работа», среди основных мотивов получения высшего образования (табл. 1) называют возможность сделать карьеру (отметили 21 человек), желание быть образованным человеком (19), желание иметь диплом о высшем образовании и возможность найти подходящее место работы (17). На решение этих студентов о получении высшего образования менее всего оказывали влияние родители (4).

Основными мотивами получения высшего образования студентами направления «Социология» стали стремление быть образованным человеком (отметили 21 человек), желание сделать карьеру и иметь диплом о высшем образовании (по 18). Привлекательным моментом для этих студентов является и сама студенческая жизнь (16). Более чем на половину студентов этого направления подготовки оказали влияние родители, на других направлениях это влияние не столь значимо.

Основной мотив получения высшего образования студентами направления «Управление персоналом» – сам факт наличия диплома о высшем образовании (100%). Вторыми по значимости мотивами оказались желание быть образованным (12) и карьера (10).

Таблица 2

Мотивы выбора направления подготовки (согласие с тезисами), чел.

Основные мотивы	«Социальная работа»	«Социология»	«Управление персоналом»	«Психология»	«Психология служебной деятельности»
Здесь будет интересно учиться	17	17	10	10	30
Получение престижной специальности	14	8	11	7	33
ФСН ННГУ предоставляет возможность обучения и стажировок за границей	12	6	5	3	8
Полученное здесь образование даст широкие возможности выбора места работы	11	11	5	3	29
На ФСН ННГУ приемлемая плата за обучение	10	3	4	2	11
Диплом ФСН ННГУ ценится на рынке труда	10	1	6	2	19
Здесь будет легче учиться, чем в других вузах или на других факультетах	9	4	4	2	8
Диплом об окончании ФСН ННГУ будет иметь вес именно там, где вы хотели бы работать	9	3	4	3	18
Получение специальности, которая пользуется спросом	9	1	6	4	21
Здесь можно получить нравящуюся специальность	8	7	7	10	30
Здесь много возможностей совмещать учебу с работой	8	3	8	7	6
Сюда поступают ваши друзья	5	1	4	2	8
Вам было все равно, куда поступать, для вас главное – получить высшее образование	4	2	3	3	6

Студенты, обучающиеся по направлению «Психология», в качестве основных мотивов получения высшего образования называют желания быть образованным человеком (11) и пожить студенческой жизнью (9). Характерной особенностью этой группы является высокий уровень образования родителей студентов (75%).

Студенты направления «Психология служебной деятельности» основными мотивами получения высшего образования называют желания иметь диплом о высшем образовании (38) и быть образованным человеком (36). Так же как и студенты-социологи, третьим по значимости мотивом они называют желание пожить студенческой жизнью. В этой группе, как и в группе направления «Социальная работа», влияние родителей на получение высшего образование невелико. Возможно, это связано с не вполне осязаемыми перспективами трудоустройства с дипломами бакалавров указанных направлений подготовки.

Таким образом, факт наличия диплома о высшем образовании важен для студентов направлений «Управление персоналом» и «Психология служебной деятельности». Студенты направлений «Социология» и «Психология» хотят стать образованными людьми, а обучающиеся на направлении «Социальная работа» уверены в том, что наличие высшего образования поможет сделать карьеру.

Следует отметить, что студенты всех направлений подготовки решили получить высшее образование совсем не потому, что статус таких людей в обществе выше. Менее половины студентов уверены, что людей с высшим образованием больше уважают в обществе, чем тех, у кого его нет.

Мотивы выбора направления подготовки. Как показали результаты социологического исследования, проведенного весной 2017 г., многие студенты, будучи абитуриентами, успели ознакомиться с различными аспектами будущей профессиональной деятельности [4, с. 614]. Тем не менее в рейтинге мотивов выбора специальности одно из первых мест всегда занимает количество набранных баллов по ЕГЭ или набор тех дисциплин, по которым абитуриент успешно сдал Единый государственный экзамен. На выбор направления подготовки влияет не только личный интерес к будущей профессии и науке, но и возможность пройти по конкурсу на бюджетное место, имея необходимое количество баллов по ЕГЭ.

Выбор студентами направления «Социальная работа» (табл. 2) определяется интересом к

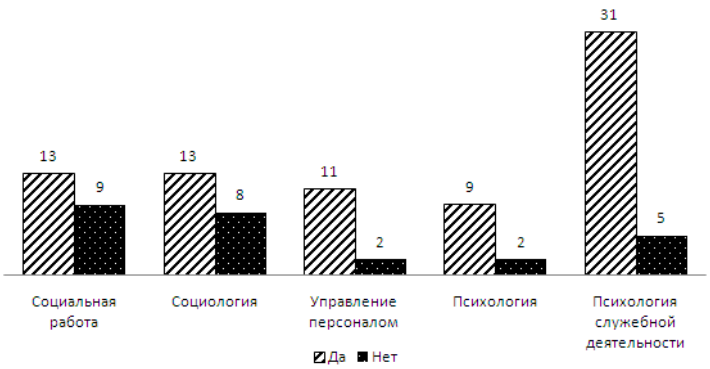

Рис. 1. Удовлетворенность выбранным направлением подготовки, чел.

обучению (отметили 17 человек) и престижностью получаемой специальности (14). Ожидания от получаемого образования прагматичны. Несколько раз в год на днях открытых дверей будущим студентам рассказывают о возможностях обучения и стажировок за границей. Эти возможности привлекают половину студентов-первокурсников. Действительно, студенты старших курсов и магистранты проходят стажировку в университете Дуйсбург–Эссен (Германия) и работают в сфере социального обслуживания. Включенность студентов не только в учебную деятельность позволяет раскрыть профессиональный потенциал, проанализировать зарубежный опыт. Почти половина студентов уверены, что полученное образование даст им широкие возможности выбора места работы. Необходимо отметить, что среди студентов-первокурсников этого направления подготовки наибольшее число тех, кто поступил на ФСН с надеждой на более легкую учебу, чем в других вузах или на других факультетах Нижегородского госуниверситета.

Основными мотивами выбора специальности студентами-социологами также стали ожидание интересной учебы (17) и более широких возможностей выбора места работы (11). Вторым по значимости мотивом для студентов этого направления выступает получение престижной специальности, которая им нравится. Этому способствуют учебные и производственные практики студентов, которые проходят в научно-исследовательских организациях, маркетинговых службах организаций, органах государственного и муниципального управления, коммерческих структурах, общественных организациях. Однако результаты исследования показали, что студенты этого направления подготовки менее всего уверены в том, что диплом об окончании ФСН ННГУ будет иметь вес именно там, где они хотели бы работать, и это та специальность, которая пользуется спросом.

Рейтинг мотивов выбора специальности студентами направления «Управление персоналом» во многом схож с рейтингом мотивов социальных работников. Отличительной чертой этих студентов является уверенность в возможности совмещения учебы с работой (отметили 8 из 13 студентов). Очевидно, что для этих студентов важны и прагматическая, и содержательная составляющие высшего образования. Выпускникам этого направления предоставляются широкие возможности трудоустройства менеджерами, психологами, бизнес-тренерами в известных организациях и на предприятиях не только Нижнего Новгорода, но и за его пределами.

Мотивы поступления на направление подготовки «Психология» отчасти схожи с мотивами студентов, выбравших направление «Управление персоналом». В качестве соображений, повлиявших на выбор именно этого направления, большинством первокурсников упоминались нравящаяся специальность и ожидание интересной учебы (по 10 отметок), а также престиж будущей профессии и возможность, по мнению студентов, совмещать учебу с работой (по 7 отметок).

Подготовка по направлению «Психология служебной деятельности» ведется на факультете социальных наук с 2014 г. Программа обучения ориентирована на подготовку высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов, вооруженных сил, подразделений МЧС, органов уголовно-исполнительной системы, специальных образовательных учреждений, социальных и психологических служб. Новое направление подготовки, обеспечивающее широкое поле профессиональной деятельности, вызывает повышенный интерес абитуриентов. На первый курс обучения на внебюджетные места в 2017 г. было зачислено 24 человека, кроме 18 по плану. Мотивы поступления характеризуются и интересом к специальности (отметили 30 человек), и ее престижем (33), и ожиданиями широких возможностей выбора места работы (29).

Удовлетворенность выбранным направлением подготовки и отношение к учебному процессу. Удовлетворенность выбранным направ-

Таблица 3

Положительные факторы в учебном процессе (множественный выбор), чел.

Факторы	«Социальная работа»	«Социология»	«Управление персоналом»	«Психология»	«Психология служебной деятельности»
Возможность узнавать новое по специальности	16	16	11	9	28
В учебном процессе все устраивает	14	3	7	4	12
Сам процесс обучения, интересные лекции	13	11	7	7	26
Общение с преподавателями на научные темы	8	2	4	5	8
Самостоятельная работа	4	0	0	0	2
Дискуссии на семинарских занятиях	3	10	5	2	12

Таблица 4

Негативные факторы в учебном процессе (множественный выбор), чел.

Факторы	«Социальная работа»	«Социология»	«Управление персоналом»	«Психология»	«Психология служебной деятельности»
Не нравятся некоторые преподаватели	7	10	3	5	14
Неудобное расписание	4	8	0	0	13
Не нравится система оценивания	3	3	2	1	4
Задают много домашнего задания	2	2	0	2	2
Неинтересно на занятиях	1	8	2	4	3

лением подготовки и интерес к учебе зависят от множества факторов, в том числе и от содержания учебного процесса и отношений с преподавателями. Высокий интерес к учебе демонстрируют студенты направлений «Управление персоналом», «Психология» и «Психология служебной деятельности» (рис. 1). Среди будущих социологов и социальных работников таких студентов чуть более половины.

Подробное рассмотрение самого учебного процесса дает более адекватное понимание ситуации удовлетворенности выбранным направлением подготовки. Студенты факультета социальных наук всех направлений подготовки отмечали как положительные, так и отрицательные стороны учебного процесса. Но стоит отметить, что положительные моменты отмечались с большей частотой.

Студентов всех направлений подготовки больше всего привлекает в учебном процессе возможность получать новые знания по специальности, а также сам процесс обучения, интересные лекции (табл. 3). При этом студенты направлений «Социология» и «Психология служебной деятельности» чаще других отмечают интерес к дискуссиям на семинарских занятиях. Стоит отметить низкий интерес студентов всех направлений к самостоятельной работе.

Наиболее выраженным негативным отношением к учебному процессу отличаются студенты направления «Социология» (табл. 4). Почти треть из них отмечают неинтересные занятия и неудобное расписание (по 8 отметок), почти половине не нравятся преподаватели (10). Только трое студентов удовлетворены всеми сторонами учебного процесса (табл. 3).

Трети студентов направления «Социальная работа» и почти половине психологов не нравятся некоторые преподаватели. На наш взгляд, этот аспект учебного процесса требует отдельного изучения и должен включать множество характеристик: актуальность учебного материала, использование современных методов обучения, возможность дискуссий, уважительные отношения между участниками учебного процесса, объективность оценок и личность преподавателя. Отметим, что в конце 1990-х гг. социологическая лаборатория ННГУ им. Н.И. Лобачевского проводила подобное исследование («Преподаватель глазами студентов», руководитель А.А. Иудин), в настоящее время системной работы в этом направлении не ведется. Психологи часто отмечают и неинтересные занятия.

Студенты направления подготовки «Управление персоналом» реже остальных студентов отмечали отрицательные аспекты учебного процесса, подтверждая высокую удовлетворенность выбранным направлением подготовки.

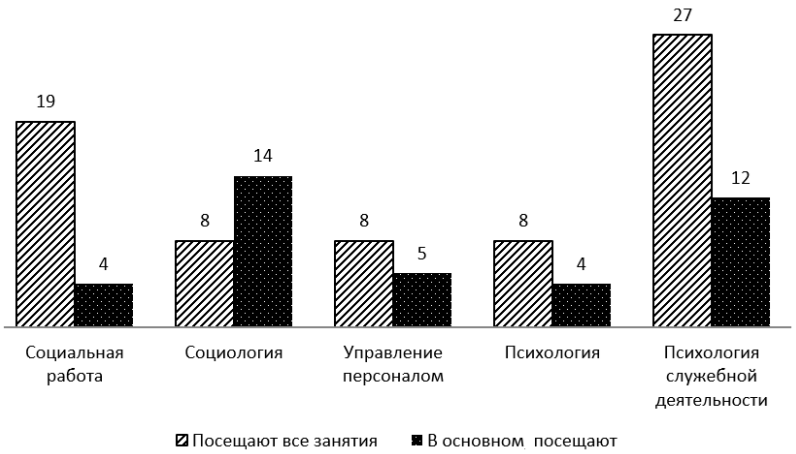

Рис. 2. Регулярность посещения учебных занятий, чел.

Стоит отметить, что такие отрицательные аспекты учебного процесса, как неудобное расписание, неинтересные занятия, много домашних заданий, некоторые преподаватели, были зафиксированы и в ходе социологического исследования 2013 г. [5, с. 604–605]. Это общая ситуация для студентов первого курса очной формы обучения Нижегородского госуниверситета, а не только для первокурсников факультета социальных наук: вчерашние школьники не сразу адаптируются к новым для них условиям, которые требуют самостоятельности, самоорганизованности и дисциплинированности.

Успеваемость студентов. Важными характеристиками учебной деятельности студента считаются посещаемость занятий и потраченное на самостоятельную подготовку к занятиям в университете время, от которых напрямую зависят академическая успеваемость и включенность в научно-исследовательскую деятельность.

Говоря о регулярности посещения учебных занятий студентами факультета социальных наук, отметим, что только студенты-социологи демонстрируют недисциплинированность в этом вопросе (рис. 2). В своем отношении к учебному процессу они последовательны: неинтересные занятия, неудобное расписание, нерегулярная посещаемость. Посещаемость учебных занятий студентами других направлений подготовки тоже нельзя назвать регулярной, но она менее критична.

Современные учебные планы предполагают значительное время на самостоятельную работу студентов, которая заключается не только в написании рефератов, эссе, курсовых и выпускных квалификационных работ, но и в подготовке к занятиям в вузе (семинары, дискуссии, доклады). Результаты проведенного исследования показали, что ежедневно на самостоятельную подготовку к занятиям студенты всех направлений тратят не более четырех часов. Напомним, что от 10 до 20% обучающихся всех направлений подготовки, кроме «Управления персоналом», вообще считают домашние задания отрицательной стороной учебного процесса.

Для самостоятельной подготовки к занятиям в университете студентам направления «Социальная работа» надо от 2 до 4 часов, студентам направления «Социология» – 3 часа, «Управление персоналом» – 4 часа, «Психология» – 3 часа, «Психология служебной деятельности» – 2–3 часа. Стоит напомнить, что речь идет о первокурсниках, и, возможно, требования, трудоемкость и сложность освоения материала на разных направлениях подготовки различна.

Успеваемость студентов зависит не только от профессиональной квалификации преподавателей, но и от отношения самих студентов к учебному процессу, а именно от посещаемости занятий, от затраченного на самостоятельную подготовку к занятиям времени, чтения научной литературы.

Затрачивая на самоподготовку в среднем по 3 часа в день, первокурсники демонстрируют хорошую успеваемость (табл. 5). Выставленные студентами в ходе социологического опроса оценки оказались правдивыми (это показала сверка с оценками за первую сессию в журнале успеваемости студентов). Среди всех студентов факультета социальных наук лучшие результаты показали студенты направлений «Управление персоналом» и «Психология служебной деятельности». Почти половина из них являются отличниками. Хуже успеваемость у социологов: треть студентов закончила сессию с удовлетворительными оценками. Напомним, что студенты первых двух направлений более мотивированы на получение конкретного образования и реализацию в профессиональной сфере, а студенты-социологи сомневаются в конкурентоспособности получаемой специальности на рынке труда.

Таблица 5

Успеваемость студентов первого курса факультета социальных наук, чел.

Направление	Отлично	Хорошо и отлично	Хорошо	Хорошо и удовлетворительно
«Социальная работа»	6	13	1	2
«Социология»	2	10	2	8
«Управление персоналом»	6	5	0	2
«Психология»	5	6	0	1
«Психология служебной деятельности»	1	21	7	9

Рис. 3. Профессиональные планы студентов, чел.

Успеваемость студентов напрямую зависит от их интереса к чтению научной литературы. Исследование показало, что только половина студентов всех направлений подготовки используют для самостоятельного изучения научную литературу (сборники научных трудов, научные статьи в Интернете, материалы конференций, семинаров, научные журналы). Диссертации и монографии у первокурсников факультета социальных наук пользуются меньшей популярностью.

Студенты направлений подготовки «Социальная работа» и «Социология» не проявляют повышенной активности в научной деятельности. Научную литературу читают лишь ради выполнения домашнего задания и для подготовки курсовых работ, лишь малая доля студентов этих направлений готова уделять внимание собственному развитию в научной сфере, изучая материал сверх рамок учебной деятельности. При этом студенты направлений «Управление персоналом», «Психология» и «Психология служебной деятельности» готовы уделять время не только для подготовки домашних заданий, но и для изучения научной литературы для собственного развития.

Планы студентов в отношении будущей профессиональной деятельности. Степень удовлетворенности студентов выбором специальности, на которой они обучаются, зависит, в том числе, от ожидаемых перспектив трудоустройства и возможности достижения материального благополучия в будущем [6, с. 156].

На профессиональные стратегии будущих выпускников влияют не только различные социальные факторы, но и осознанность выбора направления подготовки в университете. Яркой характеристикой удовлетворенности выбранным направлением подготовки и будущей профессиональной деятельности является оценка перспективы работы по специальности. Практически все студенты направлений подготовки «Управление персоналом» и «Психология» планируют в будущем работать по специальности (рис. 3). Седьмая часть студентов-первокурсников направления подготовки «Психология служебной деятельности» не связывают получаемое образование с будущей профессиональной деятельностью.

Если выбор направления подготовки был мотивирован возможностью необременительного учебного процесса и получением диплома о высшем образовании, естественно наблюдать неудовлетворенность выбранным направлением подготовки, негативное отношение к учебному процессу, нерегулярное посещение учебных занятий, пониженный интерес к научно-исследовательской деятельности и будущей профессии. Такая ситуация характеризует студентов направлений подготовки «Социальная работа» и «Социология»: четверть социальных работников (6 из 23) и треть социологов (8 из 22) не связывают будущую профессиональную деятельность с получаемой специальностью.

Стоит отметить, что в современных условиях процесс определения своей профессиональной идентичности происходит в течение всей жизни человека, что обусловлено целым рядом обстоятельств, в том числе постоянными изменениями содержания имеющихся профессий и расширением списка профессий, нестабильностью социально-экономической конъюнктуры и особенностями функционирования рынка труда [7, с. 89].

Выводы

Результаты исследования показали: основным мотивом получения высшего образования для студентов факультета социальных наук Нижегородского университета является не только желание быть образованными людьми, но и сам факт получения диплома о высшем образовании, т.к. большинство будущих выпускников уверены, что наличие высшего образования поможет сделать карьеру и найти достойное место работы. Выбор направления подготовки связан в первую очередь с ожиданием интересной учебы и широких возможностей выбора места работы. От степени удовлетворенности выбранным направлением подготовки во многом зависит и отношение студентов к учебному процессу, их успеваемость и посещаемость учебных занятий, мотивация к научной деятельности. Студенты направлений подготовки «Управление персоналом» и «Психология служебной деятельности» более мотивированы на получение конкретного образования и реализацию в профессиональной сфере, а студенты направления «Социология» сомневаются в конкурентоспособности получаемой специальности на рынке труда.

Список литературы

1. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2014. № 2. С. 90–107.

2. Ушакова Я.В. Структура выбора вуза и специальности абитуриентами // Молодежь как ресурс регионального развития: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Киров, 27–28 октября 2011 г.). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 600–601.

3. Ермилова А.В. Место науки в жизни и планах студентов (на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 2. С. 61–72.

4. Ушакова Я.В. Мотивация выбора вуза и специальности в контексте формирования человеческого капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. Т. 2. С. 612–617.

5. Зернов Д.В., Ушакова Я.В. Студенты об учебном процессе и научной деятельности // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2014. С. 603–607.

6. Краковецкая И.В., Сазонтова Н.А., Телегина И.П., Глухова Е.С. Исследование мотивов выбора специальности и готовности к будущей профессиональной деятельности студентов старших курсов университета // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1(21). С. 153–163.

7. Иудин А.А., Ситникова И.В. Современное студенчество: становление образа профессионального будущего // Социология образования. 2018. № 3. С. 89–103.

MOTIVATION OF THE CHOICE OF THE AREA OF STUDY AND STUDENTS' ATTITUDE TO THE EDUCATIONAL PROCESS

Ya.V. Ushakova, E.V. Morzavchenkova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In order to identify the level of students' interest in their studies and the degree of satisfaction with the chosen area of study, in the spring of 2018 a survey was conducted of first-year full-time students (n = 110) of the Faculty of Social Sciences of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod enrolled in five areas of study: «Social Work», «Sociology», «Personnel Management», «Psychology», «Psychology of Service Activities». The article examines the factors characterizing the attitude of students to higher education and the profession they are acquiring: the motives for obtaining higher education, the motives for choosing the area of study, the degree of satisfaction with the chosen profession, the attitude to the educational process, students' plans regarding their professional activities. A comparative analysis of the estimates of these parameters by students is given.

Keywords: motives for higher education, choice of the area of study, educational process, academic performance, students' professional strategies.

УДК 316

АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2019 г.

М.Г. Петрушков

Петрушков Михаил Георгиевич, аспирант отделения журналистики
Российско-Таджикского (Славянского) университета, Душанбе, Республика Таджикистан
M.G.Petrushkov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.11.2018
Статья принята к публикации 17.01.2019

Исследуются вопросы социальной защиты лиц с ограниченными возможностями: проведен анализ стратегических задач национальной программы и анализ современного состояния финансирования сферы социальной защиты ЛОВ; осуществлена сравнительная оценка возможности достижения ожидаемых результатов Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. и Программы среднесрочного развития Республики Таджикистан в области социальной защиты ЛОВ. Представлены практические рекомендации по внедрению ключевых компонентов рамок для перевода Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. на бюджетирование, ориентированное на результат.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями, государственная программа социальной защиты; финансирование, пособия по инвалидности; бюджетирование, ориентированное на результат.

Введение

В последнее время все большее внимание со стороны гражданского общества и государства уделяется вопросам социальной защиты, реабилитации и инклюзии людей с ограниченными возможностями (далее – ЛОВ). Исследования в области реализации государственных программ для создания равных условий социального обеспечения ЛОВ привлекают внимание и международной общественности. Важность результативности и эффективности реализации государственных стратегий и программ [1, 2] становится главным постулатом в процессах разработки и реализации государственной политики.

В Послании Президента Республики Таджикистан Э. Рахмон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 22.12.2017 г. отмечается: «…Необходимо придавать серьезное значение современным методам оценки принятых стратегий и программ, а программное финансирование в дальнейшем осуществлять по их результатам и эффективности…» [3].

Постановка задачи

Обзор проводимых исследовательских работ представителей гражданского общества различных стран в области социальной защиты, реабилитации и инклюзии людей с ограниченными возможностями свидетельствует о том, что в разных странах ситуация складывается по-разному. Но одно остается неизменным: бюджетные группы гражданского общества в особой степени заинтересованы в обеспечении доступа лиц с ограниченными возможностями к объектам социальной инфраструктуры и социальной помощи во всех сферах жизнедеятельности.

Управление результативностью для достижения желаемого конечного состояния является необходимым условием для разработки и реализации государственных программ, в частности в области социальной защиты ЛОВ.

Задачей проведенного исследования было определение эффективности основных направлений реализации государственной политики по социальному обеспечению и реабилитации ЛОВ и соответствия финансирования национальной программы реабилитации ЛОВ по установленным индикаторам в Таджикистане на современном этапе.

Цель исследования заключается в анализе и оценке современной ситуации в вопросах реализации государственных программ, с акцентом на финансировании программ как неотъемлемом условии обеспечения достижения ожидаемых результатов Национальной программы реабилитации инвалидов.

Особое внимание уделено анализу возможности достижения плановых индикаторов государственных программ в области социальной защиты и реабилитации инвалидов, что делает работу актуальной, особенно во время внедрения программного бюджетирования в секторах

здравоохранения, социального страхования и социальной защиты. Исследование охватывает лишь ограниченный круг вопросов, относящихся к более широкому кругу проблем по эффективному финансированию программ социальной защиты инвалидов и достижению ожидаемых результатов.

Проведенное исследование, посвященное оценке реализации Национальной программы реабилитации инвалидов на современном этапе с точки зрения программно-целевого финансирования, является в своем роде первым в Республике Таджикистан.

Исследовательская методика

Изучение вопросов финансирования национальных программ реабилитации лиц с инвалидностью и их связи с эффективностью социальной защиты, реабилитации и инклюзии людей с ограниченными возможностями в Республике Таджикистан проводилось на основе статистического, аналитического и синергетического подходов, позволивших исследовать социальную защиту и реабилитацию как сложный, поливариативный, поликомпонентный, инновационный, многофакторный вид системы социального обеспечения государства.

Результаты

ЛОВ являются неотъемлемой частью социума каждого государства. Численность инвалидов в мире продолжает расти в связи с различными факторами, такими как рост распространенности хронических заболеваний; рост распространенности непреднамеренных травм; эффективное лечение крайне тяжелых заболеваний, ранее приводящих к летальным исходам; рост продолжительности жизни и соответственное увеличение количества людей пожилого и преклонного возраста и т.д.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), в настоящее время свыше 1 миллиарда людей (15% населения всех стран мира), в том числе около 100 миллионов детей (5.1%), живут имея какую-либо форму инвалидности [4]. При этом инвалидность непропорционально поражает уязвимые слои населения и более распространена среди женщин, пожилых людей и бедных людей. Подавляющее большинство инвалидов, примерно 80%, живут в странах с низким уровнем дохода [4]. В связи с этим комплекс проблем, связанных с лицами с инвалидностью, выходит на первый план в «повестке дня» любого государства, особенно социального, в том числе и в Республике Таджикистан.

По данным государственной статистики, на конец 2016 г. в Республике Таджикистан численность инвалидов, состоящих на учете в органах социальной защиты населения, составила 144 886 человек, что на 2.5 тысячи человек больше, чем в предыдущем году. Ежегодно в стране свыше 7–8 тысяч человек впервые признаются инвалидами [5, с. 160–161]. Рост числа инвалидов в стране сопровождается ухудшением их материально-социального положения в связи с рядом причин, главными из которых являются сложное экономическое состояние республики, рост потребительских цен, недостаточное поступление средств в Пенсионный фонд (далее – ПФ) и Фонд социальной защиты населения (далее – ФСЗ). С одной стороны, это ведет к росту «давления» расходов на социальное обеспечение лиц с инвалидностью на государственный бюджет, с другой – к маргинализации лиц с инвалидностью и росту бедности среди этой уязвимой категории граждан.

Возникает непреодолимая, на первый взгляд, проблема обеспечения соответствующей социальной защиты ЛОВ. Сокращение финансирования социального обеспечения ЛОВ невозможно, ведь и так на современном этапе большая часть лиц с инвалидностью практически находится за чертой бедности и выживает лишь благодаря государственному социальному обеспечению. Снижение и без того невысокой пенсии по инвалидности и различных социальных пособий фактически поставит ЛОВ за грань выживания, что абсолютно недопустимо для современного социального государства.

В связи с этим в качестве экстренных, превентивных, антикризисных мер были внесены серьезные поправки в порядок освидетельствования лиц с инвалидностью, и на основе этого проведено полное медицинское переосвидетельствование лиц с инвалидностью в Республике Таджикистан. Итоги не заставили себя ждать: количество лиц с официально признанной инвалидностью в 2014 г. по сравнению с 2013 г. сократилось с 167.8 до 147 тысяч человек [5, с. 160], что привело, в свою очередь, к сокращению «нагрузки» на бюджет.

Однако события последующих лет показали, что данная мера может быть применена лишь в качестве паллиатива и то, по возможности, как можно реже. В отличие от официального, реальное количество лиц с инвалидностью от проведения переосвидетельствования практически не уменьшается, зато, вследствие отмены пенсии для определенных категорий, ухудшается социальное положение этих слоев населения в стране.

Именно поэтому, ввиду актуальности и нарастающей значимости для страны, возникает

необходимость выявления основных проблем реализации Государственной программы социальной защиты и реабилитации лиц с инвалидностью, их исследования сквозь призму инструментов бюджетных расходов и выработки рекомендаций (для соответствующих ведомств) по повышению эффективности Национальной программы социальной защиты ЛОВ.

Вопросы обеспечения социальной защиты инвалидов и создания равных возможностей для их жизнедеятельности и интеграции в общество в Республике Таджикистан регулируются следующими нормативно-правовыми актами:

– Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан, от 30 мая 2017 года, № 1413 [6];

– Национальная программа реабилитации инвалидов на 2017 – 2020 г., от 28 октября 2016 г., № 455 [1];

– Закон Республики Таджикистан «О социальной защите инвалидов», от 29 декабря 2010 г., №675 [7];

– Закон Республики Таджикистан «О страховых и государственных пенсиях», от 12 января 2010 г., № 595 [8];

– Закон Республики Таджикистан «О социальном обслуживании», от 5 января 2008 г., № 359 [9];

– Положение о медико-социальной экспертизе. Приложение к совместному распоряжению Министра труда и социальной защиты населения от 2 мая 2012 г., № 73, и Министра здравоохранения Республики Таджикистан от 2 мая 2012 г., № 189 [10];

– Порядок и объемы предоставления бесплатного социального обслуживания, от 13.12.2012 г. № 724 [11], от 02.07.2015 г. № 448 [12] и пр.

Необходимо отметить, что статус ЛОВ – «лиц с ограниченными возможностями» или «лиц с инвалидностью» юридически закреплен как на международном, так и на национальном уровне.

Юридические формулировки в различных нормативно-правовых актах Республики Таджикистан во многом повторяют определение ЛОВ, данное в основополагающем документе ООН – Конвенции о правах инвалидов: «К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» [13].

Статья 1 Закона РТ «О социальной защите инвалидов» [7] практически слово в слово повторяет определение Конвенции, демонстрируя на законодательном уровне стремление Таджикистана к унификации понятий и норм в соответствии с положениями международного права.

Выстраивая национальную систему социальной защиты, стремясь улучшить социально-экономическое и психологическое состояние граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию, в том числе связанную с ранее приобретенной или вновь полученной инвалидностью, Правительство Таджикистана в 2016 г. приняло крайне важный документ, ставший важнейшим компонентом национальной системы реабилитации инвалидов, – Национальную программу реабилитации инвалидов на 2017 – 2020 гг. (далее – НПРИ) [1].

Основные цели НПРИ заключаются в следующем:

– инклюзия лиц с инвалидностью;

– содействие в активном участии ЛОВ в хозяйственной, социальной, экономической, предпринимательской и иных видах деятельности;

– создание условий для увеличения доходов ЛОВ;

– улучшение жизни лиц с инвалидностью и снижение объема средств, выделяемых государством для обеспечения минимальных стандартов жизни ЛОВ.

Программа разрабатывалась как компонент реализации Таджикистаном целей устойчивого развития ООН [14], на основе базовых прав человека и личности, с учетом всех правовых документов и стратегий страны, внедряемых в последние годы, в частности, с учетом Закона РТ «О социальной защите инвалидов» [7]. Этот закон закрепил равное участие инвалидов в общественной жизни Таджикистана посредством обеспечения гарантированного доступа к услугам здравоохранения, реабилитации, образованию, трудоустройству, профессиональному обучению, к объектам культуры, спорта и развлечения, к транспорту, общественным местам и ИКТ.

Особое внимание НПРИ уделяет детям с инвалидностью. Это выражается в акценте на неукоснительном обеспечении равного доступа к образованию, ранее закрепленного в Национальной концепции инклюзивного образования для детей с ограниченными возможностями в Республике Таджикистан на 2011–2015 годы (утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2011 г., № 228) [15], обязывающей все образовательные учреждения Республики Таджикистан обеспечить доступ и получение образования детьми с инвалидностью без дискриминации.

Кроме того, в программу внесены положения Конвенции о правах инвалидов [13], к которой Таджикистан присоединился в феврале 2018 г.

Рис. 1. Стратегические направления Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. [1]

Так, например, законодательно закреплена императивная норма, направленная на устранение физических барьеров для лиц с инвалидностью: «Статья 25. Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры и транспортным средствам… 2. Планировка и застройка городов, других населенных пунктов, формирование жилых районов и зон отдыха, разработка проектных решений на новое строительство и реконструкцию зданий, сооружений и их комплексов без приспособления указанных объектов для доступа к ним инвалидов и использования их инвалидами не допускаются» [7].

Кроме того, в статьях 5–9 НПРИ определены задачи и полномочия на всех уровнях государственных и местных органов власти:

– уполномоченного государственного органа в области социальной защиты инвалидов (статья 5, предусматривающая среди прочего «*…принятие индивидуальных программ реабилитации инвалидов…*»);

– уполномоченного государственного органа сферы здравоохранения по социальной защите инвалидов (статья 6);

– уполномоченного государственного органа сферы образования по социальной защите инвалидов (статья 7, предусматривающая среди прочего «*…обеспечение бесплатного образования инвалидам…*» и обеспечение специалистами «*…в области социального обслуживания и реабилитации инвалидов, в том числе специалистов языка жестов и специального шрифта…*»);

– местных органов государственной власти по социальной защите инвалидов (статья 8, предусматривающая среди прочего «*…создание Общественного совета по координации вопросов социальной защиты инвалидов на территории областей, городов и районов*» и «*…принятие областных, городских и районных программ социальной защиты инвалидов, в том числе по социальному обслуживанию, реабилитации и занятости инвалидов*»);

– органов самоуправления поселков и сел в области социальной защиты инвалидов (статья 9) [7].

Основной упор Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. сделан на пяти стратегических направлениях (рис. 1) [1].

Наиболее важным, на наш взгляд, стратегическим направлением НПРИ следует считать третье направление – «Социальная защита», включающее приоритетную социально-экономическую поддержку и расширение спектра социально-реабилитационных услуг лицам с ограниченными возможностями.

Следует отметить, что Национальная программа реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. содержит План действий, включающий (в разбивке по стратегическим направлениям) перечень конкретных мероприятий и определяющий ответственные за их реализацию государственные органы, их партнеров, сроки и даже финансовые источники [1].

Однако, к сожалению, многие индикаторы данной программы представлены в качественном измерении и не связаны с конкретными финансовыми показателями, что создает проблему их исследования и оценки на практике.

Необходимо отметить, что НПРИ была разработана с целью содействия достижению межсекторальных индикаторов Программы среднесрочного развития РТ на 2016–2020 гг. (далее – ПСР). В связи с этим мы сделали попытку свя-

Таблица 1

Некоторые ожидаемые индикаторы социального обеспечения и реабилитации инвалидов на период до 2020 г. [1] (согласно Плану Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг.)

Индикатор	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1. Доля людей с инвалидностью, получивших технические вспомогательные средства реабилитации, %	50	56	62	68	74	80
2. Рост реального размера пособий, %	На 3–5% ежегодно					
3. Количество программ реабилитации в сообществах для лиц с инвалидностью, ед.	10	16	22	28	34	40
4. Увеличение числа и доли инвалидов, направленных на реабилитационные услуги, %	К 2018 г. минимум на 5% ежегодно					
5. Увеличение услуг реабилитационных центров инвалидам, %	К 2018 г. на 5% ежегодно					
6. Увеличение количества программ реабилитации, ед.	К 2018 г. до 20 на уровне общин и 10 на уровне джамоатов					

Таблица 2

Масштаб распространенности инвалидности в Республике Таджикистан (2010–2016 гг.)

Наименование показателя	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Общая численность населения, млн чел.	7.62	7.80	7.98	8.16	8.35	8.55	8.74
Масштаб распространенности инвалидности							
Всего инвалидов, чел.[1]	161341	171447	166593	167865	147048	142382	144866
Инвалидов на 10 000 чел. населения	21	22	21	21	18	17	17
Дети-инвалиды до 18 лет	24013	30133	26226	24493	24982	23749	24870
Детей-инвалидов на 10 000 детей	71.7	86	99	69	73	69	67
Инцидентность инвалидности							
Зарегистрировано новых случаев (всего)	12899	12194	8085	9320	7722	7700	8006
На 10 000 чел. населения	28.8	26.4	16.8	18.9	15.5	14.9	15.2

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан, 2017.

зать некоторые ожидаемые количественные индикаторы реализации НПРИ (в части выполнения стратегического направления №3 «Социальная защита») с индикаторами ПСР. Результаты проведенной работы представлены в табл. 1, составленной на основе плана действий Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. и Программы среднесрочного развития РТ на 2016–2020 гг.

Судя по индикаторам табл. 1, перед ответственными органами (в частности, перед Министерством здравоохранения и социальной защиты населения и Государственным агентством социальной защиты населения) поставлена непростая задача по улучшению социального обеспечения инвалидов в рамках ведущих государственных программ.

Возникает закономерный вопрос: *возможно ли достижение этих декларируемых индикаторов в условиях отсутствия программного финансирования, ориентированного на результат?*

Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся оценить возможность достижения ожидаемых индикаторов социальной защиты и реабилитации инвалидов на практике при имеющихся современных условиях бюджетного финансирования.

По данным государственной статистики, количество инвалидов за последние годы значительно сократилось (табл. 2). Если в 2010 г. было официально зарегистрировано 161.3 тыс. инвалидов, то на конец 2016 года эта цифра составила 144.8 тыс. человек (сокращение на 11.3%) [5, с. 161].

Из данных табл. 2 следует, что соотношение *численности инвалидов, получающих пенсии по инвалидности и социальные пенсии, к общей численности населения* страны за анализируемый период сократилось на 0.5% и составило 1.6% в 2016 г. Однако, несмотря на кажущееся благополучие, ежегодно свыше 7–8 тыс. человек впервые признаются инвалидами.

Показатели *«инвалидизации» среди детей до 18 лет* в Таджикистане, к сожалению, существенно не изменились и продолжают сохраняться в последние 6 лет на довольно высоком уровне. Количество детей-инвалидов в 2016 г. по сравнению с 2010 г. увеличилось на 857 человек, а по сравнению с предыдущим 2015 г. –

на 1121 человек. В целом, если на 10 тыс. человек приходится в общем 17 инвалидов, то на 10 тыс. детей – 67 детей-инвалидов [5, с. 162]. Это соотношение свидетельствует о высокой доли инвалидности среди детей.

Необходимо отметить, что при первом взгляде на представленные в табл. 2 данные, особенно у непосвященных в проблему людей, может сложиться неверное мнение об уменьшении числа инвалидов, а следовательно, об уменьшении самой остроты проблемы инвалидности в Таджикистане. Причина столь радужных изменений, однако, кроется в трех факторах:

1. В 2012 г., в соответствии с введенными изменениями в методологию сбора данных, дети младше 2 лет перестали регистрироваться как лица, имеющие инвалидность, а были закреплены за учреждениями услуг раннего вмешательства.

2. В 2012 г., в соответствии с Положением о медико-социальной экспертизе (Приложение к совместному распоряжению Министра труда и социальной защиты населения от 2 мая 2012 г., № 73 и Министра здравоохранения Республики Таджикистан от 2 мая 2012 г., № 189) [10] началось тотальное переосвидетельствование инвалидов в Республике Таджикистан, вследствие которого многим официально зарегистрированным инвалидам была изменена группа инвалидности, а часть лиц, ранее имевших официально признанную инвалидность, и вовсе лишились ее.

3. В соответствии с вышеупомянутым Положением, некоторые заболевания были исключены из перечня заболеваний, на основании наличия которых обратившимся производилось присвоение соответствующей группы инвалидности, либо были введены критерии тяжести заболеваний, дающих право претендовать на присвоение группы инвалидности при освидетельствовании.

В качестве примера можно привести заболевание сахарным диабетом. Начиная с мая 2012 г. Положение о медико-социальной экспертизе в качестве основания для признания человека инвалидом признает только наличие тяжелейших форм сахарного диабета, причем в состоянии декомпенсации, хотя ранее даже начальные формы диабета были основанием для обращения за освидетельствованием.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в связи с весьма ощутимым для населения страны бременем временных, финансовых, административных и иных затрат на получение статуса «лицо с инвалидностью» вкупе с низкой правовой грамотностью и скромным объемом предоставляемой помощи многие таджикистанцы с ограниченным возможностями не обращаются в соответствующие государственные инстанции для присвоения им официального статуса «инвалид».

Это, в свою очередь, дает основание различным независимым экспертам делать предположение о том, что реальное количество инвалидов в Республике Таджикистан «перешагнуло отметку в 3% от всего населения страны» и в количественном выражении приближается к отметке в 300 тысяч человек.

Приходится констатировать, что ответы на вопросы, связанные с инвалидностью, несмотря на кажущуюся открытость данных, являются тайной «за семью печатями».

В соответствии с законодательством, за счет средств республиканского бюджета происходит финансирование большинства услуг для инвалидов, в том числе в учреждениях стационарного, нестационарного типа и центрах по дневному уходу. Но лишь по отдельным фрагментам можно приблизительно оценить картину финансирования инвалидов в Республике Таджикистан. Картина эта, к сожалению, пока не очень радужная, несмотря на то, что, на первый взгляд, есть положительная динамика. Рассмотрим эту ситуацию более подробно.

В условиях отсутствия надлежащей инфраструктуры для социализации инвалидов возрастает роль отделений социальной помощи на дому. Общеизвестно, что многие программы реабилитации инвалидов с ограниченным передвижением осуществляются посредством отделений социальной помощи на дому. В задачи отделений входит охват инвалидов необходимыми социальными и реабилитационными услугами. На сегодняшний момент в республике зарегистрировано всего 39 отделений социальной помощи на дому. По данным статистики, число отделений с 2015 г. сократилось на 1 единицу, но сохранило увеличение в 2 ед. по сравнению с 2010 г. [5, с. 164].

К сожалению, одновременно с сокращением количества отделений социальной помощи на дому, за последние два года наблюдается и сокращение числа социальных работников. В 2016 г. их численность составила 645 человек, сократившись по сравнению с предыдущим годом на 43 человека. При этом наряду с сокращением числа социальных работников наблюдается увеличение численности обслуживаемых инвалидов. Если в 2015 г. на дому обслуживалось 5053 чел., то в 2016 г. эта цифра увеличилась на 45 чел. и составила 5096 чел. [5, с. 157].

Таким образом, если анализировать достижение реализации ожидаемых *индикаторов социального обеспечения и реабилитации инвалидов* (индикаторы 3 и 4 в табл. 1) [1], заявленных в НПРИ и ПСР, то можно сделать вывод о том,

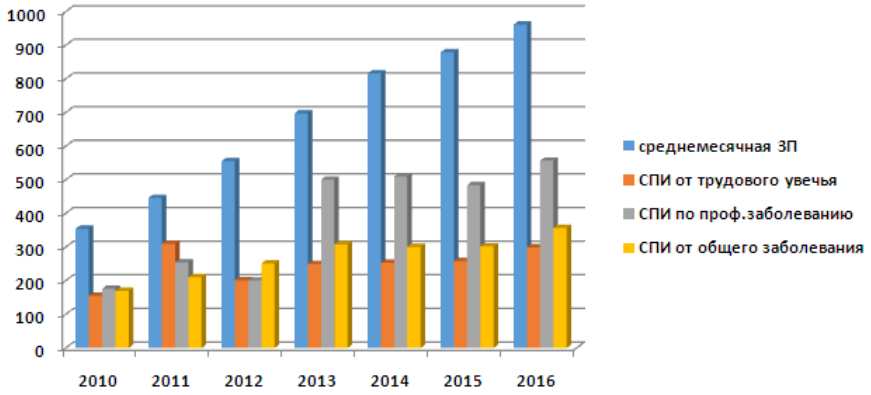

Рис. 2. Сравнение среднемесячной заработной платы со среднемесячной пенсией по инвалидности (в реальных величинах относительно к базисному 2010 году)
Источник: рассчитано автором на основе данных статистического ежегодника Республики Таджикистан, 2017 [5, с. 167]

что *планируемые показатели «ежегодно на 5% увеличивать число инвалидов, охватываемых реабилитационными услугами», скорее всего, не будут достигнуты!* Итог неутешителен: за 2015–2016 гг. количество отделений социальной помощи на дому сократилось на 2.5%, число социальных работников сократилось на 6.2%, а охват инвалидов реабилитационными услугами возрос всего лишь на 0.9%.

Пенсии по инвалидности и социальные пенсии составляют основу социального обеспечения инвалидов. Согласно официальным данным, в отношении пенсий для инвалидов картина вполне благоприятная. Так, на пенсии по инвалидности в 2016 г. было выделено 501 237 тыс. сомони, а в 2017 г. – 502 451 тыс. сомони. На первый взгляд вновь можно констатировать увеличение объемов финансирования на 1.214 млн сомони, или 0.24% [16].

Однако если сделать поправку на официальные показатели инфляции – 6.7% [17], то необходимый объем финансирования должен быть почти 535 млн сомони (534 819 879 сомони). Таким образом, можно констатировать, что с учетом уровня инфляции в 2017 г. имеет место недофинансирование пенсий по инвалидности в объеме около 32.37 млн сомони, или 6.46% в сравнении с объемами финансирования 2016 г.

Но насколько пенсии по инвалидности удовлетворяют социальные запросы лиц с ограниченными возможностями?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы провели сравнительный анализ величин среднемесячной заработной платы и среднемесячной пенсии по инвалидности в республике (рис. 2). Нами была осуществлена попытка провести анализ реальных показателей среднемесячной заработной платы в сравнении со среднемесячной пенсией по инвалидности.

Согласно данным, представленным на рис. 2, среднемесячная пенсия по инвалидности (на 2016 г.) меньше среднемесячной заработной платы в 1.5 – 3 раза, в зависимости от причины получения инвалидности. Реальный размер среднемесячной заработной платы и среднемесячных пенсий по инвалидности увеличился с 2010 г. в 1.5–2 раза.

Самый высокий размер среднемесячной пенсии по инвалидности составляет пенсия по инвалидности по профессиональному заболеванию – ее номинальный размер равен 556.9 сомони, а реальный размер с учетом инфляции – 394.4 сомони по сравнению с базовым 2010 г.; на втором месте реальный размер пенсии по инвалидности от общего заболевания – 252.7 сомони и наименьший размер у пенсии по инвалидности от трудового увечья – 212.1 сомони.

Отметим также, что за последние 6 лет среднемесячная заработная плата увеличилась почти на 92% – до 681.1 сомони в 2016 г., пенсия по инвалидности от трудового увечья – на 36%, до 212.1 сомони, пенсия по инвалидности по профессиональному заболеванию – на 24%, или до 394.4 сомони, пенсия по инвалидности от общего заболевания – на 49%, или до 252.7 сомони в 2016 г.

Эти цифры свидетельствуют, с одной стороны, о положительной динамике увеличения среднего размера пенсий, но с другой – о значительном разрыве между размерами пенсий по инвалидности по отдельным категориям: работники сферы производства, получившие трудовые увечья, вынуждены получать наиболее низкий размер пенсий. И это несмотря на то, что у всех категорий граждан, по сути, единые социальные нужды и запросы.

Не менее важным показателем развития социального обеспечения инвалидов на период до 2020 г. следует считать *рост реального размера пособий по инвалидности и социальных пособий* (индикатор 2, табл. 1).

Таблица 3

Выделение субсидий на социальное обеспечение и социальную помощь, млн сомони

Социальные субсидии населению	2015			2016			2017 (III квартал)		
	План	Исполнение	Отклонение (+, –)	План	Исполнение	Отклонение (+, –)	План	Исполнение	Отклонение (+, –)
Субсидии на социальное обеспечение	0.4	0.4	0.0	0.19	0.02	–0.17	0.03	0.02	–0.01
Субсидии на социальную помощь	186.7	177.7	–9	223.4	184.4	–39.0	189.8	118.0	–71.8
Всего	187.1	178.1	–9.0	223.59	184.42	–39.17	189.83	118.2	–71.81

Источник: отчеты по исполнению государственного бюджета Республики Таджикистан за 2015, 2016 и 3-й квартал 2017 г. Министерство финансов Республики Таджикистан.

Отметим интересный факт: Инструкция по группировке доходов и расходов государственного бюджета РТ, утвержденная Приказом Министра финансов РТ от 26 января 2015 г., № 173, предписывает группировку расходов раздела социального страхования, включая пособия по инвалидности в бюджетных документах [18]. Однако анализ отчетов по исполнению государственного бюджета показывает, что в опубликованных отчетах министерства нет данной группировки по пособиям в отношении ЛОВ, что создает трудности в оценке и анализе данной категории.

Учитывая это, мы в своем исследовании постарались оценить ситуацию с финансированием расходов на ЛОВ, анализируя совокупные субсидии на социальное обеспечение и социальную помощь на основе данных по исполнению государственного бюджета. Ввиду того, что отчеты предыдущих лет не содержат данную информацию, мы смогли сгруппировать данные только за 2015–2017 гг. (табл. 3) [16].

Согласно данным табл. 3, за последние годы объем выделенных субсидий на социальное обеспечение, в том числе и ЛОВ, имеет тенденцию сокращения. Так, если в 2015 г. фактически было выделено 0.4 млн сомони, то в 2016 г. объем фактического финансирования сократился по сравнению с 2015 г. в 20 раз – до 0.02 млн сомони.

Объем субсидий на социальную помощь в 2016 г., несмотря на невыполнение плана в 39 млн сомони, фактически увеличился на 3% по сравнению с 2015 г. и составил 184.4 млн сомони, однако в пересчете на одного инвалида этот рост является незначительным увеличением.

Не менее тревожным фактом, выявленным в ходе наших расчетов и анализа отклонений от исполнения государственного бюджета на социальные субсидии, является перманентный рост недофинансирования утвержденных объемов субсидий на социальное обеспечение и социальную помощь.

Так, в 2015 г. всего из государственного бюджета было недофинансировано субсидий на 9 млн сомони (4.82% от запланированного объема), в 2016 г. – на 39.12 млн сомони (17.5% от запланированного объема), а в 2017 г. эта отрицательная тенденция не только сохранилась, но даже и увеличилась до 71.81 млн сомони (37.8% от запланированного объема).

Это создало крайне опасную ситуацию: за последних три года (2015, 2016 и 2017 гг.) отрицательное сальдо между запланированным и фактическим объемами составило 119.98 млн сомони, или почти 20% от объема запланированных субсидий на социальное обеспечение и социальную помощь ЛОВ в Таджикистане.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что *индикатор роста реального размера социальных пособий инвалидов в запланированном размере «увеличение на 3–5% ежегодно» (индикатор 2 в табл. 1) также не достигается*.

По результатам анализа данных табл. 3 можно также сделать предположение о том, что общая тенденция недофинансирования социальных субсидий и социальной помощи характерна и для социальной помощи для отдельных категорий инвалидов.

Ввиду того, что социальные субсидии в нынешнем размере и так не покрывают расходы личного и семейного бюджетов ЛОВ, приходится констатировать: *выявленное сокращение расходов государственного бюджета на ЛОВ оказывает серьезное негативное влияние на качество жизни данных уязвимых слоев населения, ставя под угрозу достижение целей и планов руководства Республики Таджикистан, закрепленных в различных нормативно-правовых актах.*

Следующим объектом нашего исследования стали *центры восстановления людей с ограни-*

Рис. 3. Финансирование реабилитационных центров из государственного бюджета (млн сомони)

Источник: отчеты по исполнению государственного бюджета Республики Таджикистан за 2014–2016 гг. и 3-й квартал 2017 г. Министерство финансов Республики Таджикистан

ченными возможностями, в том числе центры ортопедической реабилитации, которые представляют важную институциональную основу социального обеспечения инвалидов.

С целью прояснения ситуации по поводу достижения ожидаемых результатов, связанных с *увеличением количества ЛОВ, получающих услуги в реабилитационных центрах* (индикатор № 5, табл. 1), был проанализирован объем финансирования реабилитационных центров из государственного бюджета (рис. 3) [16].

Проведенный анализ свидетельствует об увеличении запланированного объема финансирования реабилитационных центров из государственного бюджета за последние годы.

Так, например, если в 2014 г. плановые показатели финансирования составляли 6.8 млн сомони, то в 2016 г. они выросли на 58% и составили уже 10.8 млн сомони. Объем фактического финансирования реабилитационных центров также имеет тенденцию постепенного увеличения: 5% в 2015 г. и 31% в 2016 г.

Однако, наряду с положительной динамикой, наблюдается ситуация недофинансирования данных центров из государственного бюджета: в 2016 г. из 10.8 млн сомони запланированных расходов было недофинансировано 1.3 млн сомони (12% от общего планового объема), в III квартале 2017 г. эта величина составила 0.8 млн сомони (9.8% от планового объема).

Таким образом, на основе анализа рис. 3 можно сделать вывод о том, что за последние годы, несмотря на увеличение запланированных объемов, наблюдается недофинансирование реабилитационных центров поддержки инвалидов, негативный эффект которого усиливает инфляция, рост расходов на функционирование этих центров и т.п.

Не менее важным показателем государственных расходов на социальную защиту инвалидов следует считать финансирование учреждений социального обслуживания инвалидов. В учреждения социального обслуживания входят дома-интернаты для престарелых и инвалидов, а также дома-интернаты для детей с физическими недостатками, где в рамках ожидаемых результатов НПРИ и ПСР должны создаваться *программы реабилитации лиц с инвалидностью,* что, соответственно, ведет к увеличению *числа ЛОВ, охваченных реабилитационными услугами* (индикаторы 4 и 5 в табл. 1). В связи с этим в исследовании был проанализирован объем финансирования учреждений социальной защиты из государственного бюджета (табл. 4) [16].

Обратим внимание на финансирование учреждений социального обслуживания для детей, взрослых и престарелых, так как они больше всего вовлечены в процесс предоставления социально-реабилитационных услуг инвалидам. Согласно данным табл. 4, больше всего средств выделяется на деятельность учреждений социального обслуживания для взрослых. Если в 2016 г. на данные учреждения было выделено 10.3 млн сомони, то на учреждения социального обслуживания для детей и престарелых 9.8 и 5.8 млн сомони соответственно.

Наибольшее увеличение объема государственных расходов (по сравнению с 2014 г.) также приходится на учреждения социального обслуживания для взрослых (увеличение на 60%); более скромное увеличение объемов финансирования – на учреждения для обслуживания детей (увеличение на 13%) и на учреждения для престарелых (16%).

Это, на наш взгляд, при отмеченных выше (табл. 2) сохраняющихся высоких показателях «инвалидизации» детей (гораздо выше, чем аналогичные показатели среди взрослых и престарелых), свидетельствует о необходимости корректировки приоритетов в вопросах финансирования учреждений социального обслу-

Таблица 4

Финансирование учреждений социальной защиты из государственного бюджета, млн сомони

Учреждения социальной защиты	2014		2015		2016		2017 (III квартал)	
	Исполнение	Отклонение (+, –)	Исполнение	Отклонение (+, –)	Исполнение	Отклонение (+, –)	Исполнение	Отклонение (+, –)
Учреждения социального обслуживания для детей	8.6	0.0	11.1	0.0	9.8	–1.1	9.5	–0.3
Учреждения социального обслуживания для взрослых	6.4	–0.3	6.8	0.0	10.3	–1.2	8.0	–1.1
Учреждения социального обслуживания для престарелых	5.0	0.0	5.4	0.0	5.8	–0.9	4.2	–0.3
Санатории и профилактории	3.1	0.0	4.1	0.0	3.4	–0.3	2.9	–0.2
Другие учреждения по социальной защите	3.8	–0.1	3.2	0.0	3.1	–0.4	2.2	–0.3
Другие учреждения по социальной защите, не включенные в другие категории	–	–	1.1	–1.7	1.3	–0.4	1.1	–0.2
Всего	26.9	–0.4	31.7	–1.7	33.6	–4.3	28.0	–2.4

Источник: отчеты по исполнению государственного бюджета Республики Таджикистан за 2014–2016 гг. и 3-й квартал 2017 г. Министерство финансов Республики Таджикистан.

живания и смещения акцентов на финансирование учреждений для ДОВ (детей с ограниченными возможностями) [16].

На основе анализа данных табл. 4 можно сделать вывод о положительной тенденции увеличения объема финансирования учреждений социального обслуживания и социальной защиты населения.

Объем финансирования учреждений в 2016 г. по сравнению с 2014 г. вырос на 6.7 млн сомони. Ежегодный номинальный прирост финансирования данных учреждений составил 17% в 2015 г. и 5% в 2016 г. Фактический прирост составил +11.2% в 2015 г. и –0.9% в 2016 г.

Можно ли при таких показателях надеяться на достижение ожидаемых результатов *по увеличению доли инвалидов, направленных на реабилитационные услуги*? Или на *увеличение количества и качества этих услуг в рамках запланированного 5% ежегодного прироста*?

Однозначно на этот вопрос ответить трудно, однако, скорее всего, нет.

Конечно, рост объемов финансирования создает предпосылки для создания дополнительных реабилитационных программ в данных учреждениях социальной защиты и обслуживания, однако недофинансирование данной сферы социального обслуживания ЛОВ в совокупности с влиянием других экономических факторов, таких как инфляция и рост капитальных и прочих затрат самих учреждений, неизбежно создает угрозу достижению заявленных результатов.

Объем недофинансирования социальных учреждений вырос на 7.5% по сравнению с 2014 г. и составил 4.3 млн сомони в 2016 г. В 2016 г. учреждения социального обслуживания для детей были недофинансированы на сумму 1.1 млн сомони (10% от запланированного объема), учреждения для взрослых – на 1.2 млн сомони (10.4% от плана) и учреждения для престарелых – на 0.9 млн сомони (13.4% от плана).

В 2017 г. для содержания учреждений для инвалидов выделено 57 млн сомони, что на 1 млн. сомони больше объемов финансирования 2016 г. Казалось бы, налицо положительная динамика номинального роста финансирования почти в 2%, однако с учетом темпов инфляции, составившей 5.9% в 2016 г., реальная картина выглядит удручающе – сокращение объемов реального финансирования на 3.9%.

Принимая во внимание только цифры официальной инфляции – 6.7% [17] за 2017 г., для сохранения объемов финансирования на уровне 2016 года необходимо было выделить 59.75 млн сомони.

Таким образом, приходится констатировать, что, с учетом уровня инфляции в 2017 г., имеет место недофинансирование учреждений для ЛОВ в объеме 2.75 млн сомони, или почти 5% по сравнению с объемами финансирования 2016 г., что, в свою очередь, наглядно свидетельствует о недостаточности государственных расходов на деятельность учреждений социального обслуживания и защиты.

Не радует ситуация и в сфере обеспечения инвалидов протезно-ортопедическим оборудованием (протезами, ортезами, инвалидными колясками и другими устройствами для передвижения и техническими вспомогательными средствами) [16]. Так, в 2016 г. для обеспечения 3 045 инвалидов было выделено 2 147 902 сомони, что составило 705.39 сомони на одного нуждающегося инвалида. В 2017 г. 4 247 инвалидов для обеспечения протезно-ортопедическим оборудованием получили 2 408 004 сомони, что составило всего лишь 566.99 сомони на одного инвалида. Даже без учета инфляции и роста цен сокращение финансирования составило 138.4 сомони в расчете на одного инвалида, что свидетельствует о сокращении финансирования инвалидов, нуждающихся в протезно-ортопедическом оборудовании, в 2017 г. по сравнению с показателями 2016 г. почти на 20%. Таким образом, несмотря на кажущееся увеличение количества лиц с инвалидностью, которым выделены средства для обеспечения протезно-ортопедическим оборудованием, в связи с инфляцией, ростом цен на протезно-ортопедическое оборудование и сокращением финансирования в расчете на одного инвалида можно констатировать факт недостаточности усилий для достижения ожидаемых индикаторов *увеличения доли людей с инвалидностью, получающих технические вспомогательные средства реабилитации* (индикатор № 1 табл. 1).

Отметим, что рассмотренные выборочные индикаторы не дают полноценной картины государственного обеспечения инвалидов в Республике Таджикистан, тем не менее они наглядно свидетельствуют о недостаточности государственной поддержки инвалидов в стране.

Казалось бы, на законодательном уровне проблема социальной помощи и реабилитации инвалидов до 2020 г. решена, и необходимо лишь обеспечить реализацию НПРИ. Однако, как показывает анализ финансовой составляющей программы, в очередной раз финансовая сторона, как это зачастую наблюдается с большинством программ в Республике Таджикистан, оказалась непродуманной и непроработанной. Соответствующие статьи расходов бюджета для реализации НПРИ не закреплены в соответствии со стратегией перехода на программное бюджетирование, отсутствуют четкие финансовые индикаторы реализации программы и т.п.

В связи с этим возникают закономерные опасения, что к моменту завершения срока реализации НПРИ из-за отсутствия четких количественных и финансовых индикаторов реализации этой программы будет невозможно оценить ее эффективность, продемонстрировать наличие или отсутствие качественных изменений в жизни лиц с инвалидностью, степень увеличения интеграции ЛОВ в социально-экономическую жизнь общества, да и в целом эффективность системы социальной защиты ЛОВ в Республике Таджикистан.

Что же следует предпринять для того, чтобы повысить эффективность реализации Национальной программы реабилитации инвалидов?

Заключение

На наш взгляд, необходим безотлагательный переход финансирования Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 годы [1] (впрочем, как и остальных национальных программ) *на бюджетирование, ориентированное на результат* (далее – БОР).

Практически во всех развитых странах и ряде развивающихся стран, таких как, например, Сингапур, который можно считать примером лучшей практики в этой области, внедрена система БОР [19]. *Бюджетирование, ориентированное на результат (или программно-целевое бюджетирование), по сути дела, представляет собой управление результативностью для достижения желаемого конечного состояния.*

Бюджетный процесс, ориентированный на результат, в конечном итоге должен иметь следующие характеристики:

1. Ориентированность на результат пронизывает стратегии, процессы, организационную культуру и принимаемые решения;
2. Информация, меры, цели, приоритеты и деятельность имеют отношение к приоритетам правительства и благосостоянию общества;
3. Информация, относящаяся к производительности, решениям, правилам и процессам, прозрачна – легкодоступна, легка в использовании и понятна;
4. Цели, программы, мероприятия и ресурсы согласуются с приоритетами и желаемыми результатами;
5. Решения и процессы основываются на своевременных, точных и значимых данных;
6. Практика устойчива с течением времени;
7. Управление производительностью преобразует организацию, ее управление и процесс разработки мер политики.

По данным Министерства финансов Республики Таджикистан, начиная с января 2018 г. в республике запущена реализация программного бюджетирования в секторах образования, здравоохранения, социального страхования и социальной защиты, топливно-энергетического комплекса, сельского хозяйства, рыболовства, транспорта и коммуникаций.

Согласно статье 7 Закона Республики Таджикистан «О государственном бюджете Рес-

публики Таджикистан на 2018 год» [20] впервые в практике устанавливаются расходы республиканского бюджета на 2018 г. по программной классификации [18]. В Приложении 2 закона приведена межведомственная классификация по финансированию программ, в частности, в секторах здравоохранения, социального страхования и социальной защиты. Отрадно, что начиная с 2018 финансового года появится возможность анализировать данные бюджетных расходов по программной классификации. В приложении представлены дополнительные статьи расходования финансовых средств по отдельным программам:

– HIA004: Лечение нуждающихся в санаториях – 40 млн сомони;

– HIA005: Переподготовка и повышение квалификации работников сферы социальной защиты в профилакториях – 907 тыс. сомони;

– HIA006: Социальное обслуживание детей и взрослых в центрах дневного пребывания – 8 млн сомони и пр. [20].

Увы, как и ранее, данный программный компонент не содержит группировку пособий по инвалидности, нарушая положения инструкции по группировке доходов и расходов государственного бюджета РТ.

Следовательно, с целью мониторинга выполнения ожидаемого роста реальных пособий по инвалидности (индикатор 2 в табл. 1) необходимо включить эту статью в текущие квартальные, полугодовые и годовые отчеты по исполнению государственного бюджета. Это, на наш взгляд, даст возможность оценить объем расходования финансовых средств из государственного бюджета для достижения ожидаемых результатов НПРИ.

Но особенности БОР заключаются не только в этом. *Бюджетирование, ориентированное на результат (или программно-целевое бюджетирование)* сосредоточено на четко обозначенных *промежуточных результатах* (т.е. продуктах и услугах, оказываемых пользователям или потребителям) и *конечных результатах* (т.е. последствиях выполненной деятельности). Традиционные же методы бюджетирования, например бюджетирование отдельных позиций, обычно ориентированы на использование исходных затрат (ресурсов), однако нет уверенности в том, что при этом будут достигнуты хорошие результаты.

Особенность БОР заключается в том, что вместе с дополнительными мерами, например инструментами мониторинга, этот подход увеличивает возможность достижения ожидаемых конечных результатов, а также обеспечивает гарантии качества при предоставлении государственных услуг, поскольку граждане и потребители имеют более четкие ожидания в отношении услуг, обещанных правительством.

Ключевые компоненты рамок для перевода Национальной программы реабилитации инвалидов на 2017–2020 гг. на БОР должны, по нашему мнению, включать:

1) смету расходов на выполнение всех мероприятий или программ;

2) не только конечные, но и промежуточные показатели результативности;

3) системы отчетности и мониторинга результативности, неотъемлемой частью которых являются:

– механизмы измерения промежуточных и конечных результатов, а также эффективности бюджетной деятельности;

– конкретные количественные и качественные индикаторы и программные цели, непосредственно связанные со стратегическими целями страны;

– мониторинг сопоставимых и сравнимых показателей во временной динамике;

– понятные, доступные термины, не допускающие разных (в первую очередь превратных или манипулятивных) толкований;

– информация, требуемая для оценки результативности и возможности корректировки подпрограмм и направлений в целях повышения результативности выполнения всей национальной программы.

При наличии таких рамок лица и уполномоченные ведомства, ответственные за выработку и реализацию государственной политики, смогут лучше и эффективнее контролировать процесс бюджетирования, а также выделять ресурсы в соответствии с приоритетами правительства.

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы отметить, что, хотя перечень услуг для инвалидов в последние годы вырос, существующие услуги все еще остаются недостаточными для удовлетворения потребностей ЛОВ как в количественном, так и в качественном отношении.

Проблемы и негативные тенденции, требующие выработки комплексного решения, можно сгруппировать следующим образом:

– недостаточное финансирование сфер здравоохранения, реабилитации и социальной защиты;

– отсутствие стратегии и ограниченная законодательная база в вопросах ЛОВ;

– несоответствие действующих нормативных актов и их внедрения на практике; отсутствие мониторинга и оценки реализации нормативных актов;

– слабая координация между партнерами, поддерживающими здравоохранение, реабили-

тацию, социальную защиту и образование; недостаточная деятельность организаций гражданского общества в сфере работы с ЛОВ;

– отсутствие механизмов кооперации, взаимозаменяемости и выбора между поставщиками услуг;

– низкий уровень социально-экономической жизнедеятельности и образования ЛОВ и их семей;

– отсутствие высококвалифицированных специалистов в сфере здравоохранения, реабилитации и социальной защиты;

– отсутствие стандартов качества предоставления услуг и надлежащего мониторинга услуг для ЛОВ;

– нехватка реабилитационных услуг и координации структур по трудоустройству на всех уровнях, в частности в сельских местностях;

– ограничение возможностей системы поддержки социальных услуг для ЛОВ;

– огромное количество барьеров во внешней среде, с которыми сталкиваются ЛОВ: ограниченное количество и доступ к техническим вспомогательным средствам реабилитации; стигма и предубеждения, которые препятствуют доступу ЛОВ к услугам и участию в социально-экономической жизни социума;

– отсутствие достаточной информации о пользе и потенциале услуг реабилитации для снижения уровня нарушений функционирования и инвалидности, а также содействия инклюзии и участию ЛОВ во всех сферах жизни.

Проведенное исследование укрепило наше твердое убеждение в том, что эффективная деятельность, необходимая для успешного решения проблем социальной защиты ЛОВ в Республике Таджикистан, особенно в условиях ограниченности экономических, организационных, кадровых и других ресурсов, возможна лишь при переходе соответствующих программ на бюджетирование, ориентированное на результат, которое позволит правительству повысить результативность и эффективность усилий, направленных на улучшение качества жизни и инклюзии ЛОВ во все сферы жизни страны.

Примечание

1. Всего инвалидов, получающих пенсии по инвалидности и социальные пенсии.

Список литературы

1. Национальная программа реабилитации инвалидов на 2017 – 2020 годы от 28 октября 2016 года, № 455 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=127958 (дата обращения: 06.10.2017).

2. Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016–2020 гг., от 28 декабря 2016 года, № 678 // Официальный сайт Агентства социального страхования и пенсий при Правительстве Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nafaka.tj/images/zakoninew/programm_2016-2020_ru.pdf (дата обращения: 06.10.2017).

3. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 22.12.2017 г. // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.president.tj/ru/node/16772 (дата обращения: 01.01.2018).

4. Инвалидность и здоровье. Центр СМИ. Информационный бюллетень // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health (дата обращения: 01.12.2017).

5. Статистический ежегодник Республики Таджикистан, 2017. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2017.

6. Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан, от 30 мая 2017 года, № 1413 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=129506 (дата обращения: 01.12.2017).

7. Закон Республики Таджикистан «О социальной защите инвалидов», от 29 декабря 2010 г. № 675 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=16069 (дата обращения: 01.12.2017).

8. Закон Республики Таджикистан «О страховых и государственных пенсиях», от 12 января 2010 г., № 595 (в редакции Закона РТ от 25.03.2011 г. № 708, от 01.08.2012 г. № 894, от 28.12.2012 г. № 909, от 18.03.2015 г. № 1200) // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=15062 (дата обращения: 01.12.2017).

9. Закон Республики Таджикистан «О социальном обслуживании» от 5 января 2008 года № 359 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=12322 (дата обращения: 01.12.2017).

10. Положение о медико-социальной экспертизе. Приложение к совместному распоряжению Министра труда и социальной защиты населения от 2 мая 2012 г., № 73, и Министра здравоохранения Республики Таджикистан от 2 мая 2012 г., № 189 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=119508 (дата обращения: 01.12.2017).

11. Порядок и объемы предоставления бесплатного социального обслуживания, от 13.12.2012 г. № 724 // Централизованный банк правовой информации Рес-

публики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=118337 (дата обращения: 02.12.2017).

12. Порядок и объемы предоставления бесплатного социального обслуживания, от 02.07.2015 г. № 448 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=124758 (дата обращения: 02.12.2017).

13. Конвенция о правах инвалидов, принята Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года. Конвенции и соглашения ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 02.12.2017).

14. Цели в области устойчивого развития. Цели ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 02.12.2017).

15. Национальная концепция инклюзивного образования для детей с ограниченными возможностями в Республике Таджикистан на 2011–2015 годы, от 30 апреля 2011 г., № 228 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=16492 (дата обращения: 03.12.2017).

16. Отчеты по исполнению государственного бюджета РТ за 2015, 2016 и 3-й квартал 2017 гг. // Официальный сайт Министерства финансов Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.tj/index.php?do=static&page=budget (дата обращения: 20.12.2017).

17. Месячный обзор инфляции // Официальный сайт Национального Банка Таджикистана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nbt.tj/ru/monetary_policy/shahri-tav/sharhi_mohonai_tavarruv.php (дата обращения: 24.12.2017).

18. Группировка доходов и расходов государственного бюджета Республики Таджикистан и инструкция по ее использованию, от 26 января 2015 года, № 173 // Официальный сайт Министерства финансов Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.tj/downloads/guruhbandii%20daromad%20va%20xarojot.pdf (дата обращения: 21.12.2017).

19. Материалы официального сайта Международного бюджетного партнерства [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.internationalbudget.org/analysis-insights/program-budgets/ (дата обращения: 17.12.2017).

20. Закон Республики Таджикистан от 16 ноября 2017 года, №1469 «О государственном бюджете Республики Таджикистан на 2018 год» // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=130423 (дата обращения: 23.12.2017).

ANALYSIS OF THE SITUATION IN THE AREA OF SOCIAL PROTECTION AND SUPPORT TO PERSONS WITH DISABILITIES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: THE CURRENT SATE AND PROSPECTS

M.G. Petrushkov

Russian-Tajik (Slavonic) University, Republic of Tajikistan

This study concerns the issues of social protection for individuals with disabilities. An analysis of strategic tasks of the National Program and an analysis of the current state of financing of social protection activities were carried out; a comparative evaluation of expected results of the National Program for the Rehabilitation of Disabled Persons for 2017–2020 [1] and the Medium-Term Development Program of the Republic of Tajikistan [2] in the field of social protection of persons with disabilities was conducted. Some practical recommendations on the introduction of key framework components for transition of the National Program for the Rehabilitation of Disabled Persons for 2017–2020 to the result-oriented budgeting are presented.

Keywords: people with disabilities, state social protection program, budget, financing, disability allowance, result-oriented budgeting.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ МЕТОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2019 г.

Е.В. Куликова

Куликова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка для естественно-научных специальностей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
e.kulikova@bk.ru

Статья поступила в редакцию 01.08.2018
Статья принята к публикации 31.01.2019

Показана актуальность и необходимость использования проектного метода в организации самостоятельной работы студентов, рассмотрены сущность и цели метода. В контексте раннего вовлечения студентов в научную деятельность и повышения качества их профильной подготовки проанализированы особенности применения проектного метода, возникающие в учебном процессе по изучению иностранного языка. Основными методами исследования явились анализ научной литературы, индуктивный и дедуктивный методы, наблюдение, сравнение, опрос. Разработаны процедура запуска и ведения учебного портфолио студента, включая его структуру, средства контроля и критерии оценки с учетом неязыковой направленности университета. Внедрено учебно-методическое обеспечение процесса конструирования презентации на иностранном языке в сфере профессиональной деятельности обучающихся. Конкретизированы этапы реализации групповых проектов и приведены примеры проектов, созданных студентами в процессе обучения иностранному языку. Результаты анкетирования свидетельствуют, что большинство студентов положительно относится к внедрению проектных методов обучения (ведению портфолио и выполнению групповых проектов). Показано положительное влияние проектно-ориентированных методов при обучении иностранному языку на развитие познавательных процессов и навыков критического мышления студентов, оптимизацию процесса обучения.

Ключевые слова: проектная деятельность, иностранный язык, технология портфолио, метод проектов, системный личностно-ориентированный подход.

Введение

Одной из важнейших педагогических идей XXI века можно считать проектный подход к образованию и обучению [1]. Его широкое применение в настоящее время обусловлено, с одной стороны, социальным заказом: общество нуждается в активных, способных к самообразованию выпускниках-профессионалах, которые могут быстро приспосабливаться к меняющимся условиям жизни. С другой стороны, применение проектного подхода зачастую обусловлено дефицитом аудиторного времени. Основная отличительная характеристика этого подхода – высокий уровень активности учащихся в учебном процессе, которую стимулирует преподаватель с позиции эксперта-консультанта. Задача педагога при таком подходе – активизировать творческий поиск обучающихся, побудить их к систематическому исследованию собственных путей решения проблемы.

Цель проектного обучения – создание условий, которые позволят учащемуся самостоятельно и охотно черпать недостающие знания из различных источников; учиться пользоваться приобретёнными знаниями для решения познавательных и прикладных задач; получать коммуникативные навыки, работая в разнообразных группах; вырабатывать и развивать у себя исследовательские умения выявления проблем, сбора информации, наблюдения, проведения эксперимента, анализа, выстраивания гипотез, синтеза; формировать системное мышление [2].

Метод проектов определяют как комплекс учебно-познавательных приёмов, которые предполагают достижение определенной цели и позволяют найти решение проблемы в результате самостоятельных действий учащихся с обязательным представлением этих результатов, и относят к личностно-ориентированным педагогическим технологиям [3; 4].

Постановка проблемы

В нашем исследовании мы исходим из понимания, что проект в учебном процессе – это

взаимосвязанный комплекс задач и действий, специально организованный преподавателем и самостоятельно реализуемый учащимися, который завершается созданием творческого продукта. Проект ориентирован на разрешение определенной значимой проблемы (информационной, исследовательской, практической), предполагает наличие творческой поисковой деятельности, исследовательской работы, воплощающейся в каком-либо конкретном продукте. Цели и содержание проектной учебной деятельности определяются учащимися и реализуются ими в процессе теоретического освоения и практического исполнения при консультации преподавателя.

Проектная деятельность может быть организована как на учебных занятиях, так и при выполнении различных проектов во внеаудиторной работе. Традиционные формы организации занятий могут быть выстроены в проектно-ориентированных методах, если преподаватель организует деятельность студентов, в которой они самостоятельно определяют проблему, формулируют задачи, намечают работу, подбирают методы ее выполнения, обосновывают и отстаивают свою позицию. Такая деятельность свидетельствует о проектно-ориентированном обучении, которое помогает развивать проектную компетенцию.

Цель данной работы – представить разработанное педагогическое сопровождение самостоятельной работы студентов при работе с портфолио и выполнении групповых проектов для оптимизации процесса обучения по дисциплине «Иностранный язык»; проанализировать результаты применения проектного метода в раннем вовлечении студентов в научную деятельность, позволяющие обучаемым продвинуться к самостоятельной компетентности в решении проблемы.

Методы и средства обучающих экспериментов

В работе использованы как теоретические методы исследования (анализ научной литературы, индуктивный и дедуктивный методы, синтез, проектирование), так и эмпирические (наблюдение, изучение педагогического опыта, сравнение, опрос).

Важным элементом в инновационной структуре организации самостоятельной работы студентов в высшей школе при работе с портфолио и выполнении групповых проектов является ее грамотное педагогическое сопровождение [5], позволяющее обучаемым усвоить знания и универсальные учебные действия, которые в данный момент не могут быть получены/освоены ими самостоятельно. Нами предложено методическое сопровождение, формирующее проектируемый педагогом механизм двустороннего педагогического взаимодействия. Такой подход обеспечивает предоставление обучаемым в интерактивных методах четко дозированной преподавателем когнитивной поддержки и продвигает студентов к самостоятельной компетентности в решении проблемы.

Для выявления отношения студентов к проектному методу обучения и уровню удовлетворенности своим развитием при ведении портфолио и выполнении групповых проектов, адекватной методической и дидактической поддержке процесса формирования компетенций, определяемых программой курса, был проведен опрос в форме анкетирования. Респондентами выступили 80 студентов химического и экономического факультетов ННГУ. Результаты анкетирования студентов экономического факультета, а также примеры их работ по дисциплине «Иностранный язык» с использованием проектной технологии и технологии «портфолио» представлены в работе [6].

Содержание обучающих экспериментов

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) придают особое значение организации и методическому обеспечению самостоятельной работы студентов. Для оптимизации взаимодействия участников компетентностно-ориентированного образовательного процесса нами отобраны педагогические технологии, которые предоставляют надлежащую методическую и дидактическую поддержку процесса развития компетенций, определяемых программой дисциплины «Иностранный язык», и продуманы возможности организации взаимодействия с обучаемыми студентами за рамками аудиторных часов.

Проектный метод является эффективным средством налаживания самостоятельной работы студентов по иностранному языку. Исследователи и педагоги подчеркивают, что проектная работа при обучении иностранному языку способствует преодолению расхождения, существующего между языком, осваиваемым на занятиях, и языком, используемым в действительности, и является эффективным средством формирования коммуникативных навыков, развиваемых в процессе обучения [7–9]. По нашему мнению, на начальных этапах обучения учащимся целесообразно предлагать работу над индивидуальными проектами, с помощью которых они осваивают алгоритм проектной деятельности. На старших курсах студентам можно

Рис. 1. Структура портфолио
по дисциплине «Иностранный язык» (английский)

предложить выполнить групповые учебные проекты.

Для организации индивидуальных учебных проектов нами используется технология портфолио [10–13]. Учебное портфолио, являющее собой форму представления и процесс организации (коллекция материалов, отбор и анализ) образцов и продуктов учебно-познавательной деятельности учащегося, соединяет отдельные стороны его деятельности в более целостную картину, позволяет владельцу отслеживать прогресс в изучении им иностранного языка, самостоятельно оценивать свой уровень, ставить индивидуальные цели, а также следить за их достижением. Главная идея применения портфолио − «продемонстрировать все, на что ты способен».

Для системы вузовского образования не существует единого языкового портфолио. В НГЛУ им. Н.А. Добролюбова разработано портфолио для студентов, изучающих американский вариант английского языка в качестве первого иностранного языка. Это портфолио находится по адресу http://americanenglish.my1.ru/ [14], в документе «Памятка первокурсникам» (Freshmen Guide).

В работе [15] мы подробно описали методическую концепцию содержания внеаудиторной самостоятельной работы студентов с использованием электронного портфолио и процесса ее освоения студентами, учитывая неязыковую направленность нашего университета. Мы стремились к созданию учебного портфолио, способствующего реализации основной цели дисциплины «Иностранный язык», которая заключается, в соответствии с ФГОС, в повышении учащимися исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предшествующей ступени образования. По существу, ее реализация предполагает овладение учащимися надлежащим уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях культурной, бытовой, научной и профессиональной деятельности при общении с зарубежными коллегами, а также для дальнейшего самообразования.

У нас введение языкового портфолио совпадает с началом освоения дисциплины «Иностранный язык», работа над ним осуществляется в течение всего учебного курса и в конечном итоге свидетельствует о результативности обучения, одновременно являясь средством контроля на всех этапах. К тому же данное языковое портфолио остаётся у студентов, помогая им на последующих ступенях образования.

Наше портфолио является электронным, что облегчает процесс его проектирования. При необходимости аспекты ведения портфолио уточняются совместно со студентами по мере продвижения по материалу курса. В 2014–2018 учебных годах по договоренности со студентами портфолио имело структуру, представленную на рис. 1. Начиная с 2011 года, портфолио приобретало все более сложную структуру, совершенствовалось с учетом пожеланий студентов и преподавателя; расширялись обязательные разделы и добавлялись так называемые «необязательные разделы или рубрики».

Проверка портфолио осуществляется преподавателем два−три раза за семестр. Кроме того, в конце семестра студенты объединяются в экспертные микрогруппы (по 3 человека) для ознакомления с портфолио друг друга, а также для того, чтобы написать отзыв и дать рекомендации в разделе «Viewer comments box» (комментарии экспертов). «Эксперты» отмечают достоинства и недостатки, если таковые имеются, заостряют внимание владельца портфолио на том, что следует доработать, выделяют вызвавшие особый интерес идеи. Если членам экспертной группы что-то неясно, то они задают

Таблица

My learning diary (мой дневник обучения)

My learning diary	
Name:	
Group:	
Date (from…to):	
In the past week I have learmt:	
Topics	
New vocabulary	
New grammar	
Listening	
Reading	
Speaking	
Writing	
I now know about:	
I need to work more on:	
Have I achieved my previous goal?	
What is my next learning goal?	
How do I intend to achieve my goal?	
How much time can I devote each day/week to achieving my goal?	

вопросы в данном разделе. Согласно разработанным критериям оценки, выбирается лучшее портфолио от группы и демонстрируется на занятии.

Совместно со студентами были отобраны следующие критерии оценки портфолио: заполнение всех обязательных рубрик, полнота отражения пройденного материала, организация и тщательность выполнения, индивидуальное оформление и творчество, сформированность основных учебных умений и навыков, «личностная привязка» содержания, размышления студента о своем обучении и развитии, полезность для самого учащегося. Сформированность основных учебных умений и навыков предполагает умение ставить достижимые цели и задачи, планировать и анализировать свою деятельность в соответствии с поставленными целями, ориентироваться в информационном пространстве, самостоятельно конструировать и интегрировать материал, навыки рефлексии и т.д. К зачету/экзамену студенты обновляют портфолио, принимая во внимание рекомендации студенческой группы, отвечают на вопросы экспертной группы.

В качестве дополнительного средства контроля используется отчет «My learning diary» (мой дневник обучения), который учащиеся выполняют по образцу (табл.) и раз в две недели присылают по электронной почте преподавателю. Отчет способствует постановке реальных задач, служит подспорьем в анализе и планировании студентами своей работы, помогает им принимать на себя ответственность за достижение результата. Для преподавателя «My learning diary» является дополнительным инструментом контроля работы студентов.

Оценка портфолио проходит по принципу высокого, достаточного и недостаточного уровней выполнения работы и дополняет результаты промежуточной и итоговой аттестации.

Разработанное нами и внедренное в процесс обучения портфолио существенно повышает методическую эффективность аудиторных занятий и внеаудиторной работы, поскольку помогает уменьшить трудности, связанные с разным исходным уровнем владения иностранным языком, различиями студентов в интеллектуальном и психологическом отношении; позволяет совершенствовать когнитивные способности. В процессе работы над портфолио обучающиеся приобретают индивидуальный образовательный опыт и продвигаются по собственной образовательной траектории. Студент сам решает, в каком объеме и каким способом будет изучать материал; в каком темпе будет работать; какие ресурсы будет использовать; будет ли он осваивать материал вместе с сокурсниками или индивидуально; как будет распределять учебное время; каким образом будет контролировать свою деятельность и отслеживать ее результативность. Студенту дано право свободного выбора, и он берет на себя ответственность за принятые решения. Таким образом, наша концепция портфолио реализует такие принципы проектного обучения, как принцип активности учащихся, сознательности, принцип индивидуального подхода к учащимся, посильности учебного процесса.

Портфолио для нас также является звеном, которое позволяет осуществлять переход от традиционного обучения к личностно-ориентированному [3]. Работа над портфолио как над индивидуальным проектом дает возможность студентам осваивать алгоритм проектной деятельности и подвести их к разработке групповых проектов.

Созданные к настоящему времени концепции содержания групповых проектов включают следующие типовые этапы: разработка проектного задания; разработка самого проекта; оформление результатов; защита проекта (презентация); рефлексия процесса выполнения проекта [2; 4; 7].

Разработанные нами занятия по созданию группового проекта и его презентации проходят в заключающем семестре преподаваемой дисциплины, способствуют развитию системного мышления у обучающихся и побуждают их оперировать полученными знаниями при решении конкретных задач, связанных с разработкой презентации в сфере профессиональной деятельности. Как правило, проект – долгосрочное задание, предполагающее сочетание исследова-

тельской и творческой работы. Итоговая форма работы над проектами представляет собой устное выступление с презентацией в программе Power Point.

Обучающему этапу по созданию презентации проекта на английском языке предшествует совместное обсуждение преподавателя со студентами сущности проекта, алгоритма его создания и возможной структуры, а также необходимых иноязычных лексических и грамматических средств. Затем преподаватель предлагает широкую тему, связанную с направлением подготовки обучающихся. Далее студенты вносят свои предложения, чтобы сузить широкую тему до интересующих их конкретных подтем, и выдвигают возможные проблемы, связанные с вопросами исследования. В нашем случае, как правило, обучающиеся сами образуют группы по 3–4 человека, руководствуясь интересом к той или иной теме либо личной симпатией. Так как у нас занятия проводятся со студентами 3 курса химического факультета, которые уже успели поработать в парах или группах, например во время лабораторных работ, то можно предположить, что чаще всего они объединяются в группы в зависимости от того, с кем им работать комфортнее. Иногда преподаватель сам формирует группы студентов, принимая во внимание их уровень владения языком, а также личные особенности. В группах студенты работают над проблемой исследования, занимаются поиском и анализом информации, обобщают факты и информируют преподавателя о стадиях работы над проектом. Если есть необходимость, то преподаватель консультирует группы и привлекает к сотрудничеству преподавателей факультета, на котором обучаются студенты.

Для того чтобы обучающиеся могли пошагово оформить свои проекты на английском языке, одновременно с разработкой проекта со студентами проводятся занятия, на которых рассматриваются ключевые этапы подготовки презентации проекта на английском языке. Занятия разработаны на основе модели технологии развития критического мышления [4], реализующей стадии «Вызов» − «Осмысление» − «Размышление». Подобная форма работы благоприятствует развитию таких основополагающих компетенций, как когнитивная, коммуникативная и рефлексивная компетенции.

На занятиях разбираются составляющие успешной презентации, которые поясняются с помощью подробно рассмотренных примеров, что направлено на прочное и осознанное усвоение материала. Методологический подход, использованный автором, сводится к триаде: (1) «рассказать», (2) «показать» и (3) «активизировать». В качестве педагогического сопровождения на этом этапе мы используем учебно-методическую разработку, содержащую комбинированные задания для аудиторной и самостоятельной работы, грамматические структуры и лексические единицы, которые позволяют овладеть языковой основой, правилами и навыками создания и успешного представления учебных проектов на английском языке [16].

Пропедевтический этап помогает сориентировать обучающихся в том, как начать выступление, направлять внимание аудитории, подводить итоги и отвечать на вопросы.

За неделю до защиты проектов между проектными группами происходит обмен списками слов, которые участники групп посчитали полезными и необходимыми для понимания выступления. Защита проектов проходит в устной форме. Группы заранее готовятся к выступлению, учитывая критерии оценки, о которых они информируются заблаговременно: соответствие содержания заявленной теме, полнота ее раскрытия, логичность изложения, соблюдение временных рамок; использование активного словаря по теме; грамматическая правильность и темп речи, произношение, интонация; соблюдение нужного стиля и манера изложения. Обращается внимание на грамотные, исчерпывающие ответы на вопросы студентов и преподавателя; раздаточный материал (термины, новые слова); наглядный материал на слайдах (графические организаторы: таблицы, диаграммы, кластеры); мнение аудитории (было ли интересно слушать, была ли представлена необходимая информация, было ли доступно и понятно). Студенты других проектных групп обсуждают и оценивают презентацию выступающей группы с помощью анкеты «Presentation Evaluation Sheet» [17]. Преподаватель по возможности приглашает эксперта по профилирующей дисциплине, чтобы дать оценку научной составляющей проектов.

В завершение студенты анализируют результаты своей работы, подводят итоги, акцентируют внимание на том, что можно улучшить, сопоставляют свои ожидания с конечным продуктом.

При оценивании проектов учитывается как групповая (слаженность действий, уместное распределение материала, примерно одинаковое время выступления и т.д.), так и индивидуальная работа (личное выступление студента). Кроме того, преподаватель отслеживает участие и вклад каждого члена группы в проект (каждый участник проектной группы отчитывается о своей работе по мере создания проекта). Таким образом, студенты получают две оценки за групповой проект: одну за групповую работу

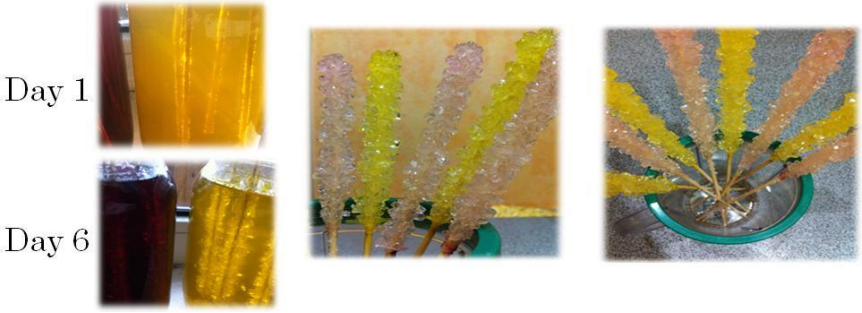

Рис. 2. Элементы брошюры, иллюстрирующей рост кристаллов (проект «Crystals in our Life»)

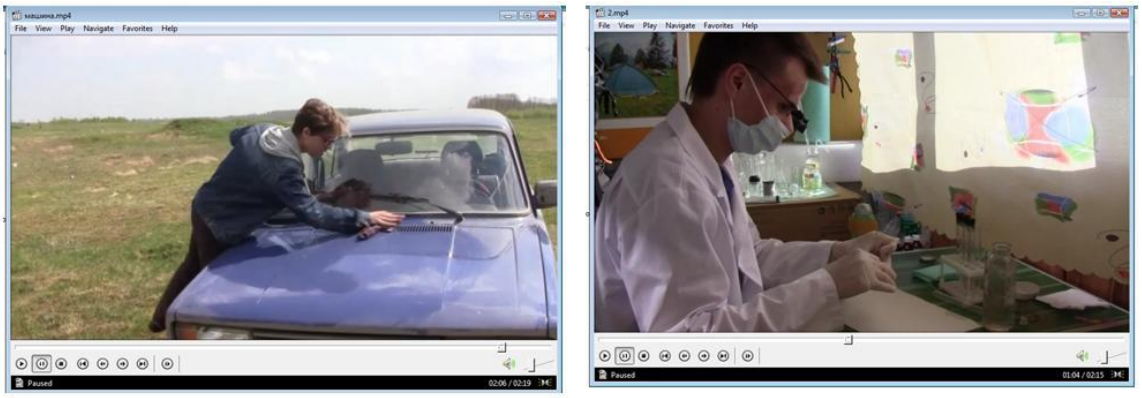

Рис. 3. Кадры видеороликов, иллюстрирующие работу по исследованию различных марок шампуня (проект «Heads and Distress»)

(одинаковую для всех участников группы) и одну индивидуально.

Приведем названия групповых проектов, которые были подготовлены студентами химического факультета. Студентам было предложено выполнить проекты на тему «Chemistry in Our Life», из которой они самостоятельно определяли следующие подтемы: «Composition of Cosmetics: Cream Making», «Tea: Myth and Reality», «Vitamins in Juices and Fruits», «Chemistry and Art: Film Photography», «Colors of Life», «Drop by Drop: Tap Water in Nizhniy Novgorod», «Crystals Around Us», «Radiation in Nizhniy Novgorod», «Head & Distress», «The Interaction of Insulin with Chitosan», «Shape of Water: Analysis of Commercial Bottled Water Brands» и др. [18]. Заметим, что работы различались по преобладающей в проекте деятельности: творческой, поисковой, исследовательской. При выполнении некоторых проектов студенты проводили опросы в социальных сетях, а также эксперименты, в том числе и лабораторные.

Так, например, проект «Crystals Around Us» сочетал черты информационного, исследовательского и практического проектов. Студентами была создана брошюра, иллюстрирующая рост кристаллов (рис. 2). В завершение презентации студенты представили выращенные на палочках кристаллы на основе сахара с пищевыми красителями. Этими леденцами они угостили студентов остальных проектных групп. Проект «Crystals Around Us» они поместили в индивидуальные портфолио и сопроводили его рефлексивным комментарием (на английском языке). В комментарии студенты указали, что гордятся проектом, потому что смогли провести исследование в сфере профессиональной деятельности и представить проект на английском языке на достойном уровне. Они отметили важность работы в команде и организационную роль преподавателя.

Проект «Head & Distress» (название проекта – результат языковой игры с названием шампуня «Head & Shoulders») понравился всем студентам. Члены проекта не только составили брошюру, но и сняли несколько видеороликов, демонстрирующих их работу по анализу различных свойств популярных брендов шампуня. Сначала студенты выступили в роли обычных потребителей и провели опыт, не опираясь на науку, затем конкретизировали свои выводы с помощью химического эксперимента (рис. 3).

Участники этой группы также провели ряд опытов, связанных с жидким мылом, и оценили рентабельность мыла собственного изготовления по сравнению с покупным категории «handmade» (рис. 4). Отсюда следует, что студенты использовали не только профильные знания, что говорит о междисциплинарных чертах выполненного проекта.

Отметим, что учащиеся работают над проектами в непринужденной атмосфере, не испыты-

Average price for one bar of handmade soap: 400 rubles

Substance	Price (Rubles)
1. Soap base	200 (per kilo)
2. Aromatizers	25 (per jar)
3. Colorants	27 (per jar)
Total:	252 (per kilo)

Divide by 10 (10 bars of soap): 25 rubles per bar of soap

Рис. 4. Результаты исследования рентабельности самодельного мыла по сравнению с покупным категории «hand-made» (проект «Heads and Distress»)

вая психологической скованности, поэтому каждый из них может привнести что-то своё, индивидуальное в этот вид деятельности, может полнее осознать свое собственное «я» в процессе социального взаимодействия. Каждый должен представить результаты своей работы и в равной мере несет ответственность за ее выполнение.

Таким образом, для групповых проектов автором разработана методическая концепция содержания и формы освоения учебно-исследовательского материала в виде презентации проекта на английском языке, сочетающая совокупность поисковых, исследовательских, проблемных методов, творческих по своей сути. Результатом внедрения данной технологии явилось предоставление студентам реальной возможности самостоятельно овладевать знаниями в процессе решения практических задач или проблем, требующего консолидации знаний из разных предметных областей. В действительности, не все проекты оказались удачными, некоторые из них походили на рефераты, которые были оформлены с помощью грамматических структур и лексических единиц, освоенных студентами во время обучающего этапа по подготовке презентаций проектов на английском языке. Часть студентов демонстрировала хорошие исследовательские умения, но слабые коммуникативные навыки. У некоторых студентов были трудности с вхождением в работу из-за высокой загруженности профильными предметами. Несмотря на это, согласно данным анкетирования, по окончании работы большинство студентов (более 95%) испытывало чувство удовлетворения, положительные эмоции, считая проект своим достижением.

Выводы

В работе представлены компоненты педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов по иностранному языку, организованной в активных методах на базе технологии портфолио и метода проектов, обеспечивающие осмысленное продвижение обучаемых по выполнению предписываемых программой внеаудиторных учебных заданий. Комплекс методических и организационно-педагогических средств, внедренный в реальный учебный процесс, спроектированный с учетом поставленных целей и задач, времени, а также потенциальных возможностей и ограничений участников взаимодействия, предоставляет инструментарий для эффективного самостоятельного усвоения студентами новой лично значимой информации. Проектно-ориентированные методы, использованные в работе, благоприятствуют индивидуализации процесса обучения в рамках стандартного учебного плана, повышению личной ответственности студента за результаты обучения, формированию его активной субъектной позиции в процессе обучения.

Разработанный автором методологический подход позволяет оформить приобретенную студентом информацию в виде конкретного образовательного продукта − портфолио, презентации, что обеспечивает визуальное подкрепление процесса изучения иностранного языка и способствует формированию у студентов правильного восприятия изучаемого материала. Во время работы над проектами и портфолио обучаемые не просто прорабатывают новый материал (в нашем случае это правила по грамматике, новые лексические единицы), но овладевают новыми способами деятельности, которые неизбежно пригодятся им в будущем при выполнении их должностных обязанностей.

В ходе освоения проектного метода студенты приобретают как стандартные компетенции (дисциплинарные знания, умения и навыки), так и другие ключевые компетенции: умения поиска, обработки, систематизации информации; установления причинно-следственных связей; выдвижения гипотезы и обоснования полученных результатов; синтезирования знания из разных областей; работы в коллективе/команде и др.

Можно констатировать, что соединение традиционного и личностно-ориентированного подходов к освоению иностранного языка способствует оптимизации процесса обучения: создает крепкий фундамент из определяющих знаний, умений и навыков в иноязычной коммуникативной, речемыслительной деятельности и предоставляет обучающимся приемы и способы самостоятельной работы с иностранным языком – как в период обучения, так и по завершении учебы.

Список литературы

1. Махотин Д.А. Проектный подход технологии обучения в системе высшего профессионального образования // Качество, инновации, образование. 2005. № 1. URL: http://dispace.edu.nstu.ru/didesk/file/get/180623 (дата обращения: 29.01.2015).

2. Буланова-Топоркова М.В., Духавнева А.В., Кукушин В.С., Сучков Г.В. Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей. Серия «Педагогическое образование». М.: МарТ; Ростов н/Д: МарТ, 2004. 336 с.

3. Борисова И.И., Горылёв А.И., Грудзинская Е.Ю. и др. Руководство по внедрению проектно-ориентированных методов в образование (Handbook on the Project-Oriented Methods (POM's) in education): Учебно-методические материалы / Под ред. Д. Инфанте, Ю.А. Кузнецова, А.К. Любимова. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2007. 124 с.

4. Швец И.М. Дидактика высшей школы: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014. 149 с. Режим доступа: http://www.unn.ru/books/resources.html (Фонд электронных публикаций ННГУ – рег. № 807.14.01 от 10.11.2014).

5. Левина Л.М. Проектирование педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 228−234.

6. Куликова Е.В. Активизация обучения иностранному языку в условиях реализации ФГОС нового поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5. Ч. 2. С. 101−105.

7. Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching (Teaching Techniques in English as a Second Language). Oxford University Press, 2000. 208 p.

8. Johnson D.W., Johnson R.T. Learning Together and Alone: Cooperative, Competitive, and Individualistic Learning. Allyn and Bacon, 1999. 260 p.

9. Sheppard K., Stoller F.L. Guidelines for the Integration of Student Projects into ESP Classrooms. URL: http://dosfan.lib.uic.edu/usia/E-USIA/forum/vols/vol33/no2/p10.htm (дата обращения: 20.04.2015).

10. Paulson F.L., Paulson P.R., Meyer C.A. What makes a portfolio a portfolio? // Educational Leadership. 1991. 48 (5). P. 60–63.

11. Chau J., Cheng G. Towards understanding the potential of e-portfolios for independent learning: A qualitative study // Australasian Journal of Educational Technology. 2010. 26 (7). P. 932–950.

12. Лебедева М., Шилова О. Электронный портфолио в работе со студентами педагогического университета // Перемена. 2005. Т. 6. № 4. С. 21.

13. Попова И.М. Учебный портфолио как средство оценки индивидуальных образовательных достижений студентов // Социокультурная среда в изменяющемся мире: тенденции, проблемы, поиски: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14 нояб. 2014 г. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014. С. 304–311.

14. Левина Л.М., Лукманова О.Б. Организация внеаудиторной самостоятельной работы студентов первого курса бакалавриата с помощью учебного веб-сайта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 20–26.

15. Петьков В.И., Куликова Е.В. Создание электронного портфолио в качестве инструмента отслеживания формируемых компетенций в обучающих курсах (направление подготовки «Химия»): Методическое пособие [Электронный ресурс]. Н. Новгород, 2014. 71 с. Режим доступа: http://www.unn.ru/books/resources.html (Фонд электронных публикаций ННГУ – рег. № 808.14.02 от 10.11.2014).

16. Куликова Е.В. Создание презентации на английском языке: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. 26 с.

17. Куликова Е.В. Метод проектов и технология портфолио при формировании иноязычной компетенции студентов неязыкового вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. Ч. 4. С. 106−109.

18. Куликова Е.В. Проектно-ориентированные методы при обучении английскому языку: Методическое пособие [Электронный ресурс]. Н. Новгород, 2014. 84 с. Режим доступа: http://www.unn.ru/books/resources.html (Фонд электронных публикаций ННГУ – рег. № 861.14.09 от 22.12.2014).

THE USE OF PROJECT-ORIENTED METHODS IN TEACHING STUDENTS A FOREIGN LANGUAGE

E.V. Kulikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article shows the relevance and necessity of using the project method in the organization of independent student learning activities and considers the main points and objectives of the method. In the context of early involvement of students in research activities and improving the quality of their specialized training, the author analyzes the peculiarities of the project method application which arise in the process of studying a foreign language. The main research methods are

analysis of scientific literature, inductive and deductive approaches, observation, comparison, and survey. Procedures for starting and keeping a student learning portfolio, its structure, monitoring means and assessment criteria taking into consideration non-linguistic orientation of the university have been developed. Training and methodological support has been introduced for the process of making presentations in a foreign language by students in their area of study. The paper elaborates on realization stages of group projects; some examples of projects created by students in the process of studying a foreign language are given. The survey results indicate that most of the students have a positive attitude towards the implementation of project-oriented teaching methods (creating a portfolio and group projects). The paper demonstrates the positive impact of project-oriented methods in foreign language teaching on the development of cognitive processes and critical thinking skills of students, and on learning process optimization.

Keywords: project activities, foreign language, portfolio technology, project method, learner-centered systems approach.

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ «ШКОЛА – ВУЗ»

© 2019 г.

В.А. Малинин

Малинин Валерий Анатольевич, к.пед.н.; доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
arkon52@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.11.2018
Статья принята к публикации 14.01.2019

Рассматривается проблема формирования предпринимательских способностей у обучающейся молодежи в системе «школа – вуз». На основе теоретико-методологического анализа показано, что в современных условиях формируется новая система взаимодействия школы и вуза, включающая дополнительное «предпринимательское» измерение. Описана программа развития учреждения «Школа – комплекс инновационного образования». Раскрывается особая роль бизнес-инкубатора как учебной структуры, созданного на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Охарактеризованы диагностический комплекс и результаты педагогического мониторинга. Доказано положительное влияние разработанных методик на важнейшие свойства личности будущего предпринимателя.

Ключевые слова: предпринимательские способности, предпринимательская культура, интегративный комплекс «школа – вуз».

Проблема исследования

Развитие рыночной экономики стимулировало теоретическое осмысление современных проблем отечественного предпринимательства. В России анализ предпринимательской деятельности и ее субъектов в настоящее время приобретает актуальность и значимость в связи с переходом к этапу активной практики аналогичной формы хозяйствования и исследований в этой области. Активизация процесса изучения отечественными учеными феномена предпринимательства вообще и особенностей его становления в нашей стране в частности началась одновременно с формированием рыночных отношений и связанной с этим процессом легализации предпринимательской деятельности. За сравнительно короткий период (с 90-х годов XX века) отечественной наукой накоплен довольно значительный материал по данной проблематике. Вопросы теории и истории предпринимательской деятельности исследованы в работах Л.И. Абалкина, Т.И. Заславской, В.В. Радаева, Г.А. Явлинского и др., в которых ученые раскрывают основные тенденции развития современного общего и профессионального образования, способствующие усилению роли инноваций в профессиональной и научно-исследовательской деятельности, развитию предпринимательского потенциала общества.

В связи с этим среди современных актуальных методологических и теоретических проблем образования одной из приоритетных выступает проблема формирования основ предпринимательских компетенций у обучающейся молодежи, развития инновационных форм мышления. Решение инновационных задач, по мнению Е.А. Шмелевой, порождает психологические новообразования: новую систему ценностных установок, структурных компонентов личности, новые критерии оценки. Соответственно, продуктивность, оригинальность и гибкость являются составляющими инновационного мышления [1].

Теоретико-методологические подходы к проблеме исследования

В целях сохранения единого образовательного пространства на территории Российской Федерации введены новые федеральные государственные образовательные стандарты общего и профессионального образования, в которых подчеркивается, что современная молодежь, независимо от направления обучения, должна быть подготовлена к проектно-инновационной деятельности, как к ведущему виду профессиональной деятельности на всех этапах непрерывного образования и предпринимательской деятельности[1]. При этом стандарты общего среднего образования устанавливают требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы: личностным, включающим готовность и способность обучающихся к саморазвитию и личностному само-

определению, сформированность их мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности, системы значимых социальных и межличностных отношений, способность ставить цели и строить жизненные планы, владеть навыками учебно-исследовательской, проектной и социальной деятельности. К ведущим личностным результатам относятся осознанный выбор будущей профессии и возможности реализации собственных жизненных планов; отношение к профессиональной деятельности как к возможности участия в решении личных, общественных, государственных, общенациональных проблем [2]. Исходя из этого, формирование предпринимательской компетенции является важнейшей задачей общего и профессионального образования.

В новых условиях, когда главными ресурсами развития мировой экономики становятся образование, информация и компетентность, система образования стремится к тому, чтобы соответствовать потребностям государства и производства. Вместе с тем, как показывают исследования В.Н. Банькиной, А.О. Грудзинского, Е.А. Климова, Г.В. Мухаметзяновой, Т.Г. Мухиной, О.В. Никулиной, С.Н. Сорокоумовой и др. [3–7], реализация задачи формирования конкурентоспособного специалиста, готового к предпринимательской деятельности и работе в команде, требует поиска новых подходов к решению проблемы. Следует учитывать, что долгое время понятие «предпринимательство» не входило в понятийный аппарат педагогической науки, так как оно ассоциировалось в отечественном общественном сознании с негативными ценностными установками.

Понятие «предпринимательская компетентность» дано в диссертационной работе Е.П. Сулаевой (2011), которая определяет ее как «составляющую профессиональной компетентности, обеспечивающую направленность деятельности выпускника на достижение коммерческого результата в реализации технических, социальных и других проектов» [6, с. 8].

В современных условиях широко используется понятие «культура предпринимательства». Соответствующий научный термин, входящий в структуру предпринимательской компетентности, начинает приобретать самостоятельность. Как особая форма деятельности предпринимательство привлекает внимание ученых различных областей знаний: экономистов, социологов, философов, психологов и педагогов.

Известно, что культура формируется в течение всей жизни человека. При этом следует учитывать, что формирование культуры, в том числе и предпринимательской, требует более длительного времени, чем процесс обучения. В исследовании мы рассматриваем потенциальные возможности развития предпринимательских способностей, напрямую сочетающихся с предпринимательской культурой, и используем её для определения результатов образования.

Сущность «предпринимательских способностей» мы рассматриваем как личностный ресурс, как возможность созидания и рефлексии результатов своих действий, направленных на организацию деятельности, позволяющей реализовывать социально значимые и экономически выгодные проекты. Определяя предпринимательские способности как интегральную характеристику личности, выделяем несколько компонентов способности как готовности к предпринимательской деятельности:

– готовность к эффективной коммуникации – владению основными коммуникативными способностями к представлению своей позиции в диалоге и публичном выступлении, в использовании ресурсов коммуникации для решения поставленных задач (коммуникативные и организаторские составляющие), использование информационных ресурсов – способности структурировать имеющуюся информацию и использовать ее при планировании и реализации своей деятельности (мышление и креативность);

– готовность к применению методов проектирования в практической жизни – умение самостоятельно планировать и выявлять проблему, находить пути и средства ее решения, четко формулировать цели, задачи, оценивать собственную деятельность и ее результаты (мышление, креативность, рефлексия);

– готовность к самоорганизации деятельности – к использованию необходимой информации для ее осуществления; жизнестойкость – способность осуществлять самоконтроль в неординарной, рискованной ситуации, эффективно управлять ею и отстаивать свою позицию (лидерские способности, мышление и креативность);

– готовность к инновационному развитию – способности прогнозировать свою деятельность.

Данные характеристики готовности составляют структуру изучаемого понятия.

Анализ степени изученности проблемы показал, что большинство исследователей приобщение обучающейся молодежи к предпринимательству рассматривает как важное стратегическое направление эффективной подготовки будущих специалистов.

Взаимодействие образовательного пространства школы и вуза в условиях формирования предпринимательских способностей

Развитие предпринимательских способностей связано с генерированием новых идей, что, по мнению Н.А. Филипповой, нацелено на развитие и является «фундаментом – отправной точкой для формирования предпринимательского поведения в будущем» [8, с. 295–298]. В процессе подготовки старшеклассников и студентов к предпринимательской деятельности необходимо развивать лидерские, коммуникативные и организаторские способности.

Ориентируясь на зарубежные и отечественные исследования развития способностей (Дж. Брунер, Ч. Спирмен, Дж. Келли и др.), основанные на личностно-деятельностном подходе (А.Г. Асмолов, В.Н. Дружинин, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн и др.), мы рассматриваем их как свойства личности, развивающиеся в деятельности и определяющие ее успешность. Согласно исследованиям Б.М. Теплова, способность возникает в процессе соответствующей конкретной предметной деятельности. Существенно важный фактор развития способностей человека – устойчивые стержневые интересы [9, с. 4–6]. В связи с этим важнейшим условием развития предпринимательских способностей является педагогическая поддержка познавательной активности, а в конечном итоге и профессионального интереса к предпринимательской деятельности в целостной образовательной системе «школа – вуз».

На основе анализа современных тенденций развития отечественной системы образования и многолетнего опыта взаимодействия ННГУ им. Н.И. Лобачевского» и Школы № 187 г. Нижнего Новгорода был создан интегративный комплекс «школа – вуз», реализующий программу развития образовательного учреждения «Школа – комплекс инновационного образования». В рамках данной программы разработана модель взаимодействия образовательного пространства школы и вуза (рис. 1). Необходимым условием ее реализации являются создание и деятельность следующих центров: Центр духовно-нравственного воспитания и гражданского образования; Центр здоровья; Предпринимательский центр; Информационный центр и Тьюторский центр. Данная структура представляет собой инновационно-развивающий компонент образовательного пространства «Школы – комплекса инновационного образования». Для обеспечения эффективной деятельности центров были разработаны и апробированы программы их функционирования.

Предпринимательский центр создает развивающую среду, обеспечивающую возможность самореализации и самозанятости каждого субъекта образовательного процесса и отличающуюся культурой партнерства, отношением к успеху как к созданию новшеств и их продвижению во внешнюю среду, многообразием стимулов (материальных, символических, социальных) активной предпринимательской деятельности и высокой восприимчивостью к ним педагогов, обучающихся и студентов.

Организационная структура центра объединяет различные лаборатории, в работе которых принимают участие старшеклассники, в основном поступающие в ННГУ им. Н.И. Лобачевского: «Школа молодого предпринимателя», «Школа будущих лидеров», «Школа социального партнёрства», лаборатория проектной и исследовательской деятельности, лаборатория социально-психологической службы. В рамках деятельности данных лабораторий для обучающихся разработаны инновационные учебные курсы: «Работа в команде», «Основы проектной деятельности», «Основы законодательства в области предпринимательства», «Как создать свою компанию» и др.

Информационный центр создавался с целью организации единой информационно-образовательной среды учреждений (школы и вуза), с использованием современных инфокоммуникационных технологий в области предпринимательского обучения. Важнейшими функциями центра являются методическая, диагностическая, информационная и технологическая.

В рамках деятельности школы и вуза осуществляется тесное сотрудничество с бизнес-инкубатором Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, что способствует развитию предпринимательской подготовки школьников [10; 11]. Совместная деятельность обучающихся и работодателей в рамках программ развития предпринимательства позволяет им формировать навыки работы в команде, инициативной деятельности, другие общекультурные и профессиональные компетенции предпринимателя [12; 13].

Деятельность тьюторского центра связана с повышением квалификации педагогических работников школы по использованию и реализации современных психолого-педагогических и информационно-коммуникационных технологий в целях обучения предпринимательству под руководством преподавателей университета. Главным принципом его деятельности выступает возможность профессионального самообразования, самореализации и самозанятости.

<table>
<tr><td colspan="5">Социальный заказ: проектирование комплекса «школа – вуз» как открытой социально-педагогической системы непрерывного образования и формирование предпринимательских способностей обучающихся</td></tr>
<tr><td colspan="5">Функционально-целевой компонент</td></tr>
<tr><td colspan="2">Цель: целостное развитие личности, формирование социально зрелой профессионально-ориентированной, готовой к предпринимательской деятельности личности</td><td colspan="2">Задачи: обновление, дифференциация и индивидуализация содержания образования в соответствии с ФГОС; интеграция основной образовательной деятельности школы и вуза; системное использование педагогических технологий обучения и воспитания молодежи; обеспечение государственно-общественного управления ОУ</td><td>Функции: мотивирующая, профессионально-ориентированная, личностно-креативная, компетентностная</td></tr>
<tr><td colspan="5">Методологический компонент</td></tr>
<tr><td colspan="2">Подходы: системный, деятельностный, личностно-ориентированный, синергетический и инновационно-интегративный</td><td colspan="2">Принципы: непрерывность, системность, проективность и др.</td><td>Закономерности: объективные потребности общества, социальный заказ социума, единство целей, содержания и методов обучения и воспитания, целостность обучения и воспитания</td></tr>
<tr><td colspan="5">Субъектный компонент</td></tr>
<tr><td colspan="2">ШКОЛА</td><td colspan="3">УНИВЕРСИТЕТ</td></tr>
<tr><td colspan="5">Содержательно-процессуальный компонент</td></tr>
<tr><td>Центр духовно-нравственного воспитания и гражданского образования</td><td>Центр здоровья</td><td>Предпринимательский центр (школа молодого предпринимателя, школа будущих лидеров) Совместно с ННГУ им. Н.И. Лобачевского</td><td>Информационный центр (лаборатория инфокоммуникационных технологий) Совместно с ННГУ им. Н.И. Лобачевского</td><td>Тьюторский центр Совместно с ННГУ им. Н.И. Лобачевского</td></tr>
<tr><td>Мининский университет</td><td>ГБУЗ «Детская городская поликлиника № 48»</td><td colspan="2">Молодежный бизнес-инкубатор на базе ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского</td><td>ФПК ННГУ им. Н.И. Лобачевского</td></tr>
<tr><td colspan="5">Направления деятельности</td></tr>
<tr><td>Учебная и внеучебная деятельность</td><td>Здоровьесберегающая деятельность</td><td>Профориентационная деятельность, направленная на формирование предпринимательских способностей и самозанятости</td><td>Учебно-профессиональная деятельность</td><td>Научно-исследовательская и методическая деятельность</td></tr>
<tr><td colspan="5">Результативно-диагностический компонент</td></tr>
<tr><td colspan="5">Результат: формирование предпринимательски активной, компетентной, конкурентоспособной, духовно-нравственной личности, готовой к успешной самореализации в обществе</td></tr>
</table>

Рис. 1. Модель взаимодействия образовательного пространства школы и вуза

В рамках сотрудничества функционируют экспериментальные площадки:

– «Отработка сетевого взаимодействия школа–вуз в контексте проектирования модели ОУ как школа–комплекс инновационного образования» (приказ департамента образования г. Н. Новгорода № 1452 от 27.09.2010);

– «Проектно-сетевой институт инновационного образования» (приказ МО РФ № 273 от 10.04.2012).

Исследовательская деятельность вышеназванных площадок позволила определить стратегию основных направлений работы, в частности разработки основной образовательной программы «Школа – комплекс инновационного образования», и ряд подпрограмм по формированию предпринимательских способностей: «Школа молодого предпринимателя», «Школа будущих лидеров», «Школа социального партнёрства» и др. Следующим

Таблица 1

Динамика исследования коммуникативных способностей у обучающихся 10–11-х классов в экспериментальной (ЭГ, n=47) и контрольной (КГ, *n*=48) группах в 2015–2018 гг., по В.В. Синявскому и В.А. Федорошину

Уровни развития	Коммуникативные умения			
	ЭГ $_{2015}$	ЭГ $_{2018}$	КГ $_{2015}$	КГ $_{2018}$
Очень высокий	0	0	0	0
Высокий	2	6	3	3
Средний	31	32	34	35
Ниже среднего	12	9	9	9
Низкий	2	0	2	1
Итого	47	48	48	48

Таблица 2

Динамика исследования организаторских способностей у обучающихся 10–11-х классов в экспериментальной (ЭГ, *n*=46) и контрольной (КГ, *n*=48) группах в 2015–2018 гг., по В.В. Синявскому и В.А. Федорошину

Уровни развития	Организаторские умения			
	ЭГ $_{2015}$	ЭГ $_{2018}$	КГ $_{2015}$	КГ $_{2018}$
Очень высокий	0	0	0	0
Высокий	1	4	1	3
Средний	29	35	27	35
Ниже среднего	12	7	14	9
Низкий	4	0	6	1
Итого	46	46	48	48

направлением явилась психолого-педагогическая диагностика эффективности реализации программ.

Результаты и обсуждение результатов исследования

В контексте реализации программы развития образовательного учреждения открыты классы углубленного изучения экономики, русского языка, математики. При этом в классах углубленного изучения русского языка, математики, также введена экономика, но на общеобразовательном уровне. Учащиеся 10–11-х классов с углубленным изучением отдельных предметов принимают участие в экспериментальной работе по исследованию предпринимательского потенциала. С этой целью ежегодно проводился педагогический мониторинг (2010–2015 гг.), результаты которого были представлены нами ранее [4, с. 203–209]. В рамках данной статьи мы остановимся на результатах исследования 2015–2018 гг.

Экспериментальную группу составили обучающиеся 10–11-х классов МАОУ «Школа 187», контрольную группу – старшеклассники МАОУ «Средняя школа № 102».

Результаты 2015–2018 гг. представлены в таблицах 1–4.

Оценка статистических различий проводилась по критерию χ^2.

$\chi^2_{эмп}$ для экспериментальных групп составляет 10.78; $\chi^2_{крит}$ для ν=3 составляет 7.815.

Таким образом, для коммуникативных способностей выявлен статистически достоверный сдвиг уровня сформированности. Для контрольной группы положительная динамика не выявлена: $\chi^2_{эмп}$=0.52. Этот факт связывается нами со специально организованной образовательной деятельностью.

Для организаторских умений в обеих группах выявлены существенные статистически достоверные различия: $\chi^2_{эмп}$ для экспериментальной группы 16.32; для контрольной группы 12.32. Мы связываем этот факт с положительным влиянием общей направленности организации образовательной деятельности.

$\chi^2_{эмп}$ для экспериментальной группы составляет 8.76; $\chi^2_{крит}$ для ν=3 составляет 7.815.

Таким образом, для лидерских способностей выявлен статистически достоверный сдвиг уровня сформированности. Для контрольной группы положительная динамика не выявлена ($\chi^2_{эмп}$=0.08). Этот факт связывается нами со специально организованной учебной и внеурочной деятельностью.

$\chi^2_{эмп}$ для экспериментальной группы составляет 6.22; $\chi^2_{крит}$ для ν=2 составляет 5.19.

Таким образом, для предпринимательских способностей выявлен статистически достоверный сдвиг уровня сформированности. Для контрольной группы положительная динамика не выявлена ($\chi^2_{эмп}$=0.09). Данные результаты мы связываем со специально организованной деятельностью предпринимательского центра.

Таблица 3

Динамика исследования лидерских способностей у обучающихся 10–11-х классов в экспериментальной (ЭГ, *n*=46) и контрольной (КГ, *n*=48) группах в 2015–2018 гг., по Е. Жарикову и Е. Крушельницкому

Выраженность способностей	Лидерские способности			
	ЭГ $_{2015}$	ЭГ $_{2018}$	КГ $_{2015}$	КГ $_{2018}$
Слабо	17	10	21	20
Средне	26	32	25	26
Сильно	1	3	1	1
Склонность к диктату	2	1	1	1
Итого	46	46	48	48

Таблица 4

Динамика исследования предпринимательских способностей у обучающихся 10–11-х классов в экспериментальной (ЭГ, *n*=46) и контрольной (КГ, *n*=48) группах в 2015–2018 гг., по Т.М. Матвеевой

Уровень выраженности	Предпринимательские способности			
	ЭГ $_{2015}$	ЭГ $_{2018}$	КГ $_{2015}$	КГ $_{2018}$
Высокий	1	3	2	2
Средний	26	31	28	29
Низкий	19	12	18	17
Итого	46	46	48	48

Таблица 5

Учебный год	Количество обучающихся	Успеваемость в %	Медалисты	Обучающиеся, награжденные похвальными листами
2013–2014	1308	99.9	3	45 (4.6%)
2014–2015	1342	100	5	41 (3.1%)
2015–2016	1401	100	4	55 (4.4%)
2016–2017	1455	100	16	76 (6.0%)
2017–2018	1576	100	9	84 (6.2%)

Представленные данные исследования за 2015–2018 гг. свидетельствует о позитивной динамике развития у обучающихся 10–11-х классов личностных качеств, составляющих основу предпринимательских способностей. Исследование показало, что развитие предпринимательских способностей дает возможность позитивного личностного роста, формирует обучающегося как личность активную, творческую и инициативную, что помогает сориентироваться в выборе профессии и вуза и в целом позволяет быть более успешным в дальнейшем. В рамках совместной деятельности школы и вуза значительно повысился процент поступления выпускников в высшую школу. Так, из 100% выпускников более 90% поступают в вузы; в частности, в 2015–2018 гг. более 35–40% поступили в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Результаты совместной деятельности школы и вуза повысили качество обучения и в целом рейтинг образовательного учреждения, что отражено в таблице 5.

Заключение

Внедрение идей формирования предпринимательских способностей в процессе обучения в системе «школа – вуз», реализации программ и интегрированных курсов подготовки обучающейся молодежи способствует формированию предпринимательски активной и творческой личности обучающегося. Важнейшим условием этого взаимодействия является целостная система деятельности двух учреждений, направленная на подготовку предпринимательски активной, компетентной, конкурентоспособной, духовно-нравственной личности и её успешной самореализации в обществе.

Результаты совместной деятельности школы и вуза по проблеме формирования предпринимательских способностей обучающейся молодежи показали эффективность использования дополнительного «предпринимательского» измерения.

Основным механизмом развития предпринимательских способностей выступает совместная деятельность школы и университета в рамках функционирования вышеназванных центров и бизнес-инкубатора. Реализация программы бизнес-подготовки молодежи к предпринимательской деятельности в условиях «школа – вуз» является современным эффективным инновационным проектом, который функционирует на основе взаимодействия государства, науки, образования и бизнеса.

Примечание

1. Федеральные государственные образовательные стандарты представлены на сайте https://fgos.ru/.

Список литературы

1. Шмелева Е.А. Развитие инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде педагогического вуза: Дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07. Н. Новгород: Нижегородск. архит.-строит. ун-т, 2013. 486 с.

2. Сорокоумова С.Н., Тарасов Д.Ю. Изучение субъективной картины мира студентов высшей школы // Приволжский научный журнал. 2010. № 4. С. 259–263.

3. Сутугин А.Ю., Мухина Т.Г. Формирование коммуникативной культуры студентов педагогических направлений в высшей школе // Приволжский научный журнал. 2015. № 2 (34). С. 276–281.

4. Малинин В.А., Грудзинский А.О. Интеграция школы и вуза в условиях инновационного общества знаний: «предпринимательская» модель // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1. С. 201–210.

5. Сорокоумова С.Н., Никулина О.В. Развитие профессиональной конкурентоспособности студентов строительных специальностей на современном рынке труда // Приволжский научный журнал. 2015. № 2 (34). С. 267–271.

6. Сулаева Е.П. Формирование предпринимательской компетентности у студентов техникума: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2011.151 с.

7. Грудзинский А.О., Бедный Б.И., Плехова Ю.О., Бедный А.Б. Роль и структура инновационного предпринимательского образования в исследовательском университете // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 3 (79). С. 56–63.

8. Филиппова Н.А. Формирование основ предпринимательской культуры старшеклассников // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 295–298.

9. Малинин В.А. Интеграция школы и вуза в условиях развития современной системы образования: Монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2014. 246 с.

10. Грудзинский А.О., Чупрунов Е.В. Стратегические изменения университета для повышения конкурентоспособности // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 132–140.

11. Мухина Т.Г., Щербакова Е.Е., Щербакова М.В. Проблемы развития малого инновационного бизнеса в Нижегородской области // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика: Сборник статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов / Науч. ред. Н.В. Фадейкина, Э.Г. Скибицкий, О.В. Глушакова. Новосибирск: Новосибирский архит.-строит. ун-т, 2017. С. 150–153.

12. Sorokoumova S.N. Foresight methods in pedagogical design of university learning environment / Ju R., Buldakova N.V., Sorokoumova S.N., Sergeeva M.G., Galushkin A.A., Soloviev A.A., Kryukova N.I. // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2017. V. 13. № 8. P. 5281–5293.

13. Experience of emotional and physical violence and psychological boundaries of personality of psychology students / Suvorova O.V., Ivanova N.V., Minaeva E.V., Mamonova Y.B., Sorokoumova S.N., Gutko A.V. // Espacios. 2017. V. 38. № 56. P. 34.

DEVELOPMENT OF SCHOOL STUDENTS' ENTREPRENEURIAL ABILITIES IN THE SYSTEM «SCHOOL – UNIVERSITY»

V.A. Malinin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article highlights the need for the development of students' entrepreneurial competence in the «school-university» system. Based on the theoretical and methodological analysis, it has been proved that in modern conditions a new paradigm of interaction between the school and the university is being formed, which includes an additional «entrepreneurial» dimension. However, there are not so many works in which the development of entrepreneurial skills is studied in the «school-university» system. At the same time, introducing school and university students to the ideas of entrepreneurship in the «school-university» system will make it possible to ensure the continuity of the programs and the involvement of students in continuing education. The author presents conceptual provisions and characteristics of the program of business training for students. Program components include the business incubator, creative and information centers, and the study of integrated courses of economic orientation. Preparation of innovative entrepreneurs is noted as a novel element in relation to existing research. The special role of the business incubator as an educational structure is revealed on the example of the «school-university» integration complex created at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod and at School No.187. The functions of the business incubator include: in-depth study of the subject, the development of creative research abilities and the development of entrepreneurial qualities of students in the framework of interaction with partner organizations. The diagnostic complex and the results of pedagogical monitoring of the research results are characterized. The positive impact of the proposed approach on the development of the most important personality traits of future entrepreneurs is demonstrated.

Keywords: entrepreneurial competence, entrepreneurial culture, integrative complex «school-university».

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (53)

2019

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 17,8. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 100 экз. Заказ № 147.
Дата выхода в свет: 29.03.2019
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет